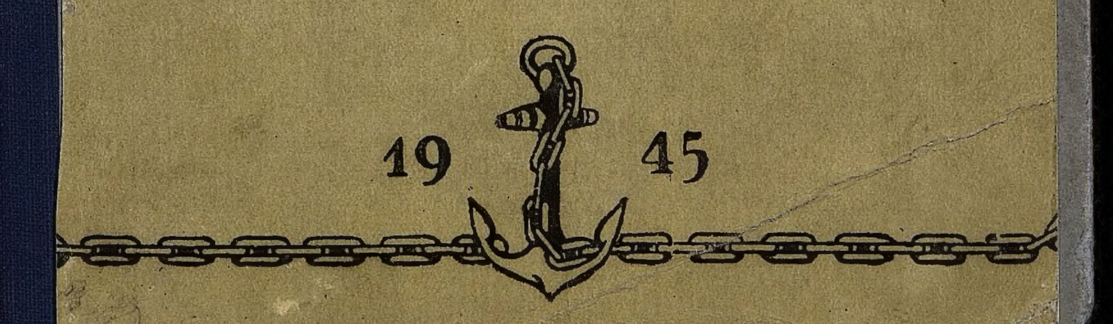
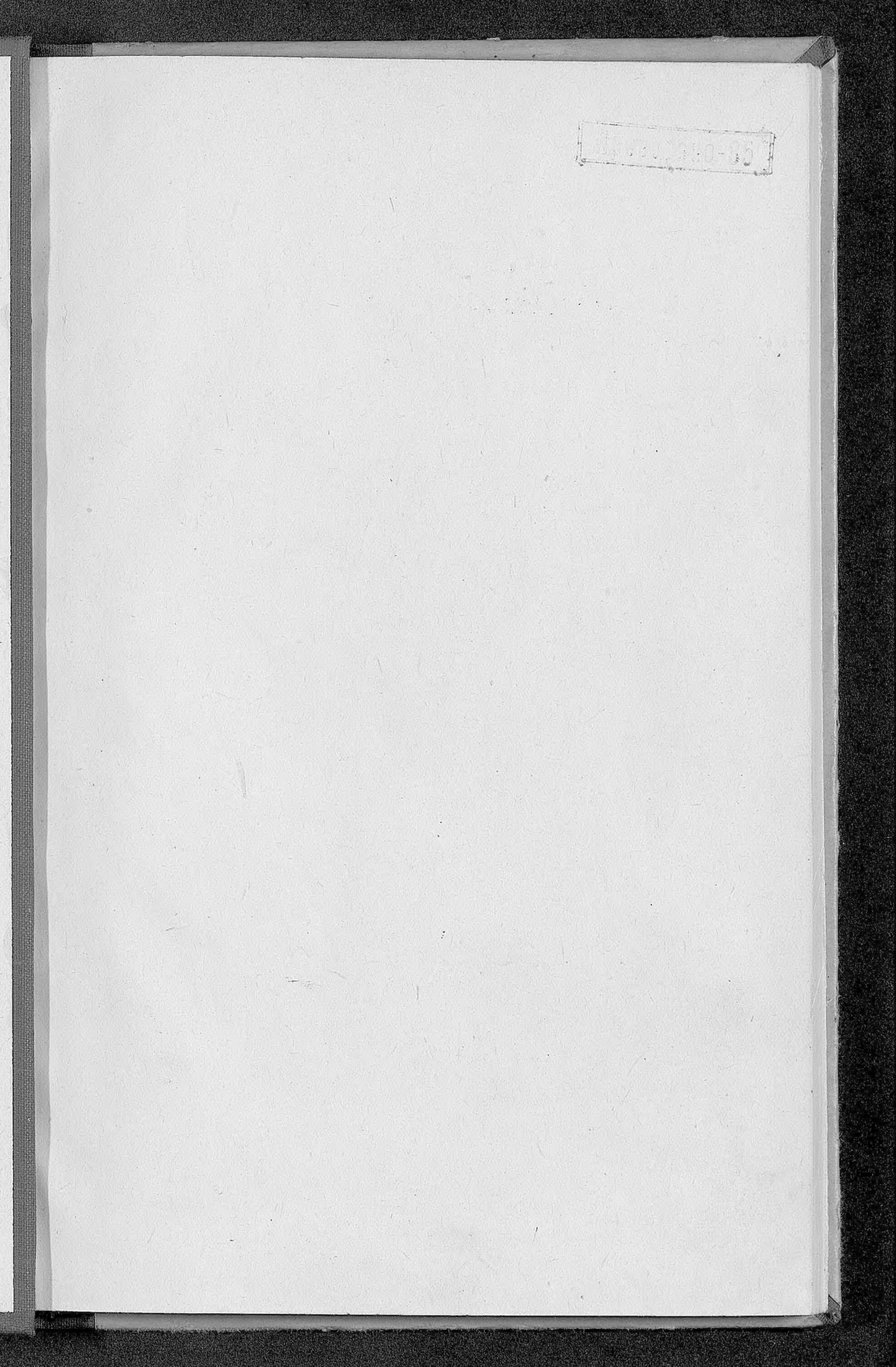
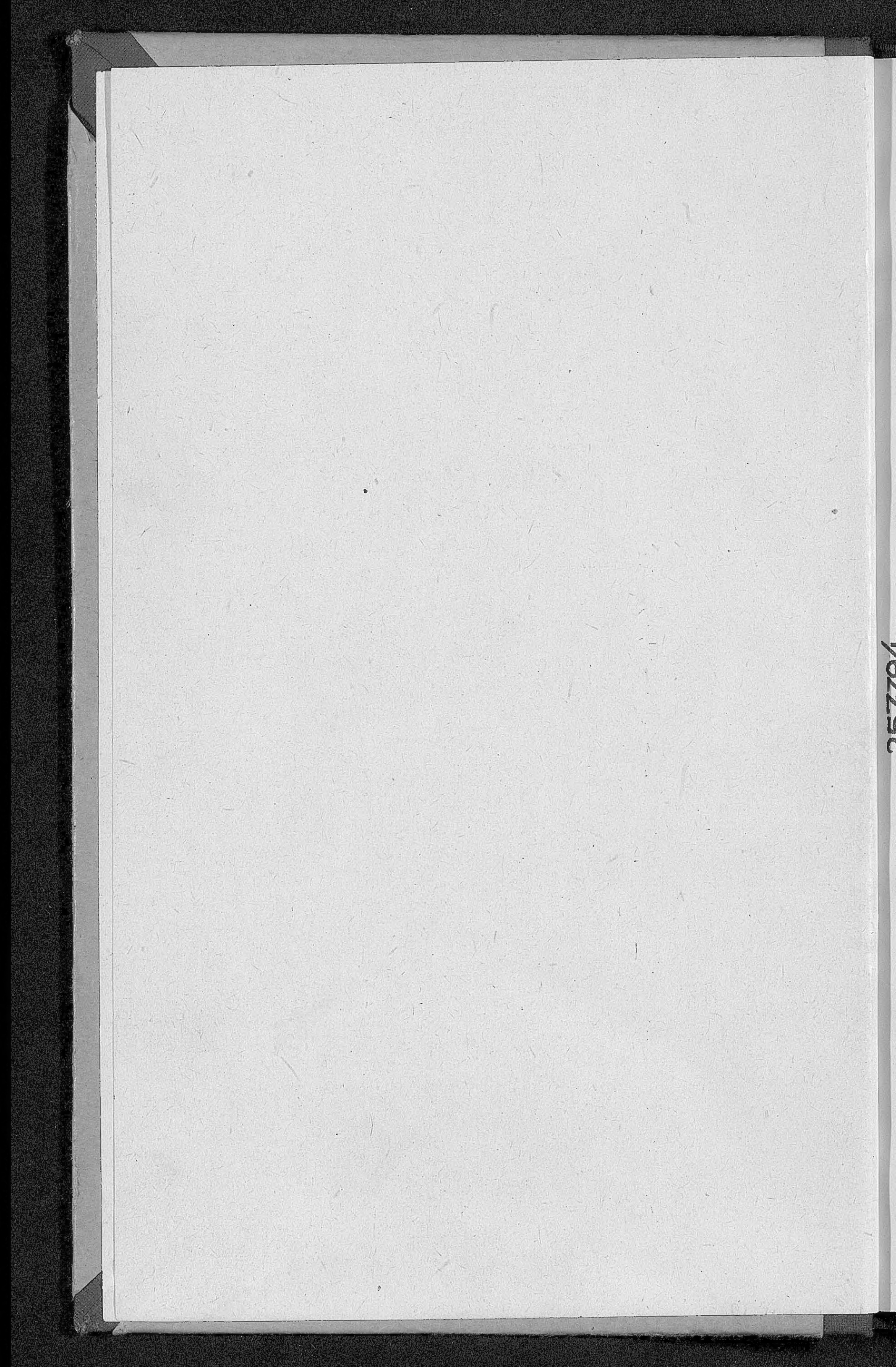
МОРСКОЙ СБОРНИК

11-12







За нашу Советскую Родину!

МОРСКОЙ СБОРНИК

Орган Народного Комиссариата Военно-Морского Флота Союза ССР

28 (98) год издания | № 11—12 | Ноябрь—Декабрь | 1945 г.

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Советский народ готовится к торжественному дню — 10 февраля 1946 г., когда будут производиться выборы в Верховный Совет СССР.

Во время первых выборов в Верховный Совет СССР наш народ единодушным голосованием за кандидатов блока коммунистов и беспартийных продемонстрировал свою высокую политическую активность, нерушимое морально-политическое единство, тесную сплоченность вокруг партии Ленина — Сталина и советского правительства.

Восемь лет отделяют нас от прошлых выборов. Из них четыре года советский народ вел невиданную в мировой истории по масштабам и напряженности войну против немецко-фашистских захватчиков. «Наш народ, — говорил товарищ Молотов в докладе 6 ноября 1945 г., — придет к избирательным урнам с накопленным за эти годы огромным политическим опытом, много передумав о судьбах своей родины, о событиях в Европе и во всем мире».

К предстоящим выборам в Верховный Совет СССР советский народ идет как народ-победитель, полный радостного сознания того, что наша страна избавлена от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке, гордый за социалистическую родину, за Красную армию и Военно-Морской флот, за советское правительство, за организатора и вдохновителя наших побед — коммунистическую партию, за любимого вождя, гениального полководца генералиссимуса Сталина.

Великая Отечественная война явилась испытанием всех сил советского государства, и наше государство с честью выдержало это испытание.

Советский народ вел Отечественную войну под знаменем Сталинской конституции, в которой записано самое дорогое, самое священное для него — социалистический строй, подлинно народная советская власть, действительное равноправие, широкие демократические права и свободы. Советские люди шли на величайшие жертвы и лишения, защищая от врага социалистическую родину, Сталинскую конституцию, которая обеспечивает им и их детям возможность пользоваться всеми благами науки и культуры, всеми плодами человеческого труда. В самые тяжелые дни войны советские люди не переставали верить в свое правительство, ибо они знали, что советское правительство, большевистская партия, великий Сталин приведут страну к победе.

Советский народ идет навстречу выборам в Верховный Совет СССР, отчетливо сознавая, что победа над сильным и коварным врагом, каким был германский фашизм, стала возможной лишь благодаря социалистическому строю, утвердившемуся в нашей стране. «Социалистический строй, порожденный Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреоборимую силу» (Сталин). Социалистический строй явился основой экономического и военного могущества советского государства, которое столь наглядно проявилось в годы Отечественной войны.

Благодаря социалистическому строю наше государство в результате сталинских пятилеток превратилось из отсталой аграрной страны в страну передовой индустрии и крупного механизированного сельского хозяйства. Кому не ясно, какое значение это имело для усиления военного могущества нашей родины!

В годы Отечественной войны ярко сказались преимущества советской экономики с ее единым государственным планом, с ее мощной материальной базой и неисчерпаемыми ресурсами. Народное хозяйство быстро перестроилось на военный лад, все было направлено на удовлетворение нужд фронта. Только для советского государства могло быть посильным выполнение таких задач, как перебазирование на восток многочисленных промышленных предприятий, переключение на выпуск оружия, боезапаса и различных видов снабжения для армии и флота огромного количества фабрик и заводов, не производивших ранее военной продукции, постройка во время войны новых заводов, электростанций, шахт, железнодорожных магистралей, расширение посевных площадей и внедрение новых сельскохозяйственных культур в восточных районах страны. Советское народное хозяйство обеспечило Красную армию и Военно-Морской флот всем необходимым для победы над врагом. Наша военная промышленность, продукция которой превосходила по качеству вражескую военную технику, в ходе войны обеспечила Красной армии и количественное превосходство в вооружении над армией гитлеровской Германии. Колхозы и совхозы, преодолевая необычайные трудности военного времени, сумели полностью удовлетворить потребности фронта. населения и промышленности в продуктах сельского хозяйства. На всем протяжении войны в тылу ни на минуту не прекращалась работа по подготовке людских пополнений для Красной армии и Военно-Морского флота.

«Вся наша страна, все народы нашей страны, — говорил товарищ

Сталин, — подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов». Это явилось выражением кровного единства нашего народа с армией, служащей благородным целям защиты социалистического государства, беззаветно отстаивающей народные интересы. Такое единство фронта и тыла является ярчайшим проявлением морально-политического единства советского народа, достигнутого в итоге построения социалистического общества и еще более окрепшего в суровые годы Отечественной войны.

Сила и преимущества социалистического строя нашли выражение в непревзойденных качествах победоносной Красной армии.

Созданная Лениным и Сталиным, выросшая и окрепшая вместе со всей советской страной Красная армия показала себя в боях за родину как самая передовая, самая сознательная, дисциплинированная и организованная армия. Одержав победу на полях сражений Отечественной войны, Красная армия спасла народы Советского Союза от немецко-фашистского рабства, отстояла свободу и независимость нашей родины и помогла народам Европы сбросить немецкое иго. В победе Объединенных Наций над фашизмом Красная армия сыграла решающую роль.

Воспитанные в духе беззаветного служения социалистической родине Красная армия и Военно-Морской флот были сильны прежде всего сознанием того, что они вели войну не захватническую, не империалистическую, а освободительную, справедливую. Это вдохновляло бойцов на подвиги, рождало массовый героизм.

С каждым годом войны Красная армия делалась все крепче и сильнее, ее боевая техника совершенствовалась, а боевое мастерство генералов, офицеров и бойцов все возрастало. Руководимые сталинским военным гением Красная армия и Военно-Морской флот выдвинули из своей среды плеяду выдающихся полководцев и флотоводцев, которые в небывалых по масштабам сражениях показали себя мастерами военного искусства и имена которых славит сейчас народ и будут славить грядущие поколения.

«Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР» — гласит Сталинская конституция. Советский народ-патриот показал, что это было, есть и будет первейшим законом его жизни.

Сознание того, что наша страна добилась военной победы благодаря силе и крепости социалистического государства, еще теснее сплачивает советский народ и мобилизует его на дальнейшее укрепление могущества нашей родины.

Огромные преимущества советского государственного строя и социалистического хозяйства народ видит и в том широчайшем размахе, с которым развернулись сейчас восстановительные работы в районах, разоренных и разграбленных немецко-фашистскими разбойниками. Ни в одной стране ликвидация последствий войны не проходит такими высокими темпами, как в Советском Союзе. Одновременно ширится фронт грандиозных созидательных работ, ведущих к новому мощному подъему народного хозяйства, к неуклонному повышению жизненного уровня населения, к дальнейшему расцвету нашей социалистической родины.

Готовясь к выборам в Верховный Совет СССР, советские люди отчетливо сознают, что как успехов на фронте социалистического строительства, так и военных побед наша родина добилась как страна

подлинно народной, до конца последовательной социалистической демократии.

«Мобилизующая сила советского демократизма и вдохновляющий на подвиги советский патриотизм особенно сказались в годы войны, — говорил товарищ Молотов. — Советские люди счастливы тем, что благодаря Октябрьской революции, спасшей нашу страну от низведения ее в разряд второстепенных государств, были освобождены скованные дворянско-буржуазно-помещичьим режимом силы народов, получивших невиданные ранее возможности развития на основе власти Советов. Вот почему в нашей победе над фашизмом мы видим, вместе с тем, великую победу советской демократии».

В нашей стране вся власть принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся. Советы, учит товарищ Сталин, «являются **непосредственными** организациями самих масс, то-есть **наиболее демократическими** и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении им и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс...»

У нас нет паразитических классов, нет эксплоатации человека человеком. Наша страна не знает кризисов и безработицы. Сталинская конституция навсегда закрепила великие права советских граждан — на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости, на образование. Женщине в СССР предоставлены равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Сталинская конституция не только провозглашает всеобщее, прямое и равное избирательное право при тайном голосовании, но и обеспечивает на деле осуществление его каждым гражданином СССР. В этом — одно из отличий советской демократии от демократии буржуазной.

Одной из важнейших черт советской демократии является равноправие народов СССР. Именно благодаря этому Советский Союз является самым крепким многонациональным государством, какое когда-либо знала история. Жестоко просчитались гитлеровские политики, мечтавшие поссорить между собой народы нашей страны. Братская дружба национальностей, населяющих Советский Союз, еще тесней скреплена в борьбе за независимость и свободу родины.

Во всех концах страны идет деятельная подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. Развернута широкая организационная работа, устремленная на то, чтобы обеспечить использование каждым советским гражданином своего почетного права участвовать в выборах верховного органа власти социалистического государства. Трудящиеся выдвигают кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР лучших людей родины. Всюду на предвыборных собраниях с огромным воодушевлением называется самое дорогое нам имя товарища Сталина как первого кандидата советского народа. Подготовка к выборам знаменуется новым подъемом политической и производственной активности всех слоев населения. Немецко-фашистские варвары нанесли колоссальный ущерб советскому народному хозяйству. Нам предстоит преодолеть большие трудности послевоенного времени. Рабочие, колхозники, интеллигенция с присущим советским людям упорством

взялись за решение задач восстановления и развития народного хозяйства, задач дальнейшего укрепления могущества нашей родины.

С огромным воодушевлением готовится к выборам в Верховный Совет СССР и личный состав Военно-Морского флота.

Беспредельна преданность военных моряков родине, советскому правительству, большевистской партии, великому Сталину. Горячую сыновнюю любовь к родине советские моряки продемонстрировали в великих битвах Отечественной войны, заслуженно стяжав себе славу бесстрашных, мужественных воинов. Они шли в бой с именем любимого Сталина и, не щадя своей крови и жизни, добивались одного — победы над врагом. «На Балтийском, Черном и Баренцовом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед советской родиной» (Сталин).

Сейчас, после того, как завоевана победа, когда страна вновь вступила на путь мирного социалистического строительства, личный состав Военно-Морского флота призван всеми силами бороться за закрепление нашей победы.

Энергичная, напряженная работа по усилению боевой мощи флота — вот первейший вклад в общее дело закрепления великой победы нашей родины, который обязаны внести мы, военные моряки.

Верховный Главнокомандующий генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин, в приказе № 371 от 22 июля 1945 г., посвященном дню Военно-Морского флота, сказал: «Советский народ хочет видеть свой флот еще более сильным и могучим. Наш народ создаст для флота новые боевые корабли и новые базы. Задача флота заключается в том, чтобы неустанно готовить и совершенствовать кадры моряков, полностью освоить боевой опыт Отечественной войны, еще выше поднять морскую культуру, дисциплину и организованность в своих рядах». Сталинские слова наполняют радостью сердце каждого военного моряка и в то же время обязывают к напряженной, упорной работе.

Самое опасное для победителей — зазнайство. Учиться упорно, настойчиво, вдохновенно — задача всего личного состава флота, и в первую очередь офицеров, адмиралов и генералов.

Живым ключом должна бить теоретическая военная мысль на флоте. Сталинское военное искусство — богатейшая сокровищница военной науки — освещает нашим теоретикам и практикам пути разработки важнейших проблем ведения войны на море, взаимодействия флота с армией, строительства флота и т. д. Возможности для развертывания научно-исследовательской работы у нас безграничны, а потребность в ней исключительно велика.

Боевая подготовка флота должна основываться на требованиях, вытекающих из опыта войны. Творчески изучая боевой опыт, нужно искать и находить новые формы и методы подготовки личного состава.

Отечественная война воочию показала решающее значение в обеспечении победы дисциплины и организованности. Каждый офицер должен помнить, что он обязан четко организовать службу и боевую подготовку на своем корабле, в части, в подразделении, насаждать железную дисциплину, проявлять высокую требовательность везде и во всем и в первую очередь — показывать личный пример организованности и дисциплинированности.

Выборы в Верховный Совет СССР мы должны ознаменовать

реальными успехами в выполнении первоочередных, неотложных задач, стоящих сейчас перед флотом.

Дело чести каждого советского моряка — от краснофлотца до адмирала — проявить высокую политическую активность и организованность в развернувшейся избирательной кампании и в проведении самих выборов.

Сталинская конституция предоставляет право каждому военнослужащему, наравне со всеми гражданами СССР, участвовать в выборах органов советской власти. «Граждане, состоящие в рядах Красной армии, — говорится в Конституции СССР, — пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами». Советское правительство проявляет заботу о том, чтобы правом участия в выборах мог воспользоваться каждый военнослужащий, вне зависимости от того, где он сейчас находится. Так, указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 октября 1945 г. предусмотрен порядок участия в выборах советских воинов, несущих службу за границей. Военнослужащие частей и соединений Красной армии и флота, находящиеся за пределами СССР, принимают участие в выборах по особым избирательным округам, образуемым в этих частях и соединениях.

Предстоящие выборы в Верховный Совет СССР и возросшая в связи с этим знаменательным событием политическая активность личного состава флота ко многому обязывают командиров всех степеней, а также флотские политорганы, партийные и комсомольские организации.

Все формы пропаганды и агитации необходимо использовать для широкого разъяснения среди личного состава нашего избирательного закона. Изучение Положения о выборах в Верховный Совет СССР и Сталинской Конституции должно быть поставлено так, чтобы каждый боец отчетливо представил себе все величие побед, одержанных нашей родиной благодаря утвержденному в нашей стране социалистическому строю и руководству партии Ленина—Сталина, уяснил сущность советской демократии и ее преимущества перед буржуазной демократией, знал права и обязанности гражданина СССР, а также отчетливо усвоил порядок выборов в Верховный Совет.

При проведении пропагандистско-агитационной работы на кораблях и в частях требуется диференцированный подход к различным группам личного состава. Следует учитывать, что многие краснофлотцы, старшины и даже офицеры во время прошлых выборов в Верховный Совет СССР не принимали участия в выборах, как не достигшие 18-летнего возраста. Эти товарищи будут выбирать впервые, и о них нужно проявить особую заботу.

Надо со всей большевистской энергией и страстностью вести агитационную работу в пользу кандидатов блока коммунистов и беспартийных, разъяснять избирателям, что, голосуя за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, мы голосуем за закрепление нашей победы, за выполнение грандиозной программы четвертой сталинской пятилетки, за дальнейшее укрепление обороноспособности родины, за рост благосостояния и повышение жизненного уровня населения.

Нашей обязанностью является оказание широкой помощи гражданским партийным и общественным организациям в подготовке к выборам трудящихся городов и сел.

Подготовка к выборам и их проведение связаны с большой организационно-технической работой, которая ложится на командиров кораблей и частей.

Советский народ, воины Красной армии и Военно-Морского флота встречают выборы в Верховный Совет СССР как никогда сплоченными вокруг организатора и вдохновителя наших побед — партии Ленина—Сталина. Советские люди вверили свою судьбу большевистской партии, ибо это есть единственная партия, выражающая подлинные интересы народа. Большевистская партия организовала победу социализма в советской стране, и это спасло нашу родину от порабощения ее фашистскими варварами.

Во время войны доверие народа к партии еще более возросло. «В дни Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия еще более сроднилась с народом, еще теснее связалась с широкими массами трудящихся» (Сталин).

Советский народ идет к выборам в Верховный Совет СССР полный чувствами горячей любви и преданности к своему вождю и учителю товарищу Сталину. Сталин — это знамя наших побед, слава и счастье нашей родины. Вся борьба советского народа, все его достижения и победы связаны с великим именем Сталина.

Вместе с Лениным Сталин создал большевистскую партию. Сталин — вождь и организатор Великой Октябрьской социалистической революции. Сталину советский народ обязан социалистическим преобразованием нашей родины и превращением ее в могучую державу. Сталин — творец самой демократической в мире конституции. Сталин создал мощную Красную армию и Военно-Морской флот и вооружил их непревзойденным военным искусством. Мировая история не знала еще такого вождя, который во время войны столь гениально осуществлял бы руководство вооруженными силами, политической и хозяйственной жизнью страны, который обладал бы такой непоколебимой волей, спокойствием и выдержкой, который так верил бы в свой народ и так любил бы свою родину, как наш Сталин. История войн не знала до Великой Отечественной войны примеров, чтобы, руководя колоссальной армией, насыщенной разносторонней техникой, действующей на огромном пространстве, полководец столь искусно координировал боевые действия фронтов, направляя их удары к единой цели — полному разгрому врага, как это делал генералиссимус Сталин.

Неоценимым счастьем для нашей родины является то, что в годы Великой Отечественной войны во главе нашего государства, во главе Красной армии стоял великий Сталин.

С именем Сталина на устах пойдут советские люди в день выборов в Верховный Совет СССР к избирательным урнам и, отдав голоса лучшим людям нашей родины — кандидатам блока коммунистов и беспартийных, изберут в Верховный Совет СССР депутатов, достойных доверия народа, достойных первого всенародного депутата, нашего вождя и учителя гениального полководца товарища Сталина.

ГРУППИРОВКА СИЛ МАНЕВРЕННОГО СОЕДИНЕНИЯ В БОЮ

С. П. СТАВИЦКИЙ

Вице-адмирал

*

СОВРЕМЕННЫЙ морской бой, как правило, ведущийся морскими силами разнородного состава, требует объединения этих сил для боя в так называемое **маневренное соединение,** организационно обеспечивающее единое руководство в бою действиями надводных кораблей и морской авиации, подводных лодок и береговой артиллерии, а также морской пехоты и частей специального назначения — в тех случаях, когда они принимают участие в бою.

Определение степени подчиненности и порядка взаимоотношений в бою между командирами частей маневренного соединения при организации последнего для боя является необходимым условием обеспечения единства действий соединения, направленных на подавление деятельности и уничтожение сил противника в бою.

*

Управление боем маневренного соединения требует, соответственно делению боя на периоды (этапы), — выявления на каждом из этих этапов функций, выполняемых силами, ведущими бой (как в отношении осуществления тех или иных воздействий на противника, так и в отношении того или иного вида обеспечения своих сил в бою), и назначения сил для выполнения этих функций, а также командиров, ответственных за управление ими.

Примером такого выявления функций в бою, ведущемся на море морскими силами, может служить: подготовка к нанесению решающего удара противнику в период тактического развертывания соединения во встречном бою, осуществляемая путем завязки боя и быстрого подавления огня и маневра противника передовыми силами соединения, объединенными в мощный авангард, который способен выполнить эту задачу и обеспечить главным силам своего соединения развертывание для удара в соответствии с замыслом боя.

Авангард, как **группа боевого порядка,** выполняющая наиболее ответственную задачу в соединении в период его развертывания для главного удара в бою, должен возглавляться наиболее опытным командиром, хорошо понимающим замысел командующего маневренным соединением. Этот командир, управляя боем авангарда, должен объединять действия всех участвующих в бою авангарда (в том числе и

разнородных) сил, независимо от степени их подчинения ему, и, соответственно этому, должен участвовать в их подготовке к бою.

Другим таким примером может быть разделение главных сил, предназначенных для нанесения сосредоточенного удара по избранному объекту противника в период главного удара, на две **ударные группы**, действующие с разных направлений и по-разному воздействующие на противника, т. е. выполняющие две различные функции и соответственно возглавляемые каждая своим командиром.

Третьим примером может быть выделение **группы демонстративного десанта** в период высадки на берег и захвата береговой полосы морскими силами, действующими совместно с сухопутными войсками. Такая, обеспечивающая, группа боевого порядка десантного отряда нанесением вспомогательного удара выполняет функцию отвлечения резервов противника от главного направления высадки и в главном ударе непосредственно не участвует.

Таким образом выявление определенной боевой функции в соединении на каждом этапе боя приводит к выделению сил для выполнения соответствующей боевой задачи и организации управления боевыми действиями на данном направлении.

Сочетание всех функций соединения в бою на данном этапе его ведéния служит основой для взаимодействия всех групп боевого порядка соединения между собой, целеустремляемого и направляемого командиром маневренного соединения на достижение общей цели боя.

Без такого разделения сил **на группы** в боевом порядке маневренного соединения, соответственно боевым функциям его, невозможно организованное осуществление воздействия на противника в бою и организованное противодействие его ударам.

*

Ведение боя соединением морских сил требует осуществления **взаимодействия** между группами боевого порядка для согласованного и дружного осуществления воздействий на противника, а также — борьбы всего соединения с противником, т. е. такого сочетания своих действий с действиями противника, которое, упреждая и парализуя замыслы последнего, должно привести к успешному осуществлению своего замысла в бою.

Правильная организация взаимодействия внутри своего соединения и организация борьбы с противником в бою являются необходимой предпосылкой успешного управления боем. Для этого также необходима соответствующая замыслу боя **группировка боевого порядка**.

*

Основные функции соединения морских сил в бою, соответственно которым расчленяется его боевой порядок, отвечая на каждом этапе боя общей цели действий соединения, мы можем себе представить в сочетании с группами, выполняющими эти функции, в следующем виде.

В период тактического развертывания соединения действуют:

а) **тактическая разведка,** в основном воздушная, выполняющая функцию первой важности на каждом этапе боя в интересах всего соединения;

б) **передовые отряды,** подготовляющие своим воздействием на противника обстановку для начала главного удара;

в) **группы прикрытия** на соответственных морских направлениях (в обороне) и с воздуха, сдерживающие наступление противника и обеспечивающие своевременный ввод в действие главных сил соединения;

г) **главные силы,** предназначенные для нанесения решающего удара по избранным объектам противника;

д) **боевое охранение** (среднее и дальнее), обеспечивающее главным силам свободу маневра и действий оружием в условиях активного противодействия со стороны противника.

В период главного удара в бою выполняют свои функции:

а) **тактическая разведка;**

б) **ударные группы** (одна или несколько), осуществляющие воздействие на противника, долженствующее парализовать его главные силы и обеспечить достижение цели боя последующими действиями;

в) **обеспечивающие группы** (одна или несколько), своими активными действиями отвлекающие часть сил противника от противодействия ударным группам и облегчающие последним выполнение их задачи;

г) **группа развития успеха,** создаваемая в необходимых случаях специально для действий по непосредственному достижению конечной цели боя;

д) **резерв,** предназначенный для выполнения новых задач, возникающих в ходе боя при его развитии.

В период развития успеха главного удара боевые функции выполняют:

а) **тактическая разведка;**

б) **ударные группы** (одна или несколько) для развития успеха в направлении цели боя;

в) **обеспечивающие группы,** выполняющие вспомогательные действия, облегчающие ударным группам выполнение их задачи.

*

Терминология в вопросах, связанных с группировкой сил в боевых порядках соединения, ведущего бой, требует некоторого уточнения.

Обычное подразделение направлений действий в бою на:

а) **главное направление** в бою или **направление главного удара,** ориентированное на объекты, избранные для нанесения противнику главного удара, и

б) **вспомогательные направления** —

остается неизменным.

Удары, наносимые в бою по различным объектам противника, носят названия:

а) **главного удара,** когда они нацелены на ту часть группировки противника, разгром которой, по замыслу командира маневренного соединения, должен надежно обеспечить успех в достижении цели боя, и

б) **вспомогательных ударов,** наносимых по другим объектам противника с целью облегчения выполнения главного удара.

Соответственно изложенному, отдельные группы боевого порядка соединения, выполняющие эти удары, должны носить наименования:

а) **ударных групп,** когда они участвуют в выполнении главного удара, и

б) **обеспечивающих групп** — при выполнении ими вспомогательных ударов и иных действий для обеспечения успеха главного удара.

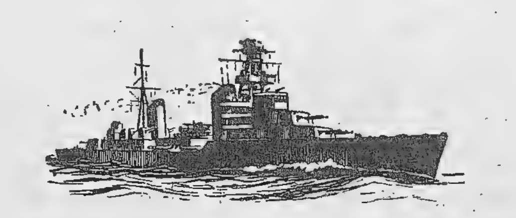
Все силы маневренного соединения, участвующие в бою, все группы боевого порядка, выполняющие каждая свою боевую задачу, наносят при этом противнику удары, используя их как средство для преодоления сопротивления противника, или угрожая нанесением удара и устраняя этим попытки противодействия со стороны противника. Поэтому все виды действий обеспечивающих групп в бою носят характер вспомогательных ударов и должны быть отнесены к этой категории.

*

Коллективный характер ведения современного боя морскими силами разнородного состава обязывает к использованию в бою тактических и организационных форм, в максимальной степени допускающих применение активности и самостоятельности в действиях командиров частей маневренного соединения.

Эти формы, сохраняя возможность управления всем боем в руках командира соединения посредством постановки им боевых задач частям соединения, должны предоставить командирам отдельных групп боевого порядка возможность самим, на месте действий, решать вопросы о способах выполнения своих задач в быстро меняющейся обстановке подвижного морского боя.

Целесообразное функциональное дробление боевого порядка маневренного соединения и создание группировки, соответствующей замыслу командира его, должно при этом обеспечить в полной мере гибкость и надежность управления боем.



ОПЕРАЦИЯ АВИАЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПРОТИВ КОНСТАНЦЫ В АВГУСТЕ 1944 г.

Ф. Л. МАКУХИН

Подполковник

РАССМАТРИВАЕМАЯ операция, проведенная в августе 1944 г., по составу участвовавших сил, организации и результатам явилась значительным событием в боевой деятельности военно-воздушных сил Черноморского флота. Она показала мастерство и высокий уровень боевой подготовки летчиков-черноморцев. Опыт подготовки проведения этой операции весьма ценен и заслуживает внимательного изучения.

ЗНАЧЕНИЕ УДАРА ПО ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЕ КОНСТАНЦА

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, после некоторой стабилизации линии фронта, начали наступление на всех направлениях. Успешно развивалась крупнейшая по значению Ясско-Кишиневская операция.

На приморском направлении так же стремительно наступали армии 3-го Украинского фронта, которым оказывали активное содействие Дунайская флотилия, наземные части и военно-воздушные силы Черноморского флота.

Военно-морская база Констанца, в условиях развертывавшихся боевых действий на территории Румынии, в общей системе обороны противника на приморском участке имела большое значение. Находясь в операционной зоне, Констанца являлась крупной и для Румынии единственной морской базой, где было собрано основное ядро боевого флота противника, откуда производились различные операции и организовывалась оборона побережья. В Констанце же находилась база подводных лодок немецкого флота, действовавших в течение всего периода войны на наших коммуникациях в Черном море. Наконец, Констанца являлась основной базой питания румынского флота и войск Приморской армии, обеспечивала связь по р. Дунай с внутренними районами страны.

Таким образом, в этот период Констанца обеспечивала повседневные действия кораблей и соединений неприятельского флота при выполнении ими поставленных задач.

Одновременно с воздействием на базу Констанца намечались боевые действия по кораблям и транспортам на коммуникациях вдоль побережья моря, по Дунаю, а также удары по речным портам.

Выполнение задач боевого воздействия на корабли и различные суда противника и на базу Констанца было возложено на военно-воздушные силы Черноморского флота и соединения катеров Дунайской флотилии. Последним ставились задачи поддержки фланга армии, прорыва в гирло Дуная, обеспечения высадки десантов и захвата речных портов.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕЛИ

В результате продолжительной разведки, к началу операции, т. е. к 10 августа 1944 г., о военно-морской базе Констанца имелись довольно точные и достоверные сведения.

В порт были стянуты 116 различных кораблей и транспортных средств, в том числе несколько эскадренных миноносцев, вспомогательный крейсер, миноносцы, танкеры, транспорты различного тоннажа и т. д.

Подводные лодки и малые корабли (сторожевые корабли, тральщики, торпедные катера, быстроходные десантные баржи, катера различных назначений и другие) в основном были сосредоточены у причалов в ремонтной и угольной гаванях. База подводных лодок находилась в южной части восточного мола.

Такая диспозиция кораблей, плавсредств порта и транспортов почти не изменялась от начала операции до момента нанесения главного удара, что подтверждалось в последующем систематической аэрофотосъемкой.

Противовоздушная оборона базы слагалась из зенитной артиллерии и истребительной авиации прикрытия.

В районе базы в радиусе 18—20 км было выявлено до 42 батарей среднего калибра и 42 батарей мелкокалиберной зенитной артиллерии, причем 60% этих зенитных средств было расположено в городской черте и районе порта.

Кроме того, противник мог дополнять противовоздушную оборону базы зенитными средствами кораблей, на которых насчитывалось 69 зенитных орудий среднего калибра и 84 мелкокалиберных орудия.

Плотность зенитного огня на подступах к базе была различной. При нападении с сухопутного сектора, особенно при подходе вдоль береговой черты, наши самолеты могли попадать в двухслойный огонь за 30 км от порта, а при нападении с морского сектора — за 11 км.

Зона огня делилась по плотности (количеству слоев) примерно на три пояса: самый удаленный (2—3 слоя) имел ширину 5—7 км; средний пояс (7—8-слойного огня) имел ширину 18—20 км и центральный (величина воронки бомбометания) имел 40-слойный огонь, радиус которого равнялся 6—7 км. При этом надо указать, что эти данные соответствовали дистанции стрельбы по высоте 10—11 тысяч метров. Следовательно, для боевых высот авиации 5000—3000 м зона огня зенитной артиллерии и распределение поясов изменялись в сторону увеличения приблизительно на 20—25%. Таким образом, при атаках объектов базы продолжительность пребывания авиации в зоне сильного зенитного огня равнялась примерно 5,5 минуты.

Сеть постов ВНОС и СНиС была расположена в радиусе 80—100 км и дополнялась в морском секторе ближним и дальним морскими дозорами. Вокруг базы было радиально установлено около пяти радиолокационных станций обнаружения. Из них три, по данным разведки, нахо-

дились на о. Фидониси (Змеиный), у мыса Калиакра и в самой базе Констанца.

Такое расположение средств обнаружения позволяло обнаруживать противника в воздухе на следующих радиусах:

Высота полета в *м*	Радиус обнаружения в *км*
9000	150
7000	120
5000	100
3000	80
2000	65
1000	40

При переводе на время полета при атаке базы с морского сектора это равнялось соответственно периоду от 7 до 20 минут. Если учесть, что фланговые радиолокационные станции были выдвинуты на некоторое расстояние от порта, то время обнаружения противником полета наших самолетов для нападения на базу с сухопутного сектора примерно равнялось 12—30 минутам.

В обоих случаях время предупреждения могло обеспечить готовность к обороне зенитной артиллерии и дежурных подразделений истребителей.

Точных сведений о составе, дислокации и маневре истребителей прикрытия базы противника не имелось. Однако воздушная разведка устанавливала наличие на различных аэродромах нескольких групп истребительной авиации противника, с общей численностью до 50 самолетов. В разные периоды численность истребительной авиации менялась. Последующие контрольные разведки устанавливали весьма противоречивые данные об истребителях противника.

Систематическое базирование истребителей отмечалось в районе Констанцы на аэродромах Мамайя, Де-жос; в Бессарабии — Измаил, Болград, Жебрияны, Бородино и т. д.

Из-за неясности воздушной обстановки, противодействие противника оценивалось как максимальное.

ЗАДАЧИ УДАРА И ПЛАН ОПЕРАЦИИ

Основными задачами операции против Констанцы были: а) ослабление флота противника выводом из строя боевых единиц и уничтожением баз подводных лодок; б) вывод базы из строя на период выполнения задачи форсирования реки Дунай и продвижения войск Красной армии в Центральную Румынию; в) создание режима, затрудняющего плавание на коммуникациях и действия кораблей противника по охране или обеспечению этих коммуникаций.

Идея операции заключалась в следующем.

На протяжении нескольких дней, до главного удара по базе, действиями мелких групп и одиночных самолетов-бомбардировщиков в ночное время по кораблям, стоящим в порту, изматывать противовоздушную оборону и гарнизон базы. Таким образом решалась задача приучить противника к определенному способу действий нападающей авиации, а затем, используя усыпленную бдительность обороны базы, внезапно нанести несколько массированных ударов.

Параллельно вести систематические действия штурмовиков и бомбардировщиков по кораблям и судам на р. Дунай, а также по портам Сулина и Килия.

В целях обеспечения главного удара предварительно нанести ряд бомбоштурмовых ударов по аэродромам истребителей и местам расположения радиолокационных станций противника.

Главный удар нанести внезапно, в утренние часы, по истечении пяти суток от начала операции, массируя действия в самый непродолжительный период времени. Удар главных сил — пикирующего бом-

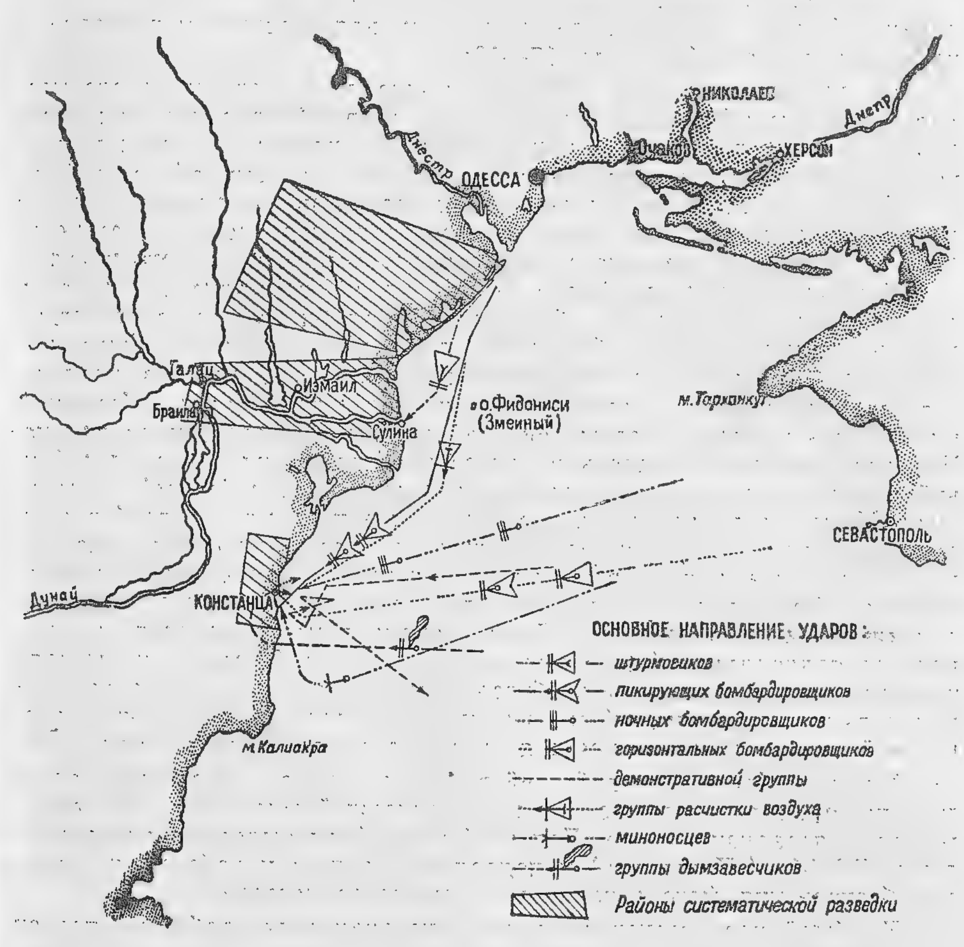


Рис. 1. Схема главного удара авиации Черноморского флота по Констанце.

бардировочного соединения и соединения горизонтальных бомбардировщиков — должен был быть нанесен в течение 30—40 минут с разных направлений и высот, с задачей уничтожения эскадренных миноносцев и баз подводных лодок. Удар главных сил обеспечить ослеплением зенитных батарей и подавлением истребителей противника как в воздухе, так и на земле (рис. 1).

Далее — в течение последующих трех-четырех дней систематические действия ночью и днем по базе Констанца и бомбоштурмовые удары с целью нарушения деятельности портов противника.

В ночное время в течение всей операции производить минные постановки на подступах к базе.

Операция делится на три этапа: предваряющий (подготовительный), главный удар и завершающий этап. Первый этап служит подготовкой к главному удару; главный удар характерен массированием сил; завершающий этап поддерживает созданное для противника напряжение и оканчивается новым массированным ударом по базе.

Содержание задач частей, обеспечивавших удар главных сил, и задачи боевого обеспечения — усилий и направленности разведки — характеризуются табл. 1 (стр. 17—18).

Анализируя этот план действий, можно легко установить стремление полностью обеспечить и подготовить главный удар, так как предваряющие действия первого этапа вполне обеспечивали получение всех необходимых данных обстановки и вскрывали систему обороны базы.

Последний этап рассчитывался как этап развития успеха главного удара, поддержания созданного режима, затрудняющего деятельность базы, и нанесения повторного, завершающего, массированного удара.

Как видно из дальнейшего изложения, планирование сил авиации предусматривало надежное обеспечение истребительным прикрытием ударных групп, а также обеспечение действий главных сил. Было предусмотрено также подавление авиации на аэродромах и в воздухе, а также уничтожение средств обнаружения с тем, чтобы обеспечить внезапность выхода главных сил со стороны Днестровского лимана. Наконец, предусматривалась в случае необходимости в период действий главных сил дымовая завеса для вывода части батарей противника. Несмотря на то, что непосредственное прикрытие истребителями было достаточно сильным, принимались все меры для вывода воздушного противника из района цели в период удара. Намечалось рассредоточение бомбардировщиков для действия их мелкими группами с пикирования по кораблям. Была создана демонстративная группа, которая подходила к базе с морского сектора за 30 минут до выхода главных сил, привлекая истребители противника на себя с задачей измотать их маневром и боем, а также вынуждая другую часть истребителей израсходовать горючее до момента выхода наших главных сил.

В части обеспечения действий в день главного удара нужно отметить хорошую организацию спасения экипажей самолетов при вынужденных посадках в море. Для этой цели были выделены гидросамолеты «PBN-1» («Каталина») и подводные лодки; у побережья районов базирования было установлено дежурство катеров.

К общей характеристике плана операции надо добавить, что он был построен на двух основных принципах, обеспечивавших выполнение решаемых задач: 1) высокая дисциплина в выполнении всех элементов боевого плана по месту, времени и цели; 2) инициатива каждого командира группы, основанная на знании общих целей и плана операции и на умении действовать с учетом изменяющейся обстановки.

ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИИ

Участвовавшие в операции силы были организованы по схеме, приведенной на рис. 2 (стр. 19).

Выполнению операции предшествовало оперативное развертывание авиационных группировок, соединений и частей.

Таблица 1

Задачи частей, обеспечивавших удар главных сил

Задачи	Время	Силы
Первый этап (1-й—4-й дни операции)		
Постановка мин на подходах к Констанце	Каждые сутки, действия ночью	30 самолетовылетов
Ночные бомбардировочные удары по Констанце	Каждые сутки	40 самолетовылетов бомбардировщиков
Уничтожение кораблей в порту Сулина	По особому плану 1-й—4-й дни операции	36 пикирующих бомбардировщиков 24 штурмовика 18 истребителей
Систематические действия по плавсредствам на р. Дунай	То же	64 штурмовика 80 истребителей
Уничтожение постов ВНОС и радиолокационных установок на о. Фидониси (Змеиный)	3-й и 4-й дни операции	20 штурмовиков 20 истребителей
Командирская разведка накануне удара	4-й или 5-й день операции	1 пикирующий бомбардировщик 18 истребителей
Второй этап (5-й день операции)		
Ночной удар перед рассветом мелкими группами	22.00—03.00	14 бомбардировщиков
Демонстративный налет с целью вызова истребительной авиации и отведения ее от главных сил, выматывания противника для израсходования горючего к моменту подхода главных сил	09.30—10.50	10 бомбардировщиков 10 истребителей
Подавление истребителей на аэродромах в районе Бессарабии	10.15—10.20	20 штурмовиков 20 истребителей
Постановка дымовых завес путем сбрасывания дымовых авиационных бомб для ослепления наблюдательных постов и зенитных батарей противника в Констанце	10.57	9 бомбардировщиков 12 истребителей
Подавление истребителей противника в воздухе (так называемая расчистка воздуха) в период действия главных сил	10.57—11.20	12 истребителей
Главные силы: Удар по пловучей базе подводных лодок	10.57	9 бомбардировщиков
Главные силы: Удар по кораблям в Констанце	10.57—11.20	62 пикировщика 72 истребителя
Спасение экипажей в районе цели и по маршруту	Вылет по сигналу ВПУ и с момента вылета главных сил	6 летающих лодок 8 истребителей
То же	По особым указаниям	2 подводные лодки

Окончание таблицы см. на стр. 18

Окончание таблицы 1

Задачи	Время	Силы
Третий этап (6-й—10-й дни операции)		
Ночные действия по кораблям в Констанце	6-й—9-й дни операции	20 бомбардировщиков
Дневные бомбардировочные действия по Констанце (4 вылета)	6-й, 8-й, 9-й дни операции	90 пикировщиков 115 истребителей
Бомбардировочно-штурмовые действия по портам и на коммуникациях Дуная	6-й—10-й дни операции	90 штурмовиков 90 истребителей
Вне этапов		
Разведка предварительная и контрольная	По плану разведки, ежедневно	30 самолетовылетов

Основная группировка, выполнявшая главный удар, базировалась на аэродромы, находившиеся в районах, прилегающих к Днестровскому лиману — на побережье северо-западной части Черного моря. Другая группировка бомбардировщиков и некоторая часть групп истребителей и разведчиков базировались на аэродромах Крыма.

Оперативное развертывание преследовало следующие цели:

1. Создать районы базирования авиации, объединенной общими и непосредственными задачами, и облегчить управление ими.

2. Приблизить к объектам действия базирование авиационных частей, имевших на вооружении самолеты с ограниченным радиусом действия. Это прежде всего относилось к штурмовикам и истребителям, а также к некоторым типам бомбардировщиков.

Штабом ВВС ЧФ, по разработанным им материалам военных игр, учений по боевому управлению и летно-тактических учений, велась подготовка к выполнению задач операции.

В этот период была проведена специальная проверка степени подготовки и уровня боевой готовности авиационных частей и соединений.

Не менее важную работу по подготовке к выполнению своих задач в операции провели и авиационные соединения, отрабатывая не только план действий, но и тактические способы выполнения атаки, совершенствуя огневую и бомбардировочную подготовку.

В большом масштабе была организована оперативная и тактическая разведка в интересах предстоящей операции. Разведка велась централизованно под руководством штаба ВВС и выполнялась разведывательными авиационными частями. Помимо того, разведка велась попутно и по плану авиационных соединений, причем выполнялись, в интересах предстоящей операции, частные задачи.

Основными задачами разведки являлись:

а) выявление интенсивности движения судов на коммуникации противника Бургас — Сулина, Сулина — Браилов по реке Дунай; б) выяснение диспозиции кораблей в портах Сулина, Браилов и Констанца; в) определение мест базирования истребителей противника в прибрежной полосе (100-километровой зоне от побережья) и наблюдение за маневрами в этот период вражеской авиации; г) определение системы воздушного прикрытия над объектами действия; д) вскрытие зенитной обороны портов и базы Констанца.

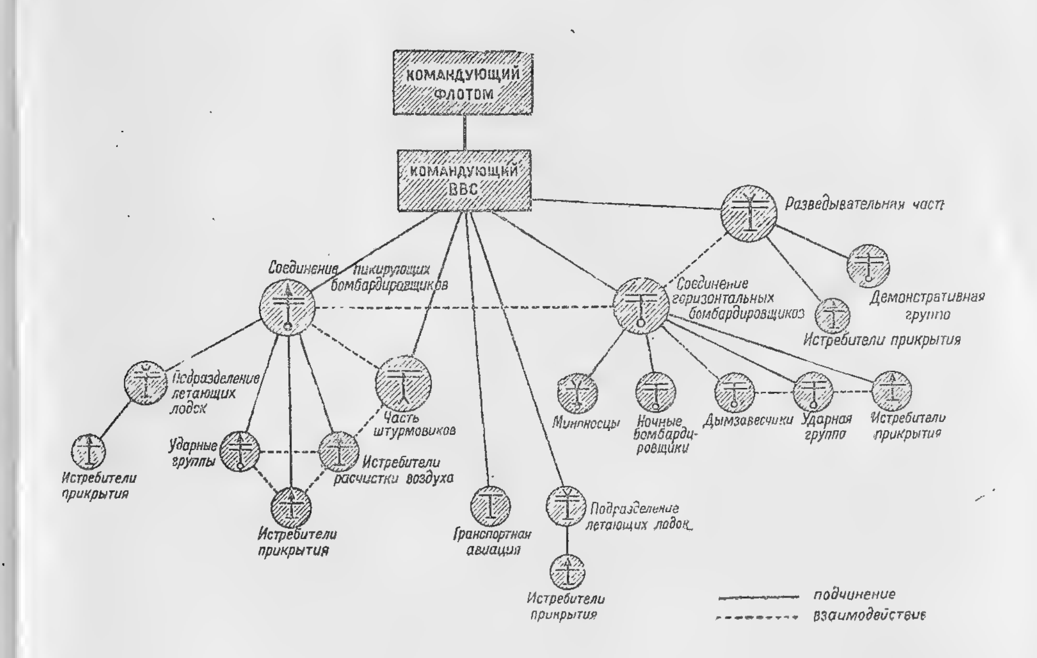


Рис. 2. Схема подчинения сил, участвовавших в операции.

Разведка велась одиночными самолетами на разных высотах. Объекты предстоящих ударов разведывались систематически группой скоростных бомбардировщиков или группой истребителей (утром и вечером) с аэрофотосъемкой основных целей.

Все авиационные соединения проделали большую работу по усовершенствованию материальной части самолетов в период подготовки к полету в составе больших групп, а также и по увеличению радиуса полета. Были проведены конференции летно-технического состава по вопросам эксплоатации самолетов и изучению режима группового полета. В отдельных авиационных частях были проведены опытные полеты на предельный радиус и тренировка всего личного состава для взлета самолетов в перегрузочном варианте.

Сообразно плану операции и схеме оперативного развертывания, органы тыла полностью обеспечили аэродромы базирования необходимыми запасами горючего, боепитания и средствами материально-технического обеспечения.

В начале августа все части пришли в готовность к действию. Начало операции должно было быть определено командующим Черноморским флотом и зависело от развертывания боевых действий 2-го и 3-го Украинских фронтов.

ОРГАНИЗАЦИЯ БОЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Общность задач, требования организации взаимодействия между видами авиации, особенности базирования — вот вопросы, которые определили схему боевого управления на предстоящую операцию.

Вспомогательный пункт управления (ВПУ) военно-воздушными силами был развернут на время операции в районе базирования основных ударных сил. На этом пункте находилась оперативная группа штаба ВВС, включавшая оперативную и разведывательную части штаба, представителей связи, инженерно-авиационных и других специальных служб и оперативного тыла ВВС.

Для управления соединениями в воздухе была разработана таблица условных сигналов (ТУС) и были установлены сигналы, определявшие начало операции и день главного удара. Каждой части и соединению были определены позывные. Все соединения, участвовавшие в ударе, имели необходимые боевые наставления, схемы, графики и организационные указания.

После принятия решения командующим ВВС, штаб ВВС разработал схему организации удара и поставил перед каждым командиром соединения и части задачу детальной разработки своих частных ударов. Каждый командир авиационного соединения и отдельной части на основе поставленной задачи, схемы и организационных указаний штаба ВВС разработал свою часть общей операции и представил ее на утверждение командующему ВВС. По утверждении последним представленных частных планов операции штаб ВВС откорректировал и уточнил общий план и разработку операции и, после окончательного утверждения, разослал их подчиненным штабам авиационных соединений и частей. Таким образом были применены и централизованный и децентрализованный методы подготовки операции.

В процессе подготовки операции командующим ВВС Черноморского флота созывались инструктивные совещания по проработке плана операции и указаний по подготовке соединений и частей ВВС. Широко практиковались личные посещения соединений и частей офицерами штаба ВВС.

За короткий срок на пункте нового базирования, согласно разработке штаба ВВС, была организована электролинейная связь, явившаяся главным средством управления в районе базирования основной ударной группы. С авиационной группой, базировавшейся на крымские аэродромы, осуществлялась радио- или авиасвязь.

В связи с изменением обстановки, отдельные боевые действия, предусмотренные планом операции, изменялись как в отношении намеченных объектов, так и по составу действующих сил.

Обработка фотодонесений и размножение разведывательного материала для ведущих групп производились в созданных для этой цели трех фотолабораториях.

Задачи, которые были указаны по плану авиационным соединениям, корректировались накануне дня действий, вечером.

В авиационных соединениях и частях постановка новых задач или изменение их осуществлялись путем личного посещения командиром своего подчиненного или путем вызова последнего на командный пункт соединения или части.

ВЫПОЛНЕНИЕ ОПЕРАЦИИ

Действия на первом этапе операции, длившемся пять дней, в основном соответствовали плану. На основании получавшихся сведений о деятельности порта Сулина, в котором не оказалось достойных внимания целей, пришлось изменить план боевых действий для само-

летов «Пе-2». Вместо запланированного совместного удара пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков, задачу выполняли только штурмовики под прикрытием истребителей. Благодаря внезапности действий удар 21 августа дал хороший результат.

В это же время разведка установила признаки эвакуации немецких войск из Румынии, в частности, была вывезена радиолокационная станция противника с о. Фидониси (Змеиный), в результате чего бомбоштурмовой удар по этому острову был отменен.

Также отмечались изменения и в отношении группирования истребительной авиации противника. В этот период была произведена фотосъемка аэродромов Галац, Болград, Болгаринка, Четырлунга, Лейпциг, Тарутино, Бородино, Монзырь, Абокалия, Валентор, Стурал и Жебрияны. На аэродроме Галац было обнаружено 19 «Ju-52» и три «Ме-109», а также учебные самолеты «Fi-156» («Шторк»); на аэродроме Лейпциг 12 «Ме-109» и «FW-190»; на аэродроме Болград три «Ме-109»; на аэродроме Жебрияны три «Ме-109». На остальных аэродромах авиации противника не оказалось. Ясно, что такая слабая группировка истребителей противника, от которых ранее ожидалось противодействие на маршруте наших основных авиационных сил, серьезного сопротивления прикрытию бомбардировщиков оказать не могла. Поэтому удары по аэродромам противника были отменены.

Действия наших авиационных групп в этот период или не встречали сопротивления в воздухе или это противодействие было слишком ничтожно и легко подавлялось нашими истребителями сопровождения. Основным средством противодействия нашим налетам явилась зенитная оборона объектов.

Главный удар был назначен на 20 августа 1944 г.

После ночного удара действия начались с утренней доразведки, проводившейся с целью установления диспозиции кораблей в Констанце и порту Сулина.

Время вылета участвовавших авиационных частей было выдержано по установленному плану.

Действия частей по обеспечению удара главных сил. Группа в составе девяти «А-20-G» («Бостон-3») в сопровождении двенадцати истребителей прикрытия «Р-40-N» («Киттихаук») вылетела с целью демонстрации нападения на Констанцу с морского сектора. Точно намеченному в плане времени — 9 час. 30 мин. — группа вышла в свою расчетную точку начала маневра, производя последовательно намеченное маневрирование, которое и закончила в 10 час. 55 мин. Противодействие полету этой группы оказалось очень слабым. Одиночные истребители противника появлялись в районе полета последовательно, в бой не вступали и сразу же выходили из района в западном направлении. Таким образом цель демонстрации была бы достигнута полностью, если бы противник имел достаточные силы истребителей. Как впоследствии выяснилось, противник имел всего несколько самолетов-истребителей на аэродроме Мамайя, почему серьезного противодействия при ударе оказать не смог.

В 10 час. 30 мин. — 10 час. 40 мин. штурмовики части майора Трушина произвели штурмовой и бомбардировочный налет на корабли в порту Сулина, в результате чего уничтожили несколько барж и произвели разрушения на причалах порта.

Этим ударом было достигнуто, кроме выполнения непосредственной задачи штурмовиков — уничтожения кораблей, — отвлечение истребителей противника с аэродромов, вблизи которых проходил маршрут колонны главных сил. Истребители противника вылетели для отражения действий штурмовиков по порту Сулина. Таким образом была выполнена задача сковать истребители противника и лишить их возможности наращивания сил в районе Констанцы.

В 10 час. 55 мин. над Констанцей появилась группа дымзавесчиков в составе девяти А-20-G в сопровождении 12 истребителей. Дымовая завеса была поставлена в южной части Констанцы, в районе Аквила Романа, и закрыла площадь примерно в 1000×1500 м.

Правильное избрание пеленга фронта дымовой завесы явилось положительным моментом в ее постановке. Завеса затрудняла действия нескольких зенитных батарей, так как в момент выхода бомбардировщиков с этого сектора на цель она представляла собою густую непросматриваемую пелену дыма, отчего в этом районе зенитный огонь был мало эффективным. Однако это мероприятие полностью решить задачу ослепления батарей не могло, так как выделенные для постановки дымовых завес силы и средства были недостаточны. Противовоздушная оборона Констанцы, имея значительное количество зенитных батарей, могла маневрировать огнем с разных секторов базы, что и было на практике.

Отрицательным моментом явилось запоздание развития дымовой завесы по отношению к моменту выхода первых групп основных сил бомбардировщиков, благодаря чему в первый период она была неэффективной. Экипажи, атаковавшие цель с северного направления, видели лишь столбы дыма, вытягивающиеся на юг. Это, следовательно, дает право утверждать, что постановка дымовой завесы должна упреждать выход бомбардировщиков в атаку на 5—8 минут. Второе — район, закрытый дымовой завесой, был далек от расположения целей, т. е. осталась открытой площадь, где было наибольшее сосредоточение зенитных батарей противника.

Этот опыт постановки дымовых завес учит, что, наряду со сбрасыванием дымовых бомб, надо применять и осколочные бомбы для вывода из строя личного состава противника на огневых позициях батарей и наблюдательных пунктах.

В период с 9 час. 30 мин. до 11 час. 20 мин., т. е. когда производились налеты самолетами и группами авиации с аэродромов Крыма, в море патрулировали в намеченных для этой цели зонах летающие лодки «PBN-1».

Так же действовали по спасению экипажей самолетов, производивших вынужденную посадку в море, два гидросамолета, находившиеся в установленных зонах у побережья Румынии. Одновременно на гидроаэродроме находился в резерве еще один самолет в готовности к немедленному вылету для поиска. Все эти самолеты по сигналу аварии немедленно выходили в указывавшуюся им точку или район. Действия самолетов спасательной службы прикрывались истребителями сопровождения.

Во время возвращения с поиска два самолета у побережья Румынии подверглись нападению самолетов противника типа «BV-140». В воздушных боях эти два самолета были сбиты истребителями сопро-

вождения. Летающие лодки явились надежным средством спасения летного состава в море, и их боевая работа вполне оправдала возложенные на них задачи.

Действия главных сил. Действия главных сил в этой операции интересны и важны не только по выполнению задачи, но и по самой организации вылета, построению полета по маршруту и организации атаки цели.

Одновременность действий пикирующих бомбардировщиков, своевременность сбора и успех совместного полета зависели в основном от организации самого взлета. В свою очередь, эти требования вызывали необходимость продуманного развертывания, т. е. организации базирования.

Дислокация соединения бомбардировщиков была организована по принципу рассредоточенного базирования. На каждом аэродроме находилось не более трех шестерок бомбардировщиков и такого же числа групп истребителей непосредственного прикрытия. Пыль, поднимавшаяся на аэродромах, являлась большой угрозой выдерживанию сроков взлета, поэтому шестерки бомбардировщиков и истребителей были соответственно расставлены на границах аэродромов и имели самостоятельные направления взлета (разнившиеся между собой на 30—40°).

Одновременность взлета всего авиационного соединения вместе с приданными ему частями достигалась целым рядом мероприятий. Указывалась одновременная готовность к вылету. Указание срока взлета дублировалось сигналом по радио и телефону, для чего к стоянкам самолетов были подведены линии и установлены телефонные аппараты и репродукторы. Сигнал взлета подавался с командного пункта командира соединения бомбардировщиков. Взлет производился шестерками бомбардировщиков, а истребители вылетали восьмерками. Для того, чтобы обеспечить взлет и устранить всякие помехи после взлета или на взлете, были подготовлены специальные «аварийные посадочные площадки» вблизи аэродромов, куда самолеты могли бы совершать вынужденные посадки. На аэродроме в технической готовности находились специально созданные аварийно-технические команды с необходимыми средствами тяги, транспорта и техники.

Последним взлетел командир соединения пикирующих бомбардировщиков Герой Советского Союза полковник Корзунов со штурманом соединения майором Филатовым.

Взлет соединения пикирующих бомбардировщиков и остальных частей, входивших в состав главных сил, продолжался пять минут. Сбор соединения продолжался 15 минут. Такого отличного показателя по времени добились комбинированной схемой сбора: одна часть авиационного соединения, с приданными истребителями, производила сбор на петле вдоль побережья, другая, тоже с приданными истребителями, — на круге в районе аэродромов базирования.

Исходный пункт маршрута главные силы прошли в общей колонне (рис. 3). Походный порядок соединения представлял собою колонны бомбардировочных авиационных частей с подразделениями истребителей прикрытия. Интервалы между частями равнялись 1500—2000 м.

Над головой колонны ведущей части, выше на 600—800 м, шла группа истребителей «расчистки воздуха», ведомая Героем Советского Союза гвардии полковником Авдеевым. Боевой порядок части состоял из колонны шестерок, следовавших в уступе звеньев и составляв-

ших каждая боевую группу. Истребители непосредственного прикрытия находились на флангах и сзади шестерок бомбардировщиков. Ударные группы истребителей прикрытия (ведущий — подполковник Нихамин) находились сзади и выше каждой части бомбардировщиков.

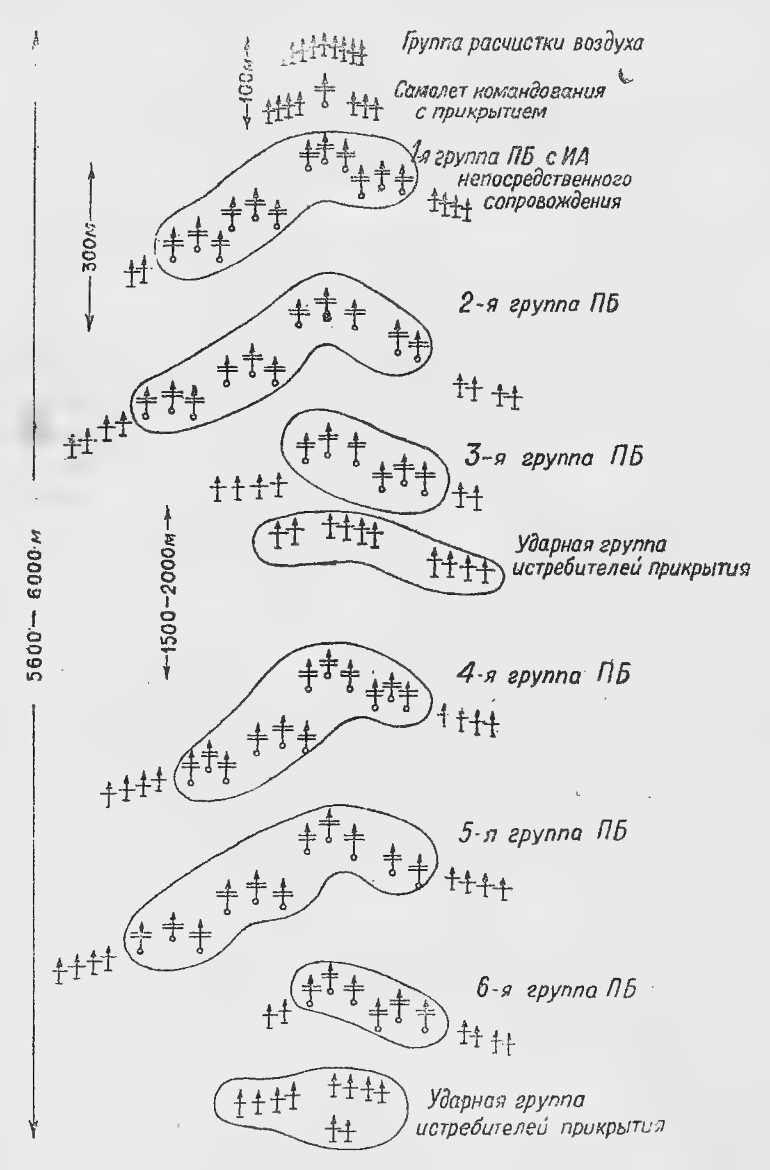


Рис. 3. Походный порядок соединения пикирующих бомбардировщиков на маршруте.

Боевой порядок главных сил состоял примерно из 140 самолетов. Подходили к цели на высоте 4000 м в общей колонне. Для того, чтобы обеспечить наилучшие результаты прицельного бомбометания по кораблям противника, предварительно были высланы два самолета-бом-

бардировщика. В их задачу входило определение ветра в районе цели и разведка погоды. При выходе к точке боевого развертывания главных сил в 10 час. 35 мин. от этих самолетов было получено донесение с данными ветра. Встречи с истребителями противника на маршруте не было. Дисциплина и соблюдение режима полета обеспечили своевременный выход всей колонны в район боевого развертывания.

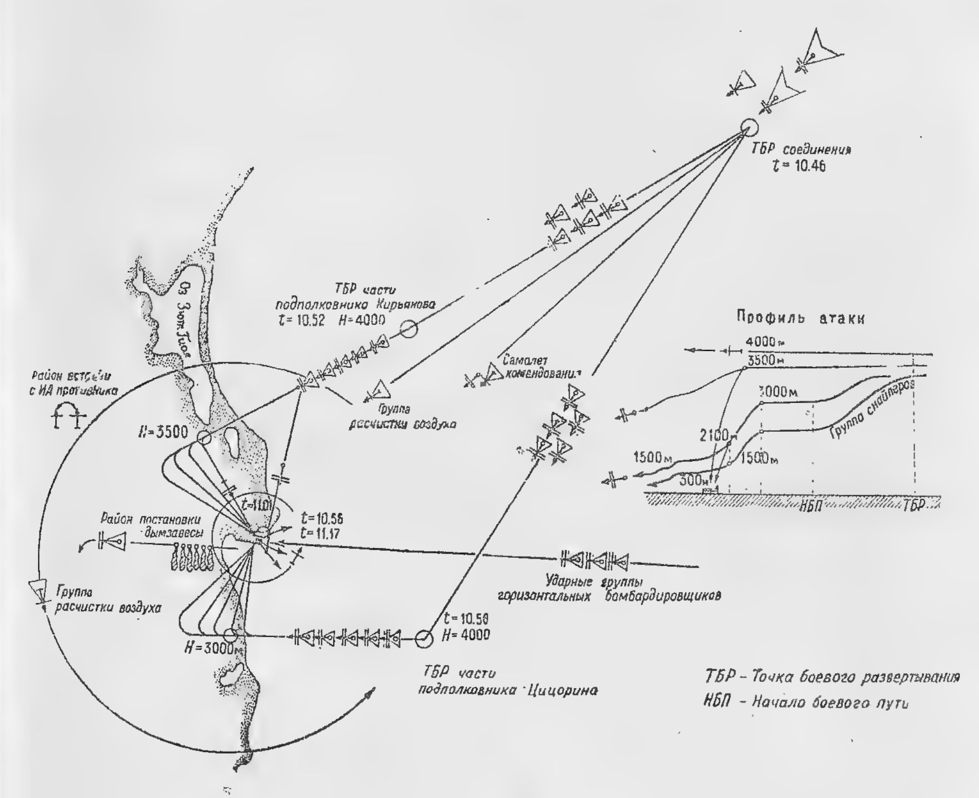


Рис. 4. Схема боевого развертывания и бомбардировочного удара.

В 10 час. 46 мин. колонна главных сил вышла в точку боевого развертывания соединения на высоте 4000 м. Полковник Корзунов подал сигнал развертывания и вышел со своим непосредственным прикрытием истребителей из боевого порядка соединения, продолжая держать курс на Констанцу.

Развертывание было произведено по следующему плану.

Группа истребителей «расчистки воздуха», увеличив скорость, прямым курсом вышла на цель, упреждая выход бомбардировщиков в атаку на 2—3 минуты. В это же время часть под командованием подполковника Кирьянова с приданными истребителями прикрытия легла на курс 260°. По курсу 230° повел свою колонну подполковник Цицорин.

Развертывание главных сил удара было произведено одновременно и без помех со стороны противника. Части выходили на свои частные точки боевого развертывания (рис. 4).

Необходимо подробнее остановиться на действиях отдельных соединений и частей.

Часть пикирующих бомбардировщиков подполковника Кирьянова в 10 час. 52 мин. вышла в точку боевого развертывания.

Затем часть перестроилась в колонну шестерок, причем по намеченной схеме атаки четыре шестерки выходили на цель с сухопутного сектора с северо-запада, для чего продолжали полет на избранные ориентиры (исходных позиций для атаки), пройдя которые, развертывались для выхода на боевые курсы. Группа отличных бомбардировщиков имела курс атаки 210°, проложенный вдоль береговой черты.

После выхода на указанные ориентиры шестерки, идя со снижением, теряли высоту до 3500 м. Здесь они расчленялись на звенья со своим прикрытием и самостоятельно выходили на боевые курсы, производя противоартиллерийский маневр.

Курсы атак были построены сходящимся веером, причем направления каждого звена разнились между собою на 15—20°.

Такая схема атаки позволила осуществить противоартиллерийский маневр в свободных условиях и в то же время создала возможность быстрого сбора звеньев, вытянувшихся в своеобразном пеленге. Звенья выходили на боевой путь в строю правой змейки. Строй змейки обеспечивал самостоятельный маневр и индивидуальное прицеливание каждого самолета, а также перестроение в минимальный срок для пикирования звеном. Он же был наиболее мобилен для перехода звена при возможной опасности в основной оборонительный порядок — клина.

Первые четыре шестерки, имея высоту ввода в пикирование 3500 м, атаковали корабль, стоявший в ремонтной гавани.

Ввод в пикирование совершался последовательно каждым самолетом в составе звена. Сбрасывание производилось с высоты 2600—2800 м. Вывод из пикирования делался на высоте 2200—2400 м. Выход из зоны зенитного огня совершался с потерей высоты до бреющего полета. Основной курс отхода был 120°.

Группа отличных бомбардировщиков атаковала корабль, стоявший у восточного мола, и выходила на боевой путь в колонне самолетов с потерей высоты до 2000 м, выполняя противоартиллерийский маневр. Высота ввода в пикирование равнялась 2000 м. Удар по вражескому кораблю выполнялся последовательными атаками отдельных самолетов. Высота сбрасывания равнялась 1500 м. Вывод из пикирования производился на высоте 700—900 м, уход от цели — на бреющем полете.

Как видно из построения атаки, замысел ее содержал следующее: обратить внимание противовоздушной обороны на атакующие шестерки, выходившие с больших высот и с сухопутного сектора, а в это же время с малых высот и с морского сектора атаковали цель наиболее подготовленные в бомбардировочном отношении экипажи. Запасные цели были избраны в районе стоянки основной цели и представляли собой корабли у стенок, сооружения и портовое оборудование на причалах в ремонтной и лесной гаванях. Это давало возможность, не изменяя направления атаки, действовать с одного захода.

Первой атаковала цель шестерка подполковника Кирьянова. Первые бомбы были сброшены по кораблю в 10 час. 59 мин. Последующая шестерка произвела удар через одну минуту. Попаданиями в корабли, причалы и склад горючего, находившийся на южных причалах ремонтной гавани, были вызваны большие пожары с образованием густого дыма, сразу же затянувшего район цели.

Вторая группа (ведущий третьей шестерки — майор Николаев) произвела удар в 11 час. 01 мин. Не выдержав точно расчета развертывания и указанной по схеме потери высоты, группа стеснила себе маневр, произвела бомбовый удар по району цели и потеряла ее из видимости в результате закрытия ее дымом.

В 11 час. 01 мин. произвели удар отличные бомбардировщики по кораблям у восточного мола. Результаты удара были хорошие.

Противник вел сильный заградительный огонь, однако только два самолета получили повреждения.

Истребители непосредственного прикрытия выходили в атаку совместно с пикировщиками и, держась на их флангах, соблюдая дистанцию в 200—300 м, одновременно пикировали, тем самым обеспечивая выход бомбардировщиков из пикирования. Ударные группы прикрытия, совершая маневр змейки с превышением полета бомбардировщиков на 300—400 м, обеспечивали выход последних на боевой курс, вход в пике и выход из него, с постепенной потерей высоты до 2000 м, выходя на маршрут отхода в районе сбора части.

Потерь от зенитного огня часть не имела. Зенитный огонь велся беспорядочно, но действовали почти все батареи базы. Разрывы, как правило, далеко отставали от строя бомбардировщиков.

Бомбардировочный удар части пикирующих бомбардировщиков подполковника Цицорина. В 10 час. 56 мин. часть произвела боевое развертывание. Учитывая, что часть наносит удар во втором эшелоне, было заранее предусмотрено, что самолеты могут достигнуть внезапности только при выполнении маневра выхода на цель со стороны солнца, почему направление атаки было избрано с юго-западного и южного секторов.

Часть подполковника Цицорина наносила удар через 4—5 минут после части подполковника Кирьянова. Метод действий бомбардировщиков Цицорина был аналогичен действиям предыдущей части. Удар наносился по кораблю, стоявшему в лесной гавани. Выход на цель делался на высоте 3000 м, при скорости в 320 км в час. Атака была произведена последовательными ударами шестерок. Основной боевой курс первой шестерки имел направление по береговой черте, по румбу 360°. Направления курсов атаки остальных шестерок разнились на 15—20°.

Боевой порядок шестерок — колонна звеньев. Звенья — в строю левой змейки. Дистанция между самолетами — 100—150 м. Пикирование по цели — непрерывным потоком одиночными самолетами («цепочкой»).

Первой атаковала цель шестерка, ведомая подполковником Цицориным. Удар был произведен в 11 час. 03 мин. Цель была закрыта дымом, однако силуэт вражеского корабля периодически наблюдался через окна образовавшейся дымовой завесы, что позволяло производить прицельное бомбометание. Высота сбрасывания бомб была 2100 м, высота вывода 1600 м, угол пикирования 60°. Атака второй шестерки была произведена на полминуты позже первой. Элементы атаки были такие же, как и у первой. Бомбы были сброшены по быстроходным десантным баржам и торпедным катерам, стоявшим в районе цели в лесной гавани. Отмечены прямые попадания в нефтеналивную баржу. При отходе от цели самолеты подверглись беспорядочному и неприцельному зенитному обстрелу.

Третья и последующие шестерки были встречены сильным заградительным огнем по курсу атакующих. Цель атаковали, прорываясь через заградительный огонь и расчленившись на мелкие группы.

Одна из шестерок атаковала суда в угольной гавани. Другая шестерка атаковала стоянку подводных лодок и корабли в ремонтной гавани. В 11 час. 06 мин. последняя шестерка, отставшая при развертывании от предыдущих, атаковала цель под сильным зенитным огнем противника. Это шестерка произвела удар по объектам и кораблям в нефтяной и угольной гаванях. Отмечены попадания в южный мол, где уничтожено два зенитных орудия.

Основной курс отхода этой части был 60°. Сбор самолетов, а затем и групп был произведен на маршруте. При отходе противник вел сильный сопроводительный зенитный огонь.

В этот период была произведена контрольная фотосъемка. Наблюдениями экипажей и фотосъемкой установлено, что противник в спешном порядке выводил большое количество мелких кораблей на внешний рейд.

Действия горизонтальных бомбардировщиков против базы подводных лодок. В 10 час. 57 мин. на цель вышла девятка «А-20-G» в сопровождении 12 истребителей и атаковала с высоты 4000 м базы подводных лодок. Боевой порядок группы — колонна звеньев, звенья — в клину. Бомбометание — серийно-залповое по сигналу ведущего звена. Серия накрыла цель и район стоянки кораблей у южного выхода и восточного мола. Самолетам этой группы противодействовала только зенитная артиллерия противника. Схема цели и выполнения удара приведены на рис. 5.

Действия группы истребителей «расчистки воздуха» над базой. Группа истребителей, ведомая полковником Авдеевым, вышла на цель на три минуты ранее выхода в атаку пикирующих бомбардировщиков — в момент появления и действия групп бомбардировщиков горизонтального действия.

Группа немедленно «прочесала» район над базой и встала в патрулирование, производя полет на левом круге.

В этот же период над целью появились с разных направлений две пары «Ме-109», пытавшихся приблизиться к боевым порядкам бомбардировщиков. При сближении с ними наших истребителей противник резко изменил курс и стал выходить из боя в западном направлении. При преследовании уходящих самолетов «Ме-109» полковником Авдеевым был подбит один из них, который, дымясь, ушел со снижением. Больше истребители противника до конца удара над базой не появлялись. После отхода последней шестерки бомбардировщиков группа возвратилась на аэродромы, построив свой маршрут через районы сбора бомбардировщиков.

По своей организации и результатам действий удар 20 августа был внезапным и ошеломляющим.

Боевое управление в воздухе осуществлялось командиром соединения пикирующих бомбардировщиков, находившимся в полете на самолете командования. Командир имел кодированную схему целей, таблицу условных сигналов и кодированную карту. На маршруте самолет командования со своим прикрытием находился в составе ведущего

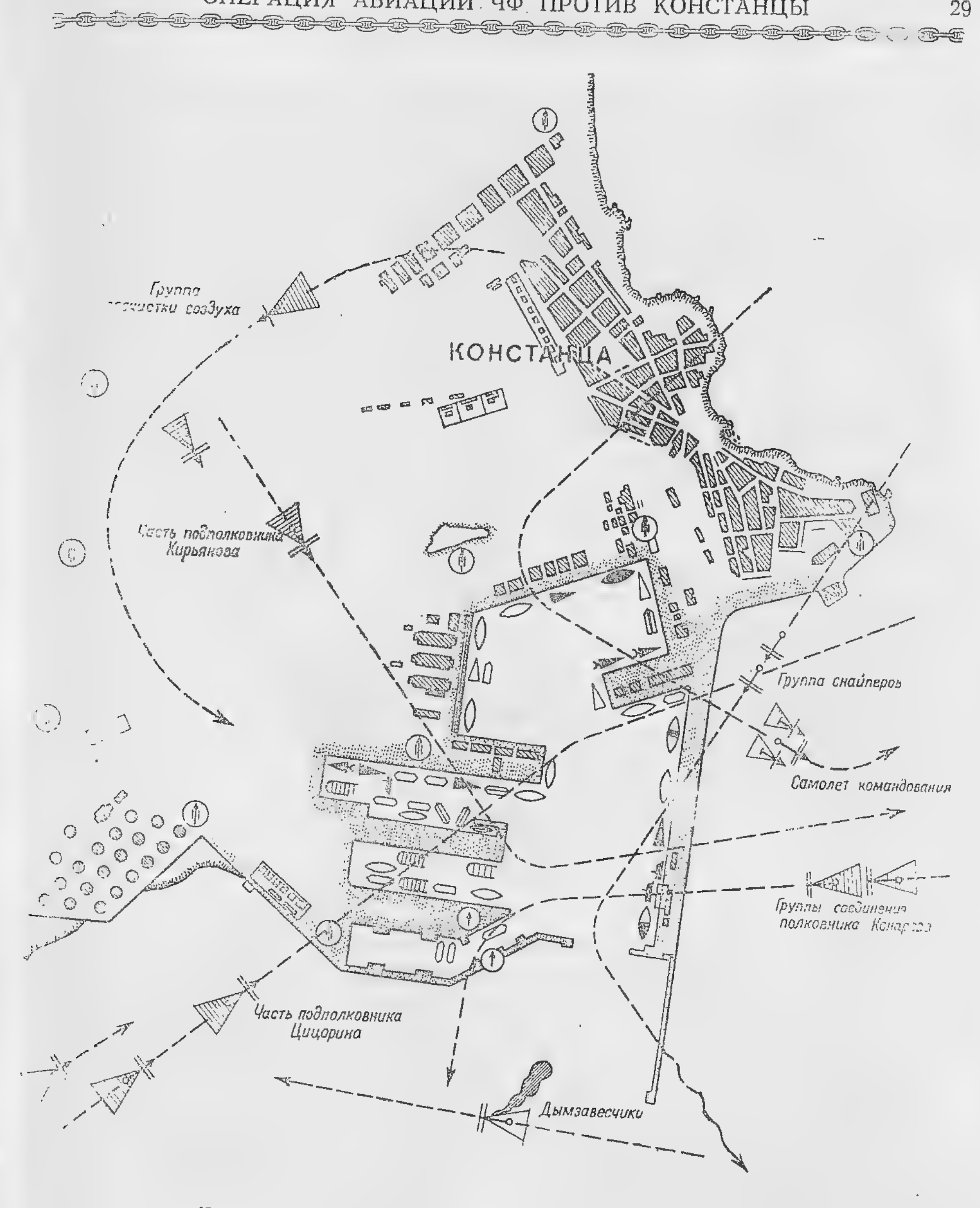


Рис. 5. Схема цели и выполнения удара по Констанце.

полка; при развертывании и выполнении удара — в восточной части над базой, входя в зону огня зенитной артиллерии для наблюдения, руководства и контроля за исполнением схемы удара и выполнением задач боевого обеспечения.

Управление в полете было строго централизовано. Команды подавались только командиром соединения и командирами авиационных частей. Слушали все. Экипаж имел право на передачу лишь в случае летного происшествия, вынужденного выхода из строя и обнаружения противника. На маршруте переговоры были максимально сокращены. В районе развертывания и над целью по таблице условных сиг-

налов обозначались лишь цели, сигналы отхода и сбора или приказания на повторный заход. Остальное подавалось в эфир клером.

Действия военно-воздушных сил в третий период. 21 августа 1944 г. утренняя воздушная разведка обнаружила стоянку многих кораблей на внешнем рейде Констанцы. Удар был организован последовательными налетами пикирующих бомбардировщиков и бомбардировщиков, действовавших с горизонтального полета.

В течение дня были произведены также удары по мониторам противника в районе порта Вилков на реке Дунай. В последующие дни — 22, 24, 25 августа — из-за неблагоприятных метеорологических условий удары переносились на запасную цель — порт Сулина.

В этот период успешно действовали мелкие группы бомбардировщиков.

23 августа был произведен бомбардировочный налет на порт Браилов, в котором было сосредоточено большое количество судов противника.

Потери противника за время операции военно-воздушных сил Черноморского флота против Констанцы и других военно-морских баз были весьма ощутительны.

Характерно то, что противодействие в воздухе или вовсе не оказывалось или было весьма незначительным. Действия нашей авиации протекали при явном превосходстве над противником в воздухе. Это создало широкую возможность использовать штурмовую и истребительную авиацию в интересах действий наземных войск.

ВЫВОДЫ

Операция по уничтожению кораблей и различных судов в базе Констанца показала оперативную зрелость как военно-воздушных сил в целом, так и отдельных авиационных соединений. Противнику был нанесен тяжелый материальный ущерб. Операция как по разработанному плану, так и по выполнению отличалась разнообразием тактических приемов и способов ударов. Был успешно применен принцип внезапности.

Характерным в операции являлось гибкое обеспечение главного удара на основе учета изменения обстановки. По целеустремленности и напряжению это обеспечение отвечало новым требованиям данного этапа операции. Положительными свойствами операции являются хорошая организация вылета и полета большой колонны и четкий план бомбардировочного удара, построенного на массировании сил, с учетом возможностей использования свойств каждого вида авиации.

Боевое управление отвечало принятой организации и задачам всех этапов операции на земле и в воздухе.

Разведка была организована в широком плане. Выделенных сил было достаточно. Широко применялась аэрофотосъемка.

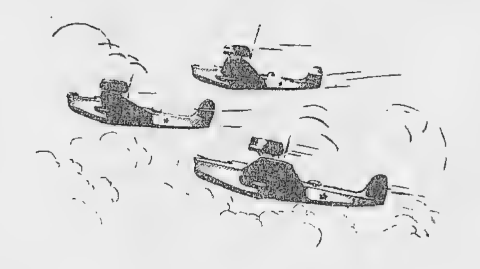
Слабыми местами в организации и выполнении операции следует признать:

1. Вероятность воздушного противодействия была переоценена, что явилось результатом недостаточно правильного анализа общей обстановки, а также сил и возможностей противника.

2. Как следствие из предыдущего, значительные силы прикрытия не имели боевого напряжения, особенно в главном ударе, где основное противодействие оказывалось зенитной артиллерией, для подавления которой не было выделено достаточных сил. Значительная часть истребителей не получила задач на подавление или ослепление зенитных батарей в случае слабого сопротивления противника в воздухе.

3. Выделенных сил для уничтожения базы подводных лодок противника в данных условиях удара горизонтальных бомбардировщиков было явно недостаточно. Можно было силы, выделенные для демонстрации удара, также использовать для этой цели.

4. Третий этап операции имел больше недостатков, чем предыдущие. План боевых действий резко изменялся. Не всегда была на высоте тактическая разведка. Не было должной целеустремленности в использовании сил, почему удары нередко наносились по случайным целям.



ВОИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ОФИЦЕРОВ-ПОДВОДНИКОВ

Л. П. ХИЯЙНЕН

Капитан 2 ранга

УСПЕШНАЯ боевая деятельность наших подводных лодок во время Отечественной войны показала, что основная масса офицеров-подводников была неплохо подготовлена к боевым действиям. Совершенствуя свои знания, накапливая боевой опыт, офицерский состав подводных лодок в ходе войны значительно вырос и приобрел военную зрелость.

Однако некоторая часть офицеров оказалась неподходящей для службы на подводных лодках. Отдельным офицерам, как это выявилось уже в процессе боевых действий, недоставало тех или иных качеств, специфических и обязательных для подводника. Таких офицеров приходилось переводить с подводных лодок на другие соединения флота, а иногда и в береговые части.

Опыт войны дает нам возможность сделать некоторые выводы относительно методов подготовки и воспитания офицера, с тем, чтобы в дальнейшем можно было избежать подобной «отбраковки» кадров подводников. Автор намерен поделиться соображениями по этому вопросу, основанными на личном опыте. Отдельные положения статьи, как нам кажется, будут небезынтересны не только для подводников, но и для офицерского состава надводных кораблей.

1

Следует прежде всего кратко разобрать особенности службы на подводных лодках, так как ими в значительной степени определяются и те качества, выработка которых должна лежать в основе системы подготовки офицеров-подводников.

Известно, что служба на подводных лодках как в военное, так и в мирное время значительно отличается от службы на надводных кораблях. Это объясняется специфическими свойствами, присущими подводным лодкам.

Обладая способностью плавать над водой, как и корабли всех прочих классов, подводные лодки в то же время могут (и призваны в первую очередь к этому) плавать и выполнять задачи под водой.

Уже это обстоятельство требует от подводника, помимо общей подготовки, необходимой каждому морскому офицеру, специальных знаний и навыков.

При действиях под водой визуальное наблюдение за поверхностью моря осуществляется лишь с помощью перископа. В бою, который лодка ведет в подводном положении, единственным наблюдателем является ее командир, а в обычное время — вахтенный офицер. Командир подводной лодки и остальные ее офицеры должны обладать умением особенно быстро оценивать обстановку и принимать нужное решение. Командиру подводной лодки, который управляет экипажем, разобщенным в отдельных отсеках и лишенным возможности наблюдать за окружающей обстановкой, необходимо обладать особенно высокими боевыми и волевыми качествами, способностью завоевать безграничное доверие к себе со стороны подчиненных.

Условия, в которые может поставить подводную лодку боевая обстановка, весьма разнообразны.

Часто случается, например, что подводная лодка, выйдя в атаку, оказывается в самой гуще конвоя противника, оставаясь незамеченной последним. При этом бывает, что некоторые вражеские корабли идут прямо на лодку и этим создают у ее командира впечатление, что он обнаружен. В подобном случае нужны исключительное хладнокровие и выдержка, чтобы правильно оценить действия и возможности противника и настойчиво осуществить принятое решение.

Бывают случаи, когда по той или иной причине подводная лодка быстро теряет пловучесть и начинает стремительно уходить на глубину, что может грозить катастрофой. Натренированность в приемах управления подводной лодкой под водой, доведенная до степени автоматизма, — важнейшее условие, позволяющее избежать аварии, могущей произойти в результате потери нужной пловучести.

Разрывы сбрасываемых противником глубинных бомб (сопровождаемые мощными звуковыми волнами, если бомбы рвутся вблизи подводной лодки) часто контузят лодку, встряхивают ее, выводят из строя отдельные механизмы и иногда, повреждая корпус, вызывают течи. Преследование лодки в некоторых случаях продолжается часами, причем на нее сбрасываются десятки и даже сотни бомб.

Огромная сила воли и уверенность в прочности своего корабля, терпящего жестокие удары со стороны невидимого врага, ответить на которые обычно бывает невозможно, — вот качества, которыми обязательно должен обладать подводник, чтобы выдержать вражеские атаки, справиться с повреждениями и благополучно оторваться от противника.

Подводная лодка до предела насыщена сложной техникой, количество же обслуживающих ее людей относительно невелико. Тем более важно, чтобы офицер-подводник отлично знал свой корабль и все его механизмы, умел пользоваться всеми системами и устройствами, четко руководить подчиненными, приводящими в действие боевые и технические средства, и организовать борьбу за живучесть при получении повреждений в тесных, порой затопленных помещениях, иногда под большим давлением.

Теснота помещений и связанная с этим плохая (по сравнению с надводными кораблями) их обитаемость — одна из существенных особенностей, отличающих службу и боевую работу на подводной лодке.

Необходимость разместить на корабле сравнительно небольших размеров большое количество механизмов и систем, сохранив при этом высокую прочность корпуса, приводит к тому, что жилые помещения подводных лодок чрезвычайно тесны и часто не имеют самых элемен-

тарных приспособлений, создающих удобства. За время пребывания в боевом походе подводники почти совершенно не видят солнечного света. При длительном нахождении под водой бывают случаи нехватки кислорода и появления в воздухе излишка углекислоты. Испарения от электролита аккумуляторной батареи создают в воздухе вредные примеси. Понятно поэтому, какое большое значение для подводников имеют хорошее здоровье и физическая закалка.

Одним из важнейших отличительных свойств подводных лодок являются бо́льшие по сравнению с надводными кораблями такого же водоизмещения автономность и радиус действия. Для некоторых типов подводных лодок автономность исчисляется месяцами.

Большая автономность требует от подводников исключительной нравственной стойкости, способности на длительное время отрешиться от всего личного, не связанного с кораблем и его боевой службой, выдерживать высокое моральное и физическое напряжение (непрерывная трехсменная, а на некоторых подводных лодках и двухсменная вахта).

Во время длительных походов подводным лодкам приходится выдерживать штормы, переносить морозы и зной, дожди и туманы, а на Севере — еще и снеговые заряды, не имея возможности зайти в порт, возвратиться в базу или укрыться от непогоды в каком-либо другом месте. Поэтому подводники должны быть особенно искусными моряками, совершенно не поддающимися морской болезни (на лодке некем заменять выбывающих из строя даже на короткий срок), стойко переносящими все невзгоды, которыми может встретить море небольшой корабль, и умеющими бороться со стихией.

Большой радиус действия позволяет подводным лодкам оперировать на очень большом удалении от своих баз, порой в глубоком тылу противника. При этом часто приходится преодолевать многочисленные противолодочные и прочие препятствия, кажущиеся иногда непреодолимыми и являющиеся действительно непреодолимыми для кораблей других классов. Офицеры и весь личный состав подводных лодок обязаны уметь самостоятельно, не рассчитывая ни на чью помощь, решать самые разнообразные задачи — от выполнения сложнейших и ответственнейших боевых приказов до проведения своими средствами ремонта того или иного механизма или детали.

Главное преимущество подводных лодок перед кораблями других классов — скрытность. Благодаря этому преимуществу подводные лодки способны успешно действовать против во много раз сильнейшего неприятеля, выполняя задачи, которые бывают не под силу ни более крупным надводным кораблям, ни авиации, ни береговой обороне. Уменье полностью использовать это свойство своего корабля — важнейшее требование к офицеру-подводнику.

Противник обычно весьма тщательно охраняет свои наиболее ценные корабли, создавая для них большой эскорт при движении в море и всячески охраняя их от нападения при стоянке в базе. Подводные лодки благодаря своей скрытности могут, преодолев все препятствия, атаковать такие корабли. При этом им приходится прорывать мощное походное охранение и даже проникать внутрь сильно защищенных и хорошо охраняемых гаваней врага. Офицеры и личный состав подводных лодок должны обладать большой отвагой, хладнокровием и бесстрашием, должны быть постоянно готовыми пожертвовать своей

жизнью ради победы над врагом, не рассчитывая при этом даже на то, что об их подвиге узнает родина. Командир же подводной лодки, идущей на выполнение подобной задачи, должен быть твердо уверен в том, что все его подчиненные не дрогнут в момент грозной опасности и в любой обстановке, сколь бы тяжела она ни оказалась, будут так же точно и безошибочно выполнять свои обязанности, как они делали это на учениях.

Подводные лодки чаще, чем все прочие корабли, действуют одиночно, причем им отводятся большие районы моря. Командир лодки обязан уметь самостоятельно планировать свои действия, проявляя личную инициативу и настойчиво добиваясь выполнения боевого приказа. От него требуется отличное знание театра. Обладая этими качествами, командир подводной лодки всегда найдет противника и причинит ему наибольший вред. Помимо этого командир подводной лодки должен на основе отличного знания и понимания намерений командования и обстановки на театре правильно оценивать обстановку в районе своих действий и, используя это для выполнения своей задачи, одновременно информировать командование обо всем, что может повлиять на решение общей задачи, стоящей перед командованием.

Подводным лодкам часто приходится, пользуясь своей скрытностью, большой автономностью и большим радиусом действия, подкарауливать противника вблизи его баз, долго ожидать его (находясь на ходу или без хода) на коммуникациях. Добиться успеха в такой обстановке можно лишь при надлежащей выдержке. На протяжении длительного похода нельзя ни на минуту ослаблять внимание и бдительность или допускать хотя бы малейшее снижение боеготовности. Надо также уметь использовать все данные, которые можно получить от своих соседей, для быстрейшего обнаружения противника.

Мы не исчерпали, конечно, перечня особенностей службы на подводных лодках, но и сказанное, на наш взгляд, подчеркивает всю важность специфического содержания и методов подготовки офицера-подводника.

2

На обширную специальную подготовку, которая нужна офицеру-подводнику помимо общей подготовки, необходимой всякому морскому офицеру, приходится затрачивать весьма длительное время.

Начиная с первого курса военно-морского училища, всем будущим офицерам Военно-Морского флота необходимо сообщать сведения, касающиеся особенностей подводного плавания. Следует также практиковать их плавание на подводных лодках. В течение срока обучения в училище из числа курсантов должны быть отобраны лица, наиболее пригодные для подводного плавания. В программах училищ вопросам подводного плавания нужно отводить такое значительное место, какое занимают подводные лодки в нашем флоте. Необходимо, чтобы все флотские офицеры были хорошо знакомы с основными принципами подводного плавания, уже хотя бы для того, чтобы, плавая на надводных кораблях, грамотно осуществлять противолодочную оборону. Однако для офицеров-подводников этого крайне мало. Поэтому курсантов, отобранных для службы на подводных лодках, на последнем курсе следует выделять в особую группу, а может быть и выпускать из училища несколько позже, с тем, чтобы еще в училище дать им

важнейшие знания и навыки, необходимые для выполнения обязанностей вахтенного офицера подводной лодки.

Невыполнение этого требования ведет к тому, что молодой офицер, придя на подводный корабль, долгое время остается неподготовленным к службе, что неизбежно отражается на боевой деятельности и боевой подготовке этой лодки.

Перед получением назначения на должность командира боевой части подводной лодки офицер обязательно должен окончить специальные курсы офицерского состава, которые дали бы ему знания и звание специалиста-подводника (штурмана, минера или инженер-механика).

Для исполнения обязанностей помощника командира или командира подводной лодки требуется более глубокое знание принципов управления подводными лодками и их тактики. Поэтому перед вступлением в должность помощника командира лодки офицеру надлежит окончить специальные курсы командиров подводных лодок.

Командирам соединений подводных лодок и начальникам штабов этих соединений приходится решать задачи, далеко выходящие за рамки деятельности только подводных лодок. Организация взаимодействия подводных лодок с другими силами флота и некоторые другие стороны деятельности этих офицеров требуют обширных знаний и широкого кругозора. Поэтому нам представляется необходимым офицеров, аттестуемых на должности командиров и начальников штабов соединений подводных лодок, посылать на командный факультет Военно-морской академии и лишь после успешного окончания последнего назначать на эти должности.

Такой, по нашему мнению, должна быть общая схема подготовки офицеров-подводников всех степеней в учебных заведениях.

Однако окончание учебного заведения, даже при условии получения там весьма обширных и глубоких знаний, не дает еще офицеру всего необходимого для службы в подводном плавании. Главное в подготовке офицера — его служба на корабле, приобретение практического опыта и навыков, из которых в соединении со знаниями и сложится мастерство подводника.

3

Перед командиром подводной лодки стоит задача: выработать из подчиненных ему офицеров отличных моряков-подводников.

Мало подготовить офицера к боевым действиям. Необходимо постоянно поддерживать в нем такую готовность, непрерывно повышать ее и не прекращать работу над его совершенствованием.

Говоря о воспитании офицеров их начальниками, мы ни в коем случае не считаем возможным, чтобы сам офицер оставался лишь пассивным объектом воспитательного воздействия сверху. Наоборот, все, о чем мы говорим, предполагает прежде всего упорную и разностороннюю самостоятельную работу офицера над собой, ибо самостоятельность — одно из важнейших качеств подводника, и именно она должна быть движущей силой для приобретения и развития остальных качеств, необходимых подводнику.

Что в первую очередь требуется от молодого офицера, вновь прибывшего на подводную лодку?

Всякий находящийся на подводной лодке и не знающий ее устройства опасен для нее. Это должно быть осознано каждым офицером-

подводником, начинающим службу на корабле. Он обязан изучить устройство своего корабля, его тактико-технические данные, отлично освоить те механизмы и системы, которыми ему предстоит ведать.

Каждому вновь прибывшему офицеру следует дать определенный срок, в течение которого он обязан ознакомиться с устройством корпуса корабля, всех механизмов и систем, а также с правилами их эксплоатации. Очень полезно, чтобы он сам вычертил главнейшие системы и устройства, главнейшие магистрали. Для этого придется немало потрудиться, облазив все углы, трюмы и систерны подводной лодки, но зато эффект окажется наиболее полным.

Прием экзамена по знакомству с кораблем — обязанность командира подводной лодки. Такой экзамен нужно проводить на самом корабле, а экзаменующийся должен свои объяснения сопровождать показом. Необходимо проверить усвоение молодым офицером правил поведения на подводном корабле, правил ухода за механизмами и их эксплоатации, умение пускать и останавливать механизмы и производить главнейшие манипуляции с водяными и воздушными магистралями. Если экзаменуемый допустит неточные либо неверные ответы или тем более отговорится незнанием того или иного вопроса, — экзамен надлежит прекратить и через некоторое время проверить молодого офицера вновь.

У командира лодки должна сложиться полная уверенность в том, что вновь прибывший офицер твердо знает все, с чем связано четкое и безошибочное выполнение им своих обязанностей. Сам же этот офицер должен понимать, что знакомство с кораблем — весьма важный первый шаг в подводном плавании и что от этого шага зависит успешность дальнейшей службы.

За первыми шагами службы молодого офицера на подводной лодке необходимо вести самое внимательное наблюдение. Главная роль здесь принадлежит непосредственному начальнику, но и остальные прямые начальники, включая командира лодки, должны постоянно следить за всей его деятельностью.

Непосредственному начальнику следует проявлять особенную требовательность к молодому офицеру, не давая ему никаких скидок на неопытность и взыскивая за промахи, а особенно за проступки. Однако эта требовательность отнюдь не должна переходить в запугивание.

Молодому подводнику надо давать возможность проявлять личную инициативу, а за отличную службу обязательно поощрять его.

Наблюдение за деятельностью молодого офицера нельзя превращать в опеку или подмену его начальником. Лишь в том случае, когда очевидно, что из-за недостатка опыта молодой офицер сам с делом не справится, надо помочь ему советом или указать документ, с помощью которого можно разобраться в непонятном вопросе. Во всех случаях следует прежде всего отсылать молодого офицера к уставу, наставлению или инструкции; это не только поможет ему разрешить вопрос, интересующий его в данный момент, но и привьет привычку основывать свою деятельность на выполнении уставных требований.

Допуск к самостоятельному несению ходовой вахты является поворотным пунктом в службе молодого офицера.

Прежде чем начать самостоятельно править вахту, офицер-подводник обязан научиться управлять маневрами корабля в надводном, позиционном и подводном положениях, производить срочное погружение, время которого исчисляется секундами, диферентовать лодку, выходить

в атаку на противника ночью в надводном положении, применять разнообразные способы уклонения от атак противника. Все это должно быть заранее освоено в совершенстве, ибо, неся вахту на мостике или в центральном посту, офицер должен будет в момент встречи самостоятельно принять решение, от которого часто зависят ход и исход боя.

Знание того, как нужно поступить в том или ином случае, дается в результате тщательного и систематического самостоятельного изучения принципов и приемов управления лодкой, наставлений и инструкций, правил выхода в атаку, правил уклонения от атак различных сил противолодочной обороны противника, опыта действий наших лодок и кораблей противолодочной обороны.

Но мало знать, **что** делать. Нужно знать, **как** следует делать, т. е. **уметь делать.** Офицер должен быть способен правильно оценивать обстановку и быстро принять решение, а главное — немедленно осуществить это решение.

Выработка этих качеств в вахтенном офицере — прежде всего дело командира подводной лодки.

Непрерывной и систематической тренировкой действия вахтенного офицера должны быть доведены до автоматизма.

Первый этап тренировки молодого офицера должен происходить на базе. Основная форма занятий, к которым следует привлекать всех молодых офицеров-подводников, — групповые упражнения, проводимые под руководством командира лодки или его помощника. На них должны быть неоднократно проиграны все важнейшие моменты, с которыми может столкнуться офицер в походе.

При этом необходимо, чтобы руководитель уделял особое внимание ошибкам, которые допускают участники упражнения, дабы полностью исключить возможность повторения подобных ошибок в дальнейшем.

Групповые упражнения помогают командиру подводной лодки правильно оценить способности каждого офицера и выявить слабые места в его подготовке. Эти же упражнения способствуют закреплению полученных офицерами в процессе их службы и боевой деятельности навыков и дают толчок к дальнейшему совершенствованию.

Параллельно с такими занятиями, в процессе которых офицеры тренируются главным образом в выполнении своих прямых обязанностей и которые обычно организуются в кабинетных условиях, должны проводиться и учения на самом корабле как при стоянке его в базе, так и при нахождении в море. Этими учениями, как правило, следует руководить лично командиру подводной лодки, а когда лодка находится в море — только ему.

Опыт боевых действий показал, сколь важна натренированность офицера в выполнении любой функции, любого приема.

Известно, что время перехода из надводного в подводное положение измеряется секундами, и от быстроты этого маневра зависит очень многое. Война потребовала, чтобы каждый офицер научился выполнять маневр срочного погружения, и показала, что без соблюдения этого требования успешная боевая деятельность подводной лодки немыслима.

Весьма показателен, например, такой факт. Один из молодых офицеров, стоя на вахте, в силу сложившейся обстановки был вынужден скомандовать срочное погружение. Отдав необходимые команды, после-

которых лодка начала погружаться, он спустился в люк и, захлопнув за собой крышку люка, обнаружил, что между нею и комингсом осталась большая щель. Осмотревшись, офицер увидел, что между крышкой и комингсом люка находится пола его собственной шинели. Высвободив шинель, он вновь попытался захлопнуть люк, но теперь люк вовсе не закрывался, так как в момент освобождения шинели развернулся механизм закрывания. Приведя механизм в нормальное положение, офицер полностью откинул крышку люка (корабль в это время продолжал погружение) и тут обнаружил, что он уже не может даже прикрыть люк, ибо что-то держит крышку. Выскочив на мостик, он увидел, что за крышку случайно закинулся крючок, на котором она обычно держится при нахождении лодки в надводном положении. Сняв крючок, офицер захлопнул, наконец, люк и, спустившись в центральный пост, увидел, что лодка находится уже под перископом, так как погружение продолжалось на протяжении всего времени, пока он возился с люком. Стоило промедлить еще 2—3 секунды, и лодка погрузилась бы с открытым люком.

Таким образом, отсутствие достаточного навыка в закрывании люка могло привести к гибели лодки. Катастрофа не произошла лишь потому, что оплошавший офицер, несмотря на свою малоопытность, сохранил присутствие духа и не растерялся в опасный и ответственный момент.

Чтобы исключить подобные случаи, необходимо натренировать каждого офицера, которому приходится руководить срочным погружением, в умении правильно и быстро закрывать люк. Такую тренировку всегда следует начинать в базе, без погружения лодки, организуя ее следующим образом. Обучаемый офицер становится на мостике и занимает то положение, в котором он обычно находится, стоя на вахте. Обучающий, с секундомером в руках, внезапно командует «срочное погружение» (или дает вводную, требующую срочного погружения), одновременно с этим пуская секундомер. Секундомер останавливается в тот момент, когда обучающийся, спустившись в рубку, захлопнет за собой люк. Время, ушедшее на закрывание люка, должно быть сразу же сообщено обучающемуся. Тут же надо указать и на ошибки, допущенные при закрывании люка. Весьма полезно тренировать одновременно несколько офицеров.

Научившись закрывать люк, каждый офицер убедится, что время, уходящее на эту операцию, во много раз меньше времени, потребного на погружение лодки. Закрывание люка станет для него несложной задачей, какой она и является на самом деле.

Однако для производства срочного погружения от вахтенного офицера требуется умение не только закрывать люк, но выполнять также и ряд других действий. Сюда относится, например, подача некоторых команд, в том числе и команды «срочное погружение», по которой все на лодке приходит в движение.

На первый взгляд нет ничего сложного в том, чтобы подать команду, увидев, что нужно погружаться. Однако, как показывает опыт, иногда случается, что в результате растерянности и отсутствия навыка дело проходит далеко не гладко.

На одной из подводных лодок, находившейся в надводном положении, правил вахту молодой офицер. Командир был внизу. Вдруг в центральный пост спустились сигнальщики, а крышка рубочного люка захлопнулась. Выбежав в центральный пост, командир лодки увидел спускавшегося туда вахтенного офицера. Последний доложил коман-

диру об обнаружении корабля противника. Лишь после этого, по команде командира лодки, было произведено срочное погружение.

В данном случае вахтенный офицер, впервые увидевший противника, проделал все, что от него требовалось, за исключением главного — подачи команды о погружении. Тем самым он поставил свой корабль в опасное положение. К счастью, противник не обнаружил подводной лодки, и все обошлось благополучно.

Ясно, что необходима систематическая тренировка во всех действиях, связанных с выполнением маневра срочного погружения.

Каждому вахтенному офицеру нужно тщательно отработать дифферентовку лодки.

Правя вахту в подводном положении, вахтенный офицер обязан следить за тем, чтобы лодка точно держала заданную глубину, имела нужную для этого пловучесть и заданный диферент. Чрезвычайно важно при этом, чтобы горизонтальные рули перекладывались на небольшие углы, что необходимо для сохранения энергии и уменьшения своих шумов.

Бывают случаи, когда по тем или иным причинам диферентовка лодки нарушается и возникает необходимость в приведении ее к норме. Делать это надлежит незамедлительно, так как в любой момент может появиться противник, а для выхода в атаку лодка должна быть отлично удиферентована.

Задача поддиферентовки лежит на вахтенном офицере, и он должен выполнять ее быстро и точно, не расходуя лишней энергии и не производя шумов.

Чтобы каждый вахтенный офицер мог самостоятельно справиться с этим делом, также требуется систематическая тренировка. Командиру подводной лодки следует, пользуясь каждым удобным случаем, давать вахтенным офицерам соответствующую практику, иногда нарочно сбивая диферентовку с тем, чтобы тренируемые приводили лодку к нормальной пловучести и диференту, наблюдая только за показаниями глубомеров, диферентометра и горизонтальных рулей. При этом необходимо отмечать время, затрачиваемое на диферентовку каждым офицером.

Диферентовка является той основой, на которой зиждятся все остальные приемы управления подводной лодкой. Поэтому умение диферентоваться надо прививать молодым офицерам-подводникам прежде всего.

Немаловажное значение для каждого офицера-подводника имеет и управление горизонтальными рулями. Бывает, что рулевой, стоящий у горизонтальных рулей, даже хорошо удиферентованную лодку ведет плохо. Получается это из-за недостаточной обученности рулевых, а порой и по другим причинам. В задачу вахтенного офицера входит контроль за действиями рулевого-горизонтальщика. Однако трудно что-либо контролировать, если сам не умеешь этого делать. Каждый офицер подводной лодки должен научиться лично управлять горизонтальными рулями, чтобы в случае нужды уметь показать рулевому, как нужно это делать в данной обстановке. Само собой разумеется, что только упорная тренировка может дать офицерам этот навык.

Умение управлять подводной лодкой в надводном положении также весьма важно для офицера-подводника.

Хотя управление подводной лодкой в надводном положении схоже с управлением надводным кораблем, однако имеется и существенная

разница. Подводная лодка благодаря большей длине, сравнительно с шириной, имеет меньший, чем надводные корабли, разнос винтов, из-за чего она хуже повинуется машинам и имеет больший диаметр циркуляции. Кроме того, подводные лодки более, чем надводные корабли, чувствительны к толчкам и ударам, которые могут случиться при швартовке. В то же время подводные лодки, благодаря незначительной величине выступающих над водой частей корпуса, меньше подвержены дрейфу под влиянием ветра. Помимо этого, лодки имеют возможность при сильном ветре, заполнив ту или иную систерну главного балласта, притопить нос либо корму, увеличив тем самым возможность разворота в нужную сторону. Естественно, что управление подводной лодкой в надводном положении требует некоторых специальных навыков, кроме тех, которые требуются для управления надводным кораблем.

Многие командиры подводных лодок до войны редко доверяли кому-либо из своих офицеров управление маневрами лодки даже в простых условиях. Война показала, что это было большой ошибкой. Каждый офицер подводной лодки должен в совершенстве владеть этим искусством. Необходимо при любой возможности тренировать их в проведении швартовки и осуществлении других маневров. Швартовка требует от офицера верного глаза, сообразительности, привычки командовать и отличного знания маневренных свойств своего корабля. Поэтому такие тренировки, помимо прямых результатов, полезны еще и тем, что способствуют выработке в офицерах этих необходимых любому моряку, и особенно подводнику, качеств.

Обучение швартовке нужно начинать с тренировок в простых условиях.

Прежде всего офицер должен научиться отходу от места стоянки лодки, а затем подходу в простой обстановке, и только после того, как командир подводной лодки увидит, что дело идет хорошо, можно перейти к обучению швартовке в усложненных и сложных условиях: при сильном ветре, ночью, под одной машиной, кормой и т. п.

Помощник командира лодки обязан владеть этим маневром, так же, как и всеми прочими маневрами, в совершенстве. Командир должен давать ему возможность руководить маневром швартовки во всех случаях, когда это позволяет обстановка. Надо помнить, что помощнику командира следует быть всегда готовым полностью заменить командира и успешно довести до конца начатый последним маневр или операцию. Подготовить своего помощника соответствующим образом— первейшая обязанность каждого командира подводной лодки.

Бывали случаи, когда командирами лодок назначались офицеры, прослужившие по нескольку лет помощниками командиров лодок и между тем ни разу не бравшиеся за телеграф. Вступив в командование лодкой, такой офицер оказывался не в состоянии самостоятельно управлять лодкой, и командиру дивизиона приходилось длительное время обучать его азбуке морского дела, а не тому, чему необходимо учить командира корабля. Отсюда видно, сколь вредна чрезмерная осторожность некоторых командиров лодок, их боязнь итти даже на ничтожный риск, неизбежный при обучении офицера управлению маневрами всякого корабля.

Необходимо тренировать всех офицеров и в решении самых различных тактических задач, которые могут быть возложены на подводную лодку.

С самого начала службы на подводной лодке офицеру нужно научиться правильно пользоваться перископом.

Перед тем как доверить офицеру вахту на подводном ходу, командир лодки должен убедиться, что этот офицер отлично понимает, к чему может привести позднее обнаружение противника и что может произойти, если вражеский корабль или самолет первым обнаружит перископ подводной лодки. В практике бывали случаи, когда из-за плохо организованного наблюдения в перископ упускались блестящие возможности атаковать противника, так как последний обнаруживался с запозданием. В то же время бывает, что благодаря отличному наблюдению в перископ противник обнаруживался на исключительно больших расстояниях.

В качестве примера приведу такой факт. Стоя у перископа, вахтенный офицер обнаружил на горизонте маленькую, едва различимую точку. Заметив ее, он тотчас же начал маневрирование для сближения. Через 5—6 минут точка скрылась, но уже были получены необходимые данные и сближение продолжалось. Спустя некоторое время можно было уже отчетливо различить вражеский корабль. Лодка успешно произвела атаку. Исчезновение корабля после первоначального обнаружения произошло потому, что перед закатом солнца видимость быстро ухудшалась. Подсчеты, которые были сделаны позднее, показали, что корабль в момент его обнаружения находился на расстоянии около 10 миль от лодки, в то время как обычно считалось, что объект подобного размера невозможно обнаружить с расстояния, превышающего 6 миль.

Обучение офицера наблюдению в перископ необходимо начинать в базе и продолжать при выходах на боевую подготовку до тех пор, пока пользование перископом не будет отлично освоено. Нужно обращать внимание на то, как смотрит обучаемый в перископ, что он в него видит, различает ли он удаленные предметы и правильно ли определяет расстояния до этих предметов. Наблюдающий должен докладывать обо всем наблюдаемом в перископ, а обучающий офицер записывает все, о чем докладывает наблюдающий. При докладе надлежит требовать краткое описание предметов и расстояний до них. Обучающему офицеру следует, посмотрев в перископ, проверить, обо всем ли находящемся в поле зрения доложил обучающийся. Если что-нибудь окажется пропущенным, нужно заставить обучающегося снова смотреть в перископ и снова доложить об увиденном, делая это до тех пор, пока обучающийся не перечислит всего, что требуется.

Простейшие тренировки по наблюдению могут проводиться и без помощи перископа, в самых обычных условиях. Так, можно предложить группе офицеров посмотреть в окно и постараться запомнить все, что они увидели, а затем опросить, например, сколько деревьев или каких-нибудь других предметов можно видеть в окно. Ответы получатся самые разнообразные, ибо не все, глядя в окно, обратят внимание на то, о чем спросит руководитель. Повторив упражнение несколько раз, можно добиться очень хороших результатов, а систематические тренировки подобного рода будут способствовать развитию наблюдательности, столь необходимой офицерам-подводникам.

Для того, чтобы искусно пользоваться перископом, надо еще уметь держать перископ на нужной высоте от поверхности воды, выбирать главные направления, в которых следует вести особенно внимательное наблюдение, пользоваться перископом на различных

ходах и т. д. и т. п. Все это должно быть в совершенстве отработано вахтенными офицерами.

При атаке противника командиру подводной лодки почти всегда приходится на-глаз определять курсовой угол, а подчас и дистанцию. От точности определения этих элементов зависит успех атаки.

Каждый офицер подводной лодки обязан, пользуясь всяким подходящим случаем, тренироваться в определении на-глаз курсового угла и дистанции, а командир — систематически контролировать способность своих офицеров определять эти элементы. Способы такой тренировки достаточно просты и хорошо известны. Следует только подчеркнуть, что подобная тренировка, помимо всего прочего, весьма способствует выработке у офицеров верного морского глаза.

Умение правильно и быстро оценивать обстановку должно прививаться офицерам-подводникам в течение всей их службы. Неправильная оценка обстановки даже только одним из находящихся на лодке офицеров может привести к тяжелым последствиям.

Сошлемся на такой пример. Подводная лодка, действовавшая в мелководном районе, выходила в атаку на транспорт противника. Впереди по курсу подводной лодки далеко в море выдавалась отмель. И командир и штурман знали об этой отмели. Командир лодки трижды спрашивал штурмана о том, можно ли продолжать итти в этом направлении. Штурман докладывал, что глубины вполне достаточны и можно смело итти дальше. Однако через несколько минут после последнего доклада штурмана лодка с полного хода выскочила на отмель. Рубка лодки оголилась. Лишь благодаря энергичным действиям экипажа удалось быстро сойти с мели. Впоследствии штурман объяснил свое поведение тем, что он был вполне уверен в том, что лодка с минуты на минуту окажется на мели, но, «боясь сорвать атаку», умышленно не сообщил об этом командиру. На деле же штурман не только сорвал атаку (если бы он своевременно предупредил командира об опасности, то атака состоялась бы и при другом способе маневрирования), но и поставил корабль под угрозу гибели.

Чтобы привить все необходимые навыки и качества подчиненным офицерам, командир подводной лодки должен как можно чаще лично проводить с ними занятия, упражнения, учения, регулярно проверять их знания, ни в коем случае не передоверяя этого важнейшего дела кому бы то ни было.

К сожалению, отдельные командиры еще не усвоили эту истину, хотя она вытекает из требований Корабельного устава. Некоторые из командиров с приходом в базу прекращают занятия со своими офицерами, считая, что с момента окончания похода работа с офицерским составом становится делом дивизионных специалистов.

Бесспорно, дивизионные специалисты должны заниматься обучением офицеров, но это не умаляет роли командира подводной лодки как воспитателя подчиненных офицеров. От выполнения этой роли он не может отказаться ни на один день как в море, так и в базе.

В любой обстановке командир должен оставаться авторитетным и уважаемым начальником офицерского состава лодки. Дело его чести — добиться, чтобы офицеры дорожили тем, что служат под его командованием, старались быть похожими на него и чтобы каждое его замечание о непорядке было для них тяжелым, надолго запоминающимся событием, а всякая похвала воспринималась как награда.

Все это обязывает командира подводной лодки и с приходом в базу как можно чаще бывать в кругу своих офицеров. Атмосфера дружбы, возникающая между офицерами подводной лодки во время длительного боевого похода, не должна нарушаться по приходе в базу, и здесь командиру лодки нужно приложить свою руку.

В большинстве наших соединений в базах командиры подводных лодок имеют обособленный салон, и поэтому случается, что они не видят некоторых своих офицеров целыми сутками. Кают-компании остальных офицеров превратились в базах в обыкновенные столовые, куда офицеры заходят только обедать или ужинать.

Нужно восстановить кают-компании подводников, сделав их местом культурного отдыха офицеров, очагом их общения и дружбы, источником обогащения боевым опытом. Надо, чтобы офицеры хотя бы иногда приглашали командира к своему столу (офицеры каждой лодки должны иметь в кают-компании базы отдельный стол), чтобы он бывал с ними в кают-компании в свободное от службы время.

Во время боевых походов подводники вынуждены подолгу находиться без движения, ходить и сидеть сгорбившись, дышать испорченным воздухом. Для того, чтобы не дать их организму ослабеть, не дать развиться болезням, необходимо при нахождении в базе использовать все возможности для укрепления их здоровья и физической закалки. Следует всячески поощрять различные виды спорта, уделяя особое внимание парусному делу, плаванию, гребле, езде на велосипеде, верховой езде, катанию на коньках и хождению на лыжах и, наконец, охоте.

Правильная дисциплинарная практика является могущественнейшим средством воспитания всех военнослужащих, а на подводной лодке она приобретает особое значение благодаря исключительно близкому и длительному общению начальников с подчиненными при нахождении лодок в море и резкому изменению этого положения по прибытии лодки в базу. Немаловажное значение в дисциплинарной практике на лодках имеет и большая насыщенность их экипажей офицерским и старшинским составом.

Некоторые офицеры и старшины, не обладающие достаточным чутьем или силой воли, перестают чувствовать разницу между собою и своими подчиненными, а это всегда грозит развитием панибратства и, как следствие, — падением дисциплины.

Командир подводной лодки — главный организатор порядка и страж дисциплины на своем корабле — должен самым жестким образом взыскивать с офицеров за малейшие упущения по службе и проступки и этим самым показывать офицерам пример требовательности к подчиненным.

И с надводными кораблями «море не шутит», с подводными же лодками оно шутит еще меньше. Незначительная на первый взгляд ошибка может оказаться роковой и явиться причиной гибели подводной лодки. Поэтому требовательность везде и во всем — закон всех офицеров-подводников.

Бывают случаи, когда даже требовательные командиры лодок при аттестовании дают своим офицерам лучшие аттестации, чем они того заслуживают. Происходит это чаще всего от ложного чувства жалости, от нежелания «обидеть» человека, с которым пришлось, может быть, пережить тяжелые моменты в боевых операциях.

Нет нужды доказывать весь вред такого аттестования, мешающего правильно оценивать офицерские кадры и тормозящего продвижение лучших для замены негодных. Командир подводной лодки должен всегда помнить, что от его аттестации зависит не только благополучие аттестуемого им офицера, но и весь дальнейший ход службы на его корабле, результаты боевой деятельности его корабля, честь флага, который носит его корабль, и, наконец, его собственная — командира корабля, подводника, офицера Военно-Морского флота — честь.

Однако дисциплинарная практика ни в коем случае не должна быть односторонней.

Поощрение офицеров за успехи в службе, боевой подготовке и боевой деятельности, представление к наградам и полное использование для поощрения собственных прав — эту сторону дисциплинарной практики командир лодки не может упускать. Только сочетая требовательность и непреклонность с постоянным стремлением поощрить и отличить достойных, командир подводной лодки может рассчитывать на то, что он правильно воспитает своих офицеров, завоюет их уважение, будет сам для них примером во всем и вместе с ними добьется успешных результатов в боевой деятельности.

4

Командир подводной лодки является центральной фигурой подводного плавания, от которой зависят результаты боевой деятельности подводных лодок и успешность действий остальных офицеров-подводников. Подготовленность командира подводной лодки, его личные качества и умение обучать, воспитывать подчиненных и руководить ими прежде всего определяют боеспособность подводной лодки и ее экипажа.

Любой офицер, будь он командир боевой части, либо помощник командира, плавая на подводной лодке, не испытывает одиночества и, зная, что на лодке есть командир, который всегда в состоянии помочь ему в трудную минуту, часто выполняет очень сложные маневры, даже не замечая всей их сложности. Но вот этого офицера назначили командиром лодки. И в службе и в жизни его происходит крутой перелом. Из исполнителя он сразу превращается в хозяина сложнейшего боевого организма, становится его мозгом и сердцем. На корабле нет ни одного человека, который знал бы больше, чем он, и ждать от кого-нибудь совета в тяжелый момент не приходится. Бремя огромной ответственности ложится на его плечи.

В этот ответственнейший, переломный момент в службе подводника первым его наставником и руководителем должен быть непосредственный начальник — командир дивизиона подводных лодок.

До тех пор, пока командир дивизиона не убедится, что молодой командир лодки способен выполнять свои обязанности самостоятельно, приобрел необходимые для этого знания и навыки и действует четко, уверенно, — он не может допустить этого командира лодки в самостоятельный поход, сколь бы прост и непродолжителен поход ни был.

В первый боевой поход с молодым командиром должен итти командир дивизиона. Ему необходимо убедиться, что и в боевой обстановке командир подводной лодки не теряется, действует смело и уверенно и способен справиться с поставленной перед ним задачей, нанести поражение врагу и благополучно привести свой корабль в базу.

Чтобы правильно руководить командиром лодки и способствовать его росту, командиру дивизиона необходимо представлять себе объем знаний подчиненного, знать его характер, все положительные и отрицательные качества, настроения и стремления. Без этого нельзя правильно реагировать на ошибки, которые допускает командир лодки, и помогать в исправлении этих ошибок.

Командир дивизиона должен систематически проводить с командирами подводных лодок игры и групповые упражнения, руководить учениями лодок при взаимодействии с ними других родов морских сил, регулярно проверять уровень тактической подготовки командиров лодок на разборах боевых операций подводных лодок и кораблей ПЛО, проводить разборы операций надводных кораблей. На этих занятиях и учениях командир дивизиона обязан подмечать каждую допущенную тем или иным командиром лодки ошибку. Однако ему не следует также преподносить подчиненным готовые решения. Не беда, что командир лодки десять раз повторит одну и ту же ошибку во время игры или учения; важно, чтобы в конце концов он понял, что это — ошибка, и сам нашел правильное решение (только то, что осознано самим, прочно остается в памяти!). Хуже будет, если, воспользовавшись простым подсказом и быстро забыв о допущенной ошибке, он в последующем повторит ошибку в боевых условиях.

Командиру дивизиона всегда следует помнить, что командиры лодок призваны действовать самостоятельно. Поэтому он не должен подменять их в процессе решения учебной задачи, если только не возникает угроза серьезной аварии или катастрофы или если окажется целесообразным применить метод показа.

Показ является неплохим приемом обучения, но увлекаться им не следует, особенно при обучении командиров подводных лодок, ибо последние, будучи еще помощниками командиров, достаточно насмотрелись на то, как действовали их командиры.

Мне неоднократно приходилось бывать свидетелем проводимых командирами дивизионов тренировок в выходе в торпедную атаку на приборе торпедной стрельбы.

Однажды было так. Прибор работал автоматически, командир лодки со своими офицерами был изолирован от остальных, что создавало обстановку, в какой-то мере сходную с действительной обстановкой на лодке во время атаки. По ходу занятий никаких переговоров между командиром лодки и командиром дивизиона не требовалось. Однако командир дивизиона в процессе атаки зачем-то задавал вопросы, останавливал внимание командира подводной лодки на отдельных моментах атаки и т. п. Это только мешало последнему самостоятельно решать задачу, отвлекая от той обстановки, в которой ему приходилось бы действовать фактически. Вопросы командира дивизиона наталкивали на исправление в процессе атаки уже допущенных ошибок. В итоге ни командир дивизиона, ни сам выполнявший атаку не могли правильно оценить ее результаты.

Строгость при оценке выполнения этих задач, доходящая до придирчивости, должна быть непременным качеством каждого командира дивизиона.

Обстановка на всякой игре и всяком учении, как правило, более проста, чем обстановка боя, и, как правило же, почти не грозит опасностью (а если и грозит опасностью, то несравненно меньшей, чем в бою). Поэтому на занятиях и учениях их участники всегда действуют

более спокойно и с меньшим напряжением, нежели в условиях боя. Задача руководителя — в максимальной степени приблизить обстановку занятия или учения к боевой и затем, оценивая выполненные обучающимися задачи, дать им самые жесткие оценки, учитывая, что ошибка, почти не сказывающаяся на учении, может коренным образом изменить результат выполнения аналогичной задачи в боевых условиях.

Чрезвычайно важно привить командирам лодок твердую уверенность в мощи и силе своего корабля и его оружия.

Командир подводной лодки, наблюдающий в перископ, видит все, что делается на поверхности воды, в то время как в подавляющем большинстве случаев никто из находящихся на поверхности воды перископа не видит. Однако, видя все и всех, командир подводной лодки невольно начинает думать, что и его все видят. Чтобы командиры лодок меньше поддавались этому чувству, необходимо время от времени показывать им, насколько скрытно атакуют подводные лодки. Полезно иногда брать командиров лодок на мишень или на корабли охранения, чтобы они, находясь на надводном корабле, несколько раз пронаблюдали весь процесс атаки и убедились бы, насколько трудно обнаружить атакующую подводную лодку даже тогда, когда видишь, где она погрузилась, и точно знаешь, где она должна находиться в каждый данный момент. Я часто практиковал это, и, как можно было убедиться, не без пользы. Полезно изредка практиковать и полеты командиров подводных лодок на самолетах при проведении совместных учений с последними.

Но уверенность в своей скрытности — еще далеко не все. Необходимо — и это главное, — чтобы командиры подводных лодок верили в свои собственные силы и в силы своего экипажа, мастерски владели оружием своего корабля и тактическими приемами его использования.

Основное назначение подводных лодок — топить противника торпедами. Чтобы потопить противника, необходимо его обнаружить (найти), определить элементы его движения, занять позицию для залпа и внезапно для противника произвести залп. Для того же, чтобы быстро и незаметно осуществить все это, командир подводной лодки, кроме смелости и решительности, должен обладать и большим умением, которое складывается из знаний и навыков.

Первоначальные навыки выполнения атак можно получить в кабинете торпедной стрельбы. Систематические занятия в кабинете позволяют закрепить уже полученные навыки и поддерживать их на определенном уровне. Но ограничиться кабинетом — означало бы сделать большую ошибку, которая может отрицательно повлиять на результаты боевых действий подводных кораблей, значительно их снизить и даже привести к потерям.

Главное — систематическая и непрерывная тренировка в производстве торпедных атак с фактическим выпуском торпед, которую должны проходить все командиры подводных лодок, независимо от стажа и опыта командования.

Обстановка, в которой выполняется практическая торпедная атака, предельно близка к боевой. Здесь налицо все то, что бывает при атаке противника, не исключая и некоторой опасности быть протараненным (последнее, конечно, в значительно меньшей степени, чем в боевой обстановке). Что же касается действий экипажа подводной лодки во главе с ее командиром, то они аналогичны действиям в бою.

Во время практических торпедных стрельб ошибки, допущенные командиром лодки, никогда не пройдут незамеченными ни для руководителя учения, ни для него самого. Точно так же успех, если он имел место, всегда будет очевиден.

Мне приходилось много заниматься практическими торпедными атаками и в качестве командира подводной лодки и в качестве командира дивизиона. Всякий раз после проведения учения я убеждался, что участники получили большую зарядку и значительно обогатили свой опыт.

При проведении практических торпедных атак в еще большей степени, чем в других случаях, от командира дивизиона требуется самый тщательный анализ допущенных ошибок. Разбор атаки должен производиться обязательно в присутствии командира лодки. Надо, чтобы последний сам видел эти ошибки и понимал, к чему они привели или могли привести. Разбор атак, проведенных в боевых условиях, имеет еще большее значение, хотя, как правило, в этом случае труднее восстановить истинную картину происходившего, так как нет абсолютно точных данных о противнике.

Подходя весьма строго к оценке результатов атак и боевых походов в целом, не следует, однако, перегибать палку. Некоторые офицеры, руководившие разборами боевых походов подводных лодок, создавали на занятии такую обстановку, что командир подводной лодки, только что вернувшийся из похода, потопивший иногда за время похода несколько вражеских кораблей и сам подвергавшийся неоднократным атакам, от которых успешно уклонялся, начинал чувствовать себя обвиняемым, которого вызвали на суд и хотят уличить в чем-то чрезвычайно непристойном. При этом присутствовавшие командиры переставали высказывать свои мнения и даже задавать вопросы, зная, что в следующий раз и с ними будет происходить нечто подобное.

Необходимо всегда помнить, что разбор похода нужен прежде всего для изучения боевого опыта, и анализ всего хорошего и плохого, случившегося в походе, должен быть направлен именно на это. Умаление же достоинства командира подводной лодки, вернувшегося из похода, запугивание его никогда и никому не пойдут на пользу. Наоборот, смелость, решительность и принятие на себя ответственности (не переходящее, конечно, в недисциплинированность, ведущую к нарушению боевого приказа) должны всячески поощряться в командире лодки и уж ни в коем случае не подавляться.

В современной войне, когда средства противолодочной обороны получили большое развитие, от командира подводной лодки требуются инициатива, изобретательность, упорство и настойчивость. Чтобы прорваться внезапно в порт противника и потопить не подозревавшего об опасности врага, как это делали североморские подводники, чтобы форсировать начиненный минами и сетями Финский залив и топить вражеские суда на просторах Балтики, как это делали подводники-балтийцы, чтобы, ползая по грунту, настигать противника и уничтожать его, как это делали подводники-черноморцы, прежде всего нужны перечисленные качества.

Уместно привести несколько примеров.

Еще в период героической обороны Севастополя в 1942 г. капитан 3 ранга Грешилов, командовавший тогда малой одновинтовой подводной лодкой и сделавший очень много для обороны Севастополя, попал однажды в чрезвычайно сложную обстановку. Во время выполнения

ответственной и сложной боевой задачи заклинило руль. Лодка находилась в подводном положении очень близко к берегу противника. Исправить повреждение и заставить руль действовать не представлялось возможным. Однако Грешилов не стал ждать помощи, хотя и была некоторая возможность получить ее. Используя горизонтальные рули и диферентуя подводную лодку то на нос, то на корму, он не только вывел подводную лодку из западни и привел ее в базу, но и блестяще выполнил поставленную перед ним боевую задачу.

Был случай, когда одна из наших подводных лодок, находясь в удаленном от базы районе, огражденном мощными противолодочными препятствиями, получила серьезные повреждения рулей и винтов. Лишившись хода, она могла стать добычей кораблей противолодочной обороны противника, которыми буквально кишел данный район действий. Героическими усилиями экипажа, работавшего только ночью и под водой, подводной лодке была возвращена возможность двигаться. Тем не менее повреждения были настолько серьезны, что лодка почти не управлялась под водой. Выйти же из этого района можно было только в подводном положении, причем единственный проход был очень узок, мелководен и вдобавок находился под наблюдением противника. Воспользоваться этим проходом представлялось возможным лишь в том случае, если бы лодка хорошо держала глубину. Возникла необходимость натренировать личный состав в управлении поврежденным кораблем под водой. И вот, под носом у врага, в сотнях миль от базы, командир подводной лодки в течение нескольких суток проводит боевую подготовку. В результате израненный корабль оказался способным выйти из западни. Опоздав на несколько суток, лодка без чьей-либо помощи добралась до базы, где уже не ожидали вновь ее увидеть. Таким образом, благодаря твердости и исключительной настойчивости командира подводной лодки корабль был спасен от казалось бы неизбежной гибели. После ремонта лодка вновь вошла в строй и с большим успехом продолжала оперировать на вражеских коммуникациях.

Часто случается, что подводная лодка, находясь в море, длительное время не имеет встреч с противником. Подобная обстановка начинает поневоле угнетать экипаж, и тут от командира требуется исключительная выдержка, которая должна передаться всему личному составу.

Как хороший охотник, долго выискивая ценного зверя, в конце концов находит его тропы и, подкараулив, убивает его, так и командир подводной лодки, вооружившись терпением и напрягая все свои силы и способности, должен отыскать пути движения противника и затем, выбрав удобное место и удобный момент, подкараулить, внезапно атаковать и уничтожить врага.

Больше чем всем другим офицерам, командирам подводных лодок необходимо самообладание. Хладнокровие в сочетании со страстным желанием победить врага, умение спокойно наблюдать и производить математические расчеты в сложнейших условиях, часто грозящих кораблю гибелью, — вот что требуется от командира подводной лодки при выходе в торпедную атаку.

Тихо крадущаяся к противнику, который, как правило, во много раз сильнее ее, подводная лодка при выходе в атаку нисколько не похожа ни на танк или самолет, с ревом и огнем идущие в атаку на врага, ни на быстрые и, как правило, действующие группами катера, ни тем более на крупные надводные корабли, начинающие бой с дистан-

ций, измеряющихся многими десятками кабельтовых. Тишина, сознание почти полного одиночества, испытываемое командиром, находящимся в боевой рубке, толстый слой воды над лодкой, отделяющий ее от всего остального мира, ожидание разрывов глубинных бомб, которые противник обязательно сбросит, оказавшись атакованным, — все это может угнетающе подействовать на слабого духом человека, парализовать его волю и лишить способности действовать сознательно и расчетливо.

Поэтому воспитание в командире подводной лодки сильной воли и способности в любых условиях сохранить ясность мысли, умения действовать только на основании здравого смысла — одна из важнейших сторон дела воспитания командира лодки его непосредственным начальником — командиром дивизиона. Командир дивизиона должен до предела усложнять обстановку на учениях, насколько можно приближать ее к боевой обстановке, не боясь неприятных последствий ошибок, которые могут иногда допустить командиры на учении. Если на учении у неправильно маневрирующей лодки будет согнут перископ наскочившим на нее своим катером — это полбеды. Хуже, если он будет согнут по той же причине вражеским катером, который может вдобавок сбросить на лодку еще и серию глубинных бомб. В учебной обстановке подобная ошибка может привести лишь к необходимости сменить перископ (зато командир научится правильно маневрировать), а в боевой обстановке эта же ошибка чревата гибелью корабля, а в лучшем случае — срывом атаки.

Казалось бы, что сказанное выше — истина, не требующая ни доказательств ни объяснений. Но оказывается, что истина эта ясна еще далеко не всем. Встречаются и до сих пор начальники, которые не только не усложняют обстановку на учениях, подобно тому, как это делают войска Красной армии, готовясь к трудной операции, но даже и сами учения организуют с большой неохотой, стараясь оградиться от различных «неприятностей», которые могут случиться в процессе учений, особенно если они проводятся в усложненных условиях.

Суворовское правило «тяжело в ученьи — легко в бою» должно стать девизом всех офицеров, руководящих боевой подготовкой лодок.

При всей значимости роли командира дивизиона в воспитании подчиненных ему командиров подводных лодок, главная роль в выработке качеств, необходимых для командования лодкой, все же принадлежит самому командиру подводной лодки. Он не должен рассчитывать ни на то, что подобные качества появятся сами собой, ни на то, что их можно попросту перенять у кого-то другого. Надо быть требовательным к себе во всем до мелочей, постоянно следить за собой, быть всегда ровным и спокойным. Это поможет воспитать в себе твердость и выдержку, хладнокровие и стальную волю.

Известен случай, когда командир одной из подводных лодок в течение нескольких часов сражался с эскадренными миноносцами противника, обнаружившими его во время атаки. Заметив перископ подводной лодки, эскадренные миноносцы стали забрасывать ее бомбами. Командир лодки, видя, что противник сбрасывает бомбы неточно, и не подумал уходить. Он снова начал выходить в атаку на эскадренные миноносцы, маневрировавшие на полных ходах, зигзагировавшие и непрестанно сбрасывавшие бомбы. Атака не удавалась, но командир не

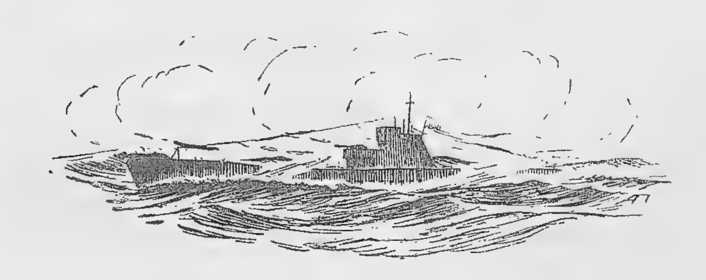
отказывался от своего намерения и в конце концов добился того, что враг, видимо, израсходовав весь запас бомб, бежал от героической подводной лодки, оставив за ней поле боя.

Этот пример хладнокровия и смелости в неравном бою — образец достойного и единственно правильного поведения командира подводной лодки.

Аттестование командиров подводных лодок — дело еще более важное, чем аттестование остальных офицеров-подводников. Оно должно проводиться еще более тщательно, а оценка качеств аттестуемого должна быть еще более строгой. Колоссальная ответственность, возложенная на командира лодки, требует, чтобы в нем не укоренился ни один недостаток, препятствующий успешному выполнению его высокого призвания, чтобы знак командира подводной лодки, который он носит, свидетельствовал о том, что носящий его — человек стальной воли, кристальной чистоты, обладающий глубоким умом и знаниями, прекрасный моряк, беззаветно преданный своему делу и родине офицер.

* * *

Воспитание офицеров-подводников — весьма разносторонняя проблема, которую в статье немыслимо охватить целиком. Мы не коснулись ряда важных вопросов, например не остановились вовсе на роли офицера в воспитании старшинского и рядового состава подводных лодок, что может явиться темой отдельной статьи. Автор отнюдь не считает также, что затронутые им вопросы разобраны с исчерпывающей полнотой. Несомненно, что многие офицеры-подводники могли бы дополнить автора, высказать свои суждения по разобранным здесь вопросам и в свою очередь подвергнуть разбору ряд вопросов, не затронутых в нашей статье.



О ЖИВУЧЕСТИ АВИАНОСЦА

Л. А. ГОРДОН — *Инженер-майор*

Н. Я. МАЛЬЦЕВ — *Инженер-майор*

Опыт истекшей войны показывает, что состояние защиты и живучесть кораблей всех классов заслуживают самого пристального внимания. Эта проблема представляет собой широкое поле деятельности для конструкторской и тактической мысли.

В данной статье мы намерены рассмотреть элементы живучести авианосцев — кораблей, впервые принявших участие в боевых действиях во вторую мировую войну и занявших в борьбе на море весьма видное место.

Особая важность правильного решения вопросов живучести для авианосцев вытекает не только из их уязвимости, связанной со специфическими особенностями вооружения этих кораблей, но и из подтвержденной опытом войны их высокой боевой ценности. Обеспечивая современный морской бой новым оружием — авиацией, авианосец становится одним из важнейших средств активной, наступательной войны на море.

Рассмотрение элементов живучести авианосца в свете опыта второй мировой войны интересно еще и потому, что незадолго до начала войны пресловутая «низкая живучесть» авианосца была основным аргументом его противников.

Остановимся предварительно на определении самого понятия боевой живучести корабля.

Как известно, под боевой живучестью корабля в целом понимается его способность противостоять ударам боевых средств противника, сохраняя в то же время свою боеспособность. Применительно к авианосцу это следует понимать как способность использования авиавооружения и артиллерии при наличии повреждений, нанесенных кораблю противником.

Заметим, что боевую живучесть следует отличать от живучести вообще, под которой понимается способность вооружения, механизмов и других элементов корабля выполнять свои функции в течение заданного времени. Ниже рассматриваются вопросы боевой живучести, которая для краткости будет именоваться просто живучестью.

Живучесть корабля зависит от степени совершенства защиты, непотопляемости, общего расположения вооружения, механизмов и жизненно важных помещений, а также эффективности противопожарных и водоотливных средств. Кроме того, живучесть, естественно, зависит и от степени подготовки личного состава, который в боевых условиях ведет борьбу за живучесть.

Защита корабля, в широком смысле слова, не исчерпывается только пассивными средствами — бронированием и противоминной защитой, — но определяется еще и его вооружением, предназначенным для самообороны. К последнему следует отнести средства обнаружения самолетов, подводных лодок и надводных кораблей, а также противоминную и противосамолетную артиллерию. Для целей активной защиты или, точнее, обороны используется и главное вооружение. В условиях авианосца это будут самолеты, которые могут нести службу ПВО и ПЛО.

Само собой понятно, что корабль, обладающий наряду с пассивными средствами защиты также и мощной противоминной и зенитной артиллерией и развитыми средствами обнаружения противника (радиолокация, гидроакустические приборы), будет более устойчивым в боевых условиях, а следовательно и более живучим по сравнению с кораблем, где все внимание уделяется пассивным средствам защиты.

Архитектурные особенности авианосца делают задачу обеспечения его боевой живучести в достаточной степени трудной.

Самолетное вооружение авианосцев требует для своего размещения больших по площади и кубатуре помещений (ангаров), занимающих бо́льшую часть надводного объема корпуса корабля. При этом, из соображений повышения оперативности использования самолетов, ангары не имеют поперечных разделительных водонепроницаемых переборок и представляют собой отсеки, размеры которых достигают 150 × 20 м.

Полетная палуба, служащая для производства взлета и посадки самолетов, а поэтому совершенно свободная от надстроек, достигает размеров 25 × 250 м и более и имеет большие вырезы для самолетоподъемников.

Большие размеры ангаров и полетной палубы, расположенных к тому же высоко над ватерлинией, существенно осложняют решение вопроса о бронировании их от артиллерийского огня даже легких кораблей (миноносцев) и от авиабомб весом более 50 кг.

Вместе с тем, ангар заключает в себе главное вооружение авианосца, а полетная палуба является непременным элементом боевого использования самолетов.

Авианосец несет на себе большие запасы авиабомб, авиаторпед, патронов и горючего для самолетов (до 500 т авиабомб и торпед и до 1000 т горючего), которые сами по себе взрыво- и пожароопасны при боевых повреждениях авианосца.

Если в части бронирования авианосец резко отличен от кораблей других классов, то с точки зрения противоминной защиты он почти ничем не отличается от линейных кораблей и крейсеров.

Осуществление эффективной противоминной защиты по типу применяемой на линейных кораблях и крейсерах возможно не на всех авианосцах. В составе флотов США и Англии имеются как большие авианосцы водоизмещением от 20 000 до 45 000 т, так и малые, главным образом эскортные, водоизмещение которых лежит в пределах от 8 000 до 17 000 т.

Противоминная защита в виде бортовых отсеков возможна лишь на авианосцах большого водоизмещения, так как она требует большой ширины корабля и имеет значительный вес. Основным и органическим недостатком малых авианосцев является именно отсутствие или неполноценность противоминной защиты.

Отмеченные выше архитектурные особенности авианосцев были поводом для оценки их живучести как недостаточной по сравнению с кораблями других классов тех же размерений. Один из английских адмиралов в свое время сравнивал авианосец с «корзиной, наполненной яйцами».

Представление о фактической живучести авианосцев может дать рассмотрение статистических данных о гибели и боевых повреждениях авианосцев.

По данным контр-адмирала В. Ф. Чернышева,[1] с начала второй мировой войны до 1 января 1944 г. всего погибло 24 авианосца и повреждено не менее 30 кораблей этого класса (более подробные данные см. в табл. 1).

Таблица 1

Причины гибели и повреждений авианосцев с начала второй мировой войны до 1 января 1944 г.

Оружие, явившееся причиной гибели или повреждения / Результаты воздействия оружия	Артиллерия		Торпеда			Комбинированные и прочие действия авиации	Прочие и неизвестные причины	Всего
	береговых батарей	надводных кораблей	надводных кораблей	подводных лодок	авиации			
Потоплено	—	3	—	5	1	11	4	24
% к общему числу потопленных кораблей	—	12,4	—	20,8	4,3	45,7	16,8	100
Повреждено	—	1	—	—	3	26	—	30
% к общему числу поврежденных кораблей	—	3,3	—	—	10,0	86,7	—	100
Общее число случаев гибели и повреждений	—	4	—	5	4	37	4	54
% к общему числу потопленных и поврежденных кораблей	—	7,4	—	9,3	7,4	68,5	7,4	100

К сожалению, одна статистика не может дать полное представление о степени опасности того или другого вида оружия в боевых действиях против авианосца. Составленная на основе опубликованных в печати кратких и отрывочных сведений, она, естественно, не отражает обстановки тех или иных случаев гибели или повреждений. Из нее можно только заключить, что главным оружием против авианосца в истекшей войне была авиация. Половина всех потопленных авианосцев погибла в результате действий бомбардировщиков и торпедоносцев; почти все упоминавшиеся в печати случаи повреждений авианосцев (96,7%) также произошли в результате действий авиации. Второе место по степени опасности для авианосцев занимает торпеда подводных лодок (20,8% случаев гибели), и лишь на третьем месте стоит артиллерийский огонь надводных кораблей.

На основе весьма неполноценных сведений прессы часто невозможно установить, результатом воздействия какого из двух основных видов воздушного оружия — торпеды или бомбы — является гибель корабля. В большинстве случаев публиковавшиеся оперативные сводки

[1] В. Ф. Чернышев, Причины гибели и повреждений надводных кораблей в текущую войну, «Морской Сборник», 1944, № 4, стр. 48.

воюющих сторон ограничивались лишь указаниями на действия авиации вообще.

Однако на основании ряда дополнительных данных и соображений можно утверждать, что в большинстве случаев гибель авианосца является следствием торпедирования. Из табл. 1 следует, что не менее 25% потопленных авианосцев погибло в результате воздействия торпедного оружия подводных лодок и авиации; из числа 11 авианосцев, потопленных в результате комбинированных и прочих действий авиации, не менее 4 кораблей также подверглись действию торпедного оружия самолетов («Kaga», «Akagi», «Soryu», «Yorktown»). Таким образом, из 24 зарегистрированных случаев гибели авианосцев не менее десяти (42%) приходится на долю торпеды.

Таблица 2

Показатели живучести кораблей различных классов при действии различных видов оружия

Классы кораблей \ Оружие, явившееся причиной повреждения	Артиллерия	Авиация	Подводные лодки
Линейные корабли и линейные крейсера	70 (87)	85 (79)	72 (80)
Крейсера	50 (64)	67 (58)	38 (29)
Авианосцы		61 (71)	69
Миноносцы	46 (32)	39 (24)	13 (12)
Прочие надводные корабли	24	29	4
Подводные лодки	12	0	7

Отсюда можно непосредственно сделать вывод, что главное внимание при решении вопросов живучести авианосца должно быть уделено защите его от торпеды, т. е. его подводной защите.

Для того, чтобы сравнить живучесть авианосца с живучестью кораблей других классов, воспользуемся «условным показателем живучести», представляющим собою выраженное в процентах отношение числа случаев, когда корабль после нанесения ему повреждений остался на плаву, к общему числу случаев гибели и повреждений кораблей рассматриваемого класса. Соответственные данные помещены в табл. 2. Приведенные в ней показатели основаны на статистических данных Центрального научно-исследовательского института НКСП за первые три года войны и на материалах контр-адмирала В. Ф. Чернышева (показатели по данным В. Ф. Чернышева приведены в скобках).

Заметим при этом, что сведенные в табл. 2 цифры подсчитывались лишь при наличии достаточно большого числа отмеченных статистикой случаев гибели и повреждений (не менее 10). Именно поэтому, например, в таблицу не вошел показатель живучести авианосцев под действием артиллерийского огня (25%), хотя и вероятный, но основанный лишь на известных четырех случаях воздействия артиллерии на авианосцы и поэтому в большой мере носящий в себе элементы случайности.

Как и следовало ожидать, наибольший показатель живучести при воздействии всех видов оружия имеют линейные корабли, наименьший — подводные лодки. Крейсера, естественно, оказались имеющими более высокие показатели живучести по сравнению с миноносцами. Таким образом, табл. 2 только лишний раз подтверждает существующие и несомненно правильные представления о степени живучести кораблей различных классов.

Вместе с тем, из табл. 2 непосредственно следует, что живучесть авианосцев при воздействии на них воздушного и подводного оружия в общем итоге не уступает живучести крейсеров.

Таким образом, если еще можно говорить о низкой живучести авианосцев, то только по отношению к воздействию со стороны артиллерии, но едва ли вообще целесообразно требовать от авианосца высокой живучести при воздействии артиллерийского огня.

Данные табл. 2 находят подтверждение и в описаниях отдельных случаев гибели и повреждений авианосцев.

Так, авианосец «Ark Royal», торпедированный германской подводной лодкой 14 ноября 1941 г. в районе Гибралтара, затонул лишь по прошествии 12 часов после попадания торпеды, несмотря на то, что сразу же после торпедирования получил крен в 15°. Этот крен постепенно увеличивался из-за фильтрации воды и ко времени, когда начали работать водоотливные средства, запущенные аварийной командой, дошел до 19°. Работой восьми насосов крен удалось выправить только на 2°. Впоследствии, из-за недостаточной прочности переборок, корабль все же опрокинулся. Несомненно, что при большем внимании к вопросам прочности водонепроницаемых переборок и при наличии более мощных водоотливных средств можно было бы не только спасти авианосец, но и обеспечить выравнивание крена.

Авианосец «Lexington», участвовавший в сражении в Коралловом море (4—8 мая 1942 г.), в течение часа получил пять попаданий авиаторпедами в левый борт и после этого с шестиградусным креном продолжал свой путь в составе эскадры с 20-узловой скоростью. Через несколько часов, в результате невозможности справиться с распространившимся пожаром, охватившим район погребов и хранилищ горючего, авианосец взорвался. Однако после четырех больших взрывов он оставался еще на плаву и был уничтожен торпедами своего же эскадренного миноносца.

Авианосец «Yorktown» в бою у о. Мидуэй (4 июня 1942 г.) получил повреждения от попадания трех авиабомб и не менее двух торпед. Авианосец накренился и потерял ход, но остался на плаву. Только через двое суток после этого он был торпедирован японской лодкой и затонул.

Все эти примеры свидетельствуют о полной возможности создания на авианосце в достаточной степени эффективной подводной защиты, приближающей авианосец по степени живучести при воздействии торпедного оружия к современному линейному кораблю. При этом, естественно, не следует остерегаться роста водоизмещения авианосца. Непрерывное возрастание водоизмещения у строившихся во время войны американских авианосцев («Enterprise» — 20 000 т, «Essex» — 25 000 т, авианосцы программы 1944 г. — «Midway» и «Coral Sea» — 45 000 т) следует объяснить тем, что в США самое серьезное внимание уделялось вопросам живучести и подводной защиты авианосца.

Что же касается живучести авианосцев от авиабомб, то насчитывается немало случаев, когда попадания авиабомб даже крупного калибра не приводили к гибели корабля. Так, авианосец «Ark Royal» не менее четырех раз получал повреждения от авиабомб и все-таки лишь не надолго выходил из строя.

В сражении у Филиппинских островов 23 октября 1944 г. японская авиация атаковала соединение американских авианосцев. Атака была весьма интенсивной, причем было сбито более 150 японских самолетов. Во время этого боя авиабомба попала в легкий американский авианосец «Princeton» водоизмещением 10 000 т. На авианосце возник сильный пожар и произошло несколько взрывов. Несмотря на большие разрушения, корабль оставался на плаву несколько часов и был затоплен торпедой своего эскадренного миноносца ввиду приближения вражеской эскадры.

Описанные выше случаи свидетельствуют о том, что надводной защите авианосца, т. е. его бронированию, также уделяется немало внимания, ибо если нет большой необходимости в защите авианосца от огня тяжелых кораблей, то защита его от нападения с воздуха (бомбометание и обстрел) безусловно необходима. Необходимо также бронирование авианосца от артиллерийского огня легких сил, которые могут прорвать строй охранения сопровождающих авианосец кораблей.

Задачи самообороны и защиты состоят в том, чтобы, во-первых, не допустить к авианосцу самолеты или подводные лодки противника или во всяком случае воспрепятствовать им произвести атаку и, во-вторых, в случае неблагоприятного для корабля решения первой задачи, сохранить, несмотря на полученные повреждения, боеспособность, плавучесть, остойчивость и маневренность авианосца.

Первая из поставленных задач решается использованием современных средств обнаружения самолетов и подводных лодок — радиолокационных установок и гидроакустических приборов, а также путем вооружения авианосца мощной артиллерией, способной успешно отражать атаки самолетов и подводных лодок противника на безопасной для корабля дистанции.

Современные радиолокационные установки обнаруживают самолеты противника задолго до появления их в поле зрения визуальных наблюдательных постов, что позволяет:

1) поднять в воздух истребители прикрытия, которые должны либо уничтожить группу атакующих самолетов противника, либо ослабить ее, нарушить ее боевой строй и тем самым понизить эффективность атаки;

2) определить направление, с которого самолеты противника намереваются атаковать авианосец, и сосредоточить на этом направлении возможно большее число стволов зенитной артиллерии, создав огневую завесу.

Средства радиолокации лишают атаку самолетов на корабль одного из важнейших преимуществ—внезапности. Кроме того, благодаря радиолокационной аппаратуре снижается значимость авиабарража, целью которого является обнаружение самолетов противника и отражение угрожающей кораблю воздушной атаки. Помимо того, что авиабарраж при ограниченном на авианосце числе истребителей не обеспечивает равной по сравнению с радиолокацией надежности обнаружения самолетов противника (особенно в темное время суток или при плохой види-

мости), он одновременно ведет к износу материальной части самолетов и утомлению личного состава.

Обнаружение подводных лодок противника и задачи ПЛО возлагаются главным образом на корабли сопровождения авианосца, так как дальность обнаружения, достигнутая в современных гидроакустических приборах, еще не может гарантировать авианосец от торпедной атаки подводной лодки. Кроме того, ПЛО возлагается на самолеты, которые в угрожаемых с точки зрения наличия подводных лодок районах несут непрерывное охранение отряда, в состав которого входит авианосец.

Артиллерийское вооружение авианосцев предназначается не для активных наступательных операций, а для целей самообороны, т. е. для отражения атак, прежде всего, самолетов противника, затем подводных лодок и, наконец, вражеских легких надводных кораблей (когда последним удается прорвать цепь кораблей боевого охранения авианосца или отряда авианосцев).

В соответствии с этим назначением артиллерийское вооружение авианосцев состоит из артиллерии среднего и мелкого калибров. Артиллерия среднего калибра используется для отражения атак легких надводных кораблей, самолетов на больших дистанциях и подводных лодок. Мелкокалиберная артиллерия используется для отражения атак пикирующих самолетов-бомбардировщиков и самолетов-торпедоносцев на малых дистанциях.

В качестве среднего калибра обычно применяются одноорудийные и двухорудийные палубные установки с башенноподобными щитами калибром от 114 до 127 мм. При этом во всех без исключения иностранных флотах используются универсальные артиллерийские системы, которые благодаря большому углу возвышения (до 85°) и повышенной скорости наводки могут быть использованы для стрельбы как по морским, так и по воздушным целям. Число и размещение орудий главного калибра авианосцев определяются условиями обеспечения равномерной плотности артиллерийского огня во всех четырех секторах стрельбы. Как правило, главный калибр устанавливается на авианосцах несколькими группами на бортовых площадках или спонсонах. Чаще всего практикуется установка в четырех группах (две группы по бортам в носовой части корабля и две — также по бортам в кормовой). Число стволов колеблется от 8 до 16.

В качестве мелкокалиберной артиллерии устанавливаются многоствольные автоматы калибром от 20 до 50 мм. Размещение автоматов, аналогичное размещению главного калибра, должно удовлетворять требованию равномерной плотности артиллерийского огня во всех секторах стрельбы.

Мощность артиллерийского вооружения авианосцев в совокупности с радиолокационными средствами обнаружения самолетов обеспечивает высокую эффективность отражения воздушных атак. Чтобы иллюстрировать это положение, можно привести следующий пример, который хотя и относится к линейным кораблям, но благодаря аналогичному составу зенитного вооружения может быть распространен и на авианосцы. Один из американских линейных кораблей новой постройки, не имея авиационного прикрытия, средствами зенитной артиллерии отбил атаку японской авиации, сбив 28 из 84 атаковавших его самолетов-торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков. При этом плотность заградительного огня была такова, что только одному самолету удалось приблизиться к кораблю.

Иначе говоря, эффективность воздушной атаки на современный корабль большого водоизмещения достигается лишь при весьма массированных, повторных и длительных по времени налетах либо при особо благоприятной обстановке.

Тем не менее, успехи активных средств самообороны ни в коей мере не должны снижать внимание к средствам защиты, т. е. к мероприятиям, непосредственно обеспечивающим живучесть авианосца.

При этом необходимо сразу же подчеркнуть, что все элементы защиты в известной степени взаимно связаны и изолированное рассмотрение их, будучи формальным по существу, не может привести к правильным выводам.

Главнейшим фактором, определяющим живучесть авианосца, является совершенство его противоминной защиты. Выше уже отмечалось, что торпеда, независимо от того, выпущена ли она с подводной лодки, надводного корабля или сброшена с самолета, в истекшей войне была наиболее эффективным боевым средством против современных крупных боевых кораблей. Боевым опытом безусловно установлено, что одновременное попадание в корабль нескольких торпед является вполне реальным случаем, с которым необходимо считаться, оценивая живучесть того или иного корабля. Так, в японский авианосец «Ryukaku» почти одновременно попало десять торпед, а американский авианосец «Lexington» был одновременно поражен пятью торпедами. Одновременное попадание торпед может произойти как в один, так и в оба борта корабля.

Как правило, торпедная атака самолетов сопровождается налетом бомбардировочной авиации; при этом небронированный борт корабля и его палубы могут иметь весьма существенные повреждения от прямых попаданий или близких разрывов авиабомб.

Таким образом, понятие «боевой непотопляемости», присущее в полной мере артиллерийским кораблям, может быть распространено и на авианосцы.

Применение авиацией реактивных пушек, калибр которых достигает 150 мм, и методов так называемого топмачтового бомбометания еще более повышает вероятность потери небронированным бортом водонепроницаемости.

В силу всех перечисленных обстоятельств противоминная защита авианосцев должна обеспечивать непотопляемость корабля при одновременном попадании нескольких торпед в один борт и при разрушении небронированного борта в оконечностях и выше главного броневого пояса.

Вторым условием, которому должна удовлетворять противоминная защита, является минимальное значение крена после затопления бортовых отсеков. Другими словами, крен, возникающий после затопления отсеков противоминной защиты, во-первых, не должен представлять опасность с точки зрения боевой непотопляемости и, во-вторых, должен допускать возможность нормальной работы механизмов и использования вооружения для самообороны.

Вопрос о числе попаданий торпед, которое должен выдержать авианосец, является спорным, так как, разумеется, каких-либо обоснованных норм на этот счет существовать не может. Предельным, но в то же время не чрезмерным является требование, чтобы корабль выдерживал, не теряя остойчивости и пловучести, одновременное затопление всех отсеков противоминной защиты одного борта. При этом крен

корабля не должен превышать предела, обеспечивающего использование артиллерии и механизмов (10—12°), а конструкция и размеры противоминной защиты должны быть достаточными для локализации действия подводного взрыва вне пределов жизненных отсеков корабля.

Требование ограниченного крена может быть выполнено лишь в том случае, если корабль обладает достаточной величиной начальной метацентрической высоты. Таковой для авианосца водоизмещением около 25 000 т следует считать величину порядка 3,5 м. Действительно, сравнивая указанную цифру с метацентрической высотой германских тяжелых кораблей, обладавших хорошей непотопляемостью, нельзя признать ее большой.

Впрочем, необходимо подчеркнуть еще раз тот факт, что противоминная защита в современном ее понимании является достоянием лишь кораблей большого водоизмещения, имеющих ширину, достаточную для устройства бортовых отсеков на большом протяжении корпуса корабля. Уменьшение ширины бортовых отсеков до известных пределов возможно путем введения в конструкцию противоминной защиты продольных переборок из толстой вязкой броневой стали. При этих условиях достаточно эффективную противоминную защиту удается осуществить и на авианосцах водоизмещением 20 000—22 000 т.

Если вопрос о бортовой противоминной защите нашел конструктивное решение, то этого нельзя сказать о защите днища от неконтактных торпед. Достаточно эффективным средством против последних в настоящее время является только размагничивание корпуса корабля.

Сколько бы ни была совершенна противоминная защита, живучесть не может быть признана удовлетворительной, если расположение вооружения, механизмов и помещений авианосца и его архитектура не удовлетворяют требованиям боевой непотопляемости. Последние в применении к авианосцам не отличаются от таковых же для других классов кораблей, но их реализация имеет некоторые специфические особенности.

Разделение корпуса авианосца на водонепроницаемые отсеки не представляет бо́льших трудностей, чем, например, для тяжелого крейсера, но доведение водонепроницаемых переборок до главной броневой палубы без устройства хотя бы водонепроницаемых дверей является задачей более сложной, связанной с компановкой общего расположения авианосца. Авианосец не имеет верхней палубы, его полетная палуба поднята высоко над главной броневой и поэтому не может служить удобным средством сообщения между водонепроницаемыми отсеками. Для сообщения вдоль корабля остаются либо бортовые коридоры вдоль продольных переборок ангара либо палуба под нижней ангарной палубой. Оба решения с точки зрения боевой непотопляемости нельзя признать удачными. Первое — вследствие того, что при крене корабля и больших разрушениях в верхнем броневом поясе все сходы одного борта могут оказаться под водой, второе — вследствие того, что водонепроницаемые переборки будут иметь вырезы ниже нижней ангарной палубы. Однако при общепринятой архитектурной схеме авианосца иного решения этого вопроса нет, и с этой точки зрения боевая непотопляемость авианосца обеспечивается хуже, чем на кораблях других классов равного водоизмещения.

Другим важным элементом защиты авианосца является бронирование, которое предназначается для защиты корабля от непосредственных попаданий артиллерийских снарядов легких кораблей и авиабомб,

а также попаданий осколков их при близких разрывах. Система бронирования защищает все жизненные отсеки корабля (машинные отделения, посты, погреба и т. п.) от проникновения в них в целом виде или в осколках артиллерийских снарядов и авиабомб, а также защищает артиллерийские системы и посты управления вооружением и маневрами корабля. Не менее ответственной задачей, которой должна отвечать система бронирования авианосца, является сохранение кораблем плавучести и остойчивости после полученного повреждения. Таким образом, рассмотрение системы бронирования тесно сплетается с рассмотрением вопросов непотопляемости и противоминной защиты.

Наиболее трудным в выборе системы бронирования авианосца является вопрос о бронировании ангаров и полетной палубы, решаемый вследствие своей сложности весьма различно на разных кораблях.

Существует несколько систем бронирования авианосцев, основные из которых показаны на рис. 1.

Система бронирования, изображенная на схеме *а*, состоит из главного броневого пояса *1*, занимающего высоту от верхней кромки буля противоминной защиты до первой ангарной палубы *5*, которая одновременно является и главной броневой палубой *6*. Ангар защищается легкой противоосколочной броней, установленной не по наружной обшивке, а на внутренних продольных переборках *2* и *3*. Полетная палуба *4* на участке между продольными броневыми переборками также защищается легкой противоосколочной броней. В продольных броневых переборках в районе 1-го и 2-го ангаров имеются большие вырезы, служащие для сообщения между ангарами и продольными бортовыми коридорами.

Описанная схема, являясь простой по своим конструктивным элементам, характерна тем существенным недостатком, что наличие вырезов в продольных ангарных переборках не позволяет учитывать последние при рассмотрении боевой непотопляемости авианосца, так как при этом принимается, что все небронированные части наружной обшивки утрачивают водонепроницаемость вследствие разрушений от взрывов артиллерийских снарядов, авиабомб или многочисленных осколочных пробоин. В особенности надо иметь в виду последнее обстоятельство, так как опыт второй мировой войны показал, что число пробоин наружной обшивки при близком (до 200—300 м) разрыве в воде авиабомбы достигает весьма высокой цифры — до нескольких сотен. Наличие продольных бортовых коридоров еще более отрицательно сказывается на непотопляемости авианосца, защищенного по системе бронирования, показанной на схеме *а*, так как продольные коридоры соединяют все отсеки корабля на большом протяжении; вследствие этого пробоина в наружной обшивке надводного борта при крене и диференте может вызвать затопление всех отсеков одного борта, расположенных между траверзными переборками ангаров. Помимо этого, при затоплении коридора все выходы одного борта, как указывалось, оказываются под водою, что может привести к затоплению внутренних отсеков и гибели людей, находящихся в них. Следует заметить, что крен при затоплении бортовых отсеков противоминной защиты в результате одновременного попадания нескольких торпед может достигать весьма значительной величины, при которой кромка главного броневого пояса уйдет под воду.

В то же время внутреннее бронирование ангара имеет и свои преимущества (по сравнению с другими схемами) — меньший вес и боль-

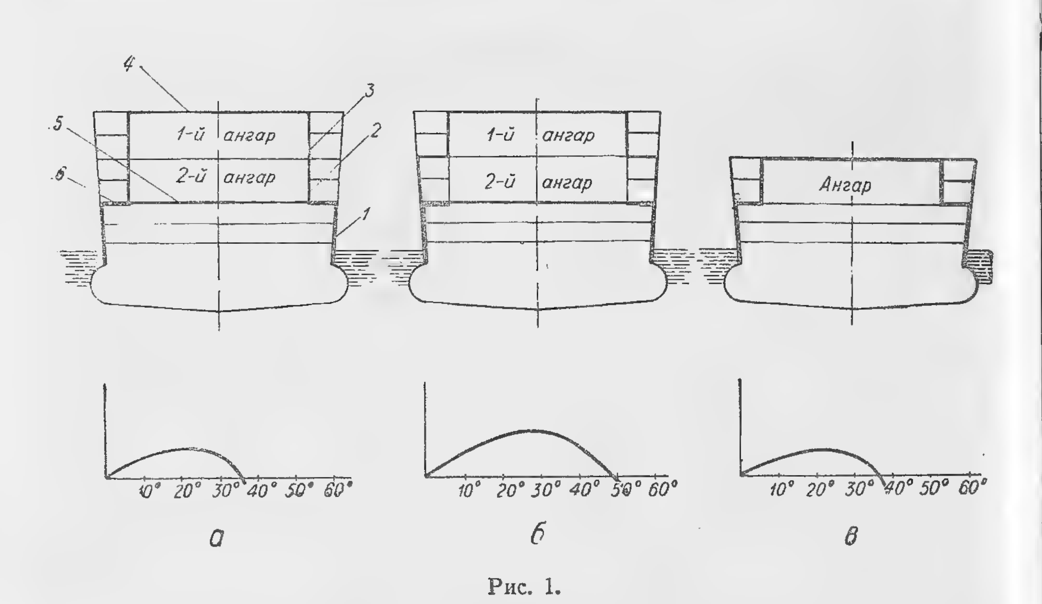


Рис. 1.

шую сопротивляемость брони продольных переборок, так как фугасные снаряды и бомбы с мгновенными взрывателями будут воздействовать на них лишь осколками. Осколки авиабомб, разрывающихся вблизи борта, будут частично задерживаться корпусными конструкциями и оборудованием бортовых отсеков, а поэтому их воздействие на броневые переборки будет ослабленным.

Схема *б*, изображенная на рис. 1, с точки зрения боевой непотопляемости имеет существенные преимущества по сравнению со схемой *а*. Здесь бронирование продольных стенок нижнего ангара представляет собою уширение главного броневого пояса, что существенно (на 5—6 м) увеличивает высоту бортового броневого пояса и, следовательно, увеличивает угол вхождения в воду его верхней кромки. Таким образом, вертикальная броня ангаров является как бы вторым броневым поясом, защищающим не только ангары, но и бортовые коридоры и сходы во внутренние помещения. Положительное влияние, которое оказывает переход от внутреннего бронирования ангаров (схема *а*) к наружному (схема *б*), может быть оценено сравнением диаграмм Рида, построенных для случая боевой остойчивости, т. е. в предположении, что весь небронированный борт авианосца вследствие разрушений утратил водонепроницаемость. Как это нетрудно видеть, площадь диаграммы Рида для системы, показанной на схеме *б*, примерно на 50% больше, чем на схеме *а*, а это означает, что авианосец, обладающий такой системой бронирования, сможет выдержать больший кренящий момент, вызываемый подводными повреждениями.

Система бронирования, показанная на схеме *в*, присуща одноангарным авианосцам и с точки зрения боевой непотопляемости одинакова со схемами *а* и *б*, в зависимости от того, где расположена ангарная броня — внутри корпуса или по борту. Преимуществом одноангарной схемы с точки зрения живучести корабля является более низкое расположение брони и в особенности брони полетной палубы, что положительно сказывается на поперечной остойчивости авианосца. С весо-

вой точки зрения одноангарная схема также более выгодна. Ее основным недостатком является сильно пониженная самолетовместимость. Однако в тех случаях, когда ангар и полетная палуба защищаются не противоосколочной броней, а более солидной, рассчитанной на прямые попадания артиллерийских снарядов и авиабомб, одноангарная схема является оптимальной, как дающая наименьший вес бронирования и наилучшее значение остойчивости.

В отношении живучести самолетного вооружения первые две разбираемые нами системы бронирования примерно однозначны и должны оцениваться главным образом по толщинам брони. Вследствие чрезвычайно большой площади стенок ангаров и полетной палубы защита их, как правило, ограничивается броней, способной противостоять пулеметно-пушечному огню самолетов и осколочным попаданиям. Только при одноангарной схеме авианосца создается возможность защитить самолетное вооружение броней, рассчитанной на прямые попадания артиллерийских снарядов средних калибров (до 152 мм) и авиабомб весом до 250 кг. Попытка осуществить подобное бронирование при двух ангарах вызвала бы необходимость в увеличении водоизмещения авианосца до 40 000 т и более.

Горизонтальная защита внутренних отсеков авианосца, расположенных под палубой нижнего ангара, имеет даже некоторые преимущества по сравнению с кораблями других классов благодаря броне полетной палубы и наличию хотя и небронированной, но достаточной толщины промежуточной ангарной палубы. Этим обстоятельством объясняется относительно высокая живучесть авианосцев, подвергшихся налетам бомбардировочной авиации. Главным результатом воздействия самолетов-бомбардировщиков в большинстве случаев является лишь нарушение нормального использования авиавооружения.

Анализируя вопросы броневой защиты авианосца, нельзя ограничиться рассмотрением только его поперечного сечения. Совершенно необходимо рассмотреть и распределение брони по длине корабля. Для того, чтобы исключить возможность опасных диферентов при повреждениях оконечностей, требуется, чтобы около 60% длины корпуса корабля были защищены броней. Это почти во всех случаях с лихвой перекрывает длину той части корпуса авианосца, на которой расположены машинные и котельные отделения, погреба боезапасов для самолетов и артиллерии, посты и т. п. Бензинохранилища, рассчитанные на хранение нескольких сот тонн горючего для самолетов, обычно размещаются в оконечностях, вне пределов цитадели, глубоко в трюме, и защищаются местным бронированием.

Вследствие удаленности погребов от мест установки артиллерийских систем (из-за большой высоты борта и разноса орудийных установок по бортам и оконечностям корабля) характерным для авианосцев является устройство кранцев первых выстрелов большой емкости, обеспечивающих по количеству хранимого в них боезапаса отражение хотя бы одной атаки самолетов.

Так как артиллерийские системы главного и мелкого калибра рассредоточены вдоль всего борта, то площадь борта, занимаемая кранцами, достигает весьма больших размеров. Пожар кранцев вследствие попаданий в боезапас снарядов или осколков представляет весьма большую опасность, если иметь в виду близкое соседство ангаров с хранящимися в них самолетами, с системой бензинораспределения и т. д. Пожар кранцев первых выстрелов даже в том случае, если он

не угрожает общей живучести корабля, непосредственно связан с более или менее длительным выходом из строя артиллерийской установки, которую эти кранцы предназначены обслуживать.

Таким образом, защита кранцев первых выстрелов с точки зрения общей живучести авианосца приобретает принципиальное значение и должна быть обеспечена местным бронированием посредством устройства выгородок из броневых плит. Выгородки, в которых размещаются кранцы первых выстрелов, естественно, должны быть оборудованы мощной системой орошения или противопожарными устройствами.

Решение вопросов живучести машинно-котельной установки авианосцев не имеет каких-либо существенных отличий от практики, установившейся для других классов тяжелых кораблей. Наибольшей живучестью обладают авианосцы с четырехвальными установками и эшелонным расположением механизмов.

Отличительной особенностью авианосцев является лишь конструкция дымоходов и шахт машинной и котельной вентиляции. Вследствие необходимости оставлять свободной верхнюю полетную палубу все дымоходы и вентиляционные шахты располагаются по одному борту и имеют весьма большую длину. Проходящие через ангары дымоходы представляют собою угрозу с точки зрения возникновения пожаров при пробивании их осколками или снарядами. Кроме того, отходящие газы, попав через пробоины в ангар, даже в том случае, если они не вызовут пожара, сильно затруднят все операции по обслуживанию самолетов, а то и сделают их невозможными. Уязвимость дымоходов и вентиляционных шахт заставляет бронировать их на всей высоте, т. е. от главной броневой до полетной палубы.

Рассмотрение вопросов живучести авианосца будет неполным, если мы хотя бы в кратких чертах не затронем вопросов борьбы с пожарами на авианосце, опасность которых для этого класса кораблей исключительно велика. О том, сколь серьезна для авианосца угроза пожара, свидетельствует пример гибели авианосца «Lexington», приведенный нами выше.

Угрозу с точки зрения пожаров, кроме горючих материалов, имеющихся в каждом отсеке корабля (личные вещи, бумаги, отделка кают, краска, деревянные конструкции и т. п.), представляют погреба боезапасов (авиационных и артиллерийских), кранцы первых выстрелов (о них уже сказано выше), бензинохранилища и, наконец, ангары с находящимися в них самолетами и системой бензинораспределения.

Меры борьбы с пожарами погребов для авианосцев остаются теми же, что и для других кораблей. Погреба располагают глубоко под броневой палубой и оборудуют системами охлаждения, орошения, затопления и выхлопами, через которые свободно могут выходить в атмосферу газы, образующиеся при горении взрывчатых веществ.

Бензинохранилища, так же как и погреба боезапаса, размещаются возможно ниже под ватерлинией и защищаются броней. Отсеки бензинохранилищ отделяются от смежных коффердамами и заполняются инертным газом. Подача бензина также в большинстве случаев производится с помощью инертного газа.

Противопожарные мероприятия в ангарах предусматривают мощную их вентиляцию, разделение ангаров на отсеки с помощью огнестойких штор и водоструйных занавесей и устройство системы тушения огня с применением инертного газа или водораспыливающих установок.

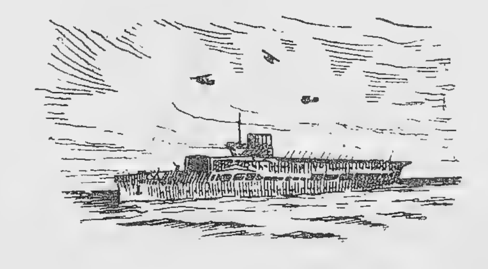
Подводя итог сказанному, можно притти к следующим заключениям:

1. Основными вопросами живучести авианосцев являются вопросы противоминной защиты и боевой непотопляемости, которые могут быть успешно разрешены лишь на авианосцах большого водоизмещения (более 20 000 т).

2. Имея мощное зенитное вооружение, истребительную авиацию, развитые средства наблюдения, противоминную защиту, а также бронирование корпуса, ангаров и полетной палубы, авианосец может устойчиво и успешно бороться с налетами авиации противника и с помощью своей бомбардировочной и торпедоносной авиации наносить мощные удары по противнику.

3. Авианосец даже большого водоизмещения не может конкурировать в живучести с тяжелым артиллерийским кораблем, уступая ему главным образом в надводной защите. Поэтому артиллерийский бой с надводными кораблями для авианосца может иметь лишь вынужденный характер и почти во всех случаях чреват гибельным исходом.

В заключение следует еще раз указать, что авианосцы, являясь одним из самых молодых классов кораблей, впервые в истекшую войну приняли участие в боевых действиях на море и тем не менее быстро завоевали себе одно из ведущих мест в составе передовых флотов. Живучесть авианосца, впервые подвергшаяся в процессе боевого опыта суровому испытанию, не скомпрометировала этот класс кораблей.



МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЕРМАНИИ ЗА ПРЕСТУПНУЮ ВОЙНУ

М. Я. РАПОПОРТ

Профессор Ленинградского Государственного Университета

ТРУДНО найти в прошлом войну, столь чудовищно преступную по исключительно вероломным методам ее развертывания, как вторая мировая война, развязанная фашистской Германией. Так же трудно найти хотя бы в самых отдаленных периодах человеческой истории государство, которое с такой чудовищной откровенностью, как Германия, провозгласило бы целью войны физическое истребление одних и порабощение всех других народов и с такою бесчеловечной жестокостью, в таких огромных размерах осуществляло бы на деле свой ужасный замысел.

Преступность вероломного развязывания войны является одним из исконных и общепризнанных принципов так называемого права войны. Этот принцип определенно был принят на протяжении XIX века, когда вопрос о правомерных методах начала войны не был еще предметом специальных международных конвенций, даже теми представителями международно-правовой теории, которые считали вообще необязательным для начала войны ее предварительное официальное объявление. Не составляли исключения в этом отношении и немецкие юристы, тоже признававшие вероломное развязывание войны преступлением.[1] Вторая Гаагская мирная конференция 1907 г. в специальной конвенции «Об открытии военных действий» подтвердила этот принцип, дополнив его требованием предварительного формального объявления войны как необходимого условия ее правомерного начала: военные действия «не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны или форму ультиматума с условным объявлением войны».

Как это документально подтвердилось на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге, вероломство являлось одним из решающих принципов всего гитлеровского плана агрессии, построенного на расчете захвата противника врасплох. В войне, развязанной Германией в 1939 г., вторжение в Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Югославию и захват территорий этих стран были подготовлены и проведены под прикрытием договоров о ненападении, официальных заявлений о дружбе и т. п. Особенно рельефно беспримерное в истории цивилизованных народов вероломство гитлеровской Германии проявилось в нападении на

---

[1] См. В. Э. Грабарь, Объявление войны в современном международном праве. «Вестник права», 1904, кн. IV, VI и X; там же дана характеристика литературы вопроса. См. также: I. Kunz, Kriegsrecht und Neutralitätsrecht, Wien, 1935, S. 39—40,

Советский Союз. Фигурирующий в качестве улики на Нюрнбергском процессе план агрессии против СССР — «план Барбаросса» — датирован 18 декабря 1940 г. и целиком базировался на вероломстве. Тайная расстановка вооруженных фашистских полчищ вдоль границ для вторжения в Советский Союз производилась гитлеровским военным командованием под прикрытием договора о ненападении от 23 августа 1939 г., подтвержденного договором от 28 сентября того же года.

Преступный характер войны фашистской Германии еще резче проявился в методах ведения войны. «Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них, — говорил товарищ Сталин в докладе 6 ноября 1942 г. — Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер. Они задались целью обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей. Но это не все. Они покрыли Европу виселицами и концентрационными лагерями. Они ввели подлую «систему заложников». Они расстреливают и вешают ни в чем неповинных граждан, взятых «под залог», из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или ограбить обывателей. Они превратили Европу в тюрьму народов. И это называется у них — «новый порядок в Европе». [1]

Ведение войны Германией имело столь бандитский характер, что оно никак не укладывается ни в какие границы законов и обычаев войны. Трудно сопоставить безудержный грабеж мирного населения, систематическое его истребление, массовое уничтожение военнопленных, зверские истязания больных и раненых, систему «лагерей смерти», «душегубок» и т. п. с такими элементарными требованиями законов войны, как «грабеж безусловно воспрещается», «честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность... должны быть уважаемы», с военнопленными «надлежит обращаться человеколюбиво», раненые «должны пользоваться, без различия национальности, покровительством и уходом со стороны воюющего, во власти коего они окажутся». [2]

При этом необходимо учесть, что речь идет не просто об эксцессах отдельных недисциплинированных элементов, а о планомерной реализации фашистской программы порабощения и истребления народов, детально изложенной в директивах фашистского руководства. В особенно широких масштабах массовое истребление намечалось относительно славянских народов. На совещании генералитета в Обер-Зальцбурге 22 августа 1939 г. Гитлер сообщил, что он намерен послать в Польшу отряды «Мертвая голова», которым будет дан приказ «убивать без жалости и милосердия всех мужчин, женщин и детей, принадлежащих к польской расе или разговаривающих на польском языке». Такой же характер носили и директивы в отношении СССР. В дирек-

---

[1] И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1944, стр. 71—72.

[2] См. ст. ст. 4, 46 и 47 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и ст. 1 Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. Законы и обычаи войны, Юриздат, 1942, стр. 7, 14, 22. См. также акад. И. П. Трайнин, Гитлеровский военный разбой и законы войны. Лекционное бюро при ВКВШ, 1943.

5*

тиве Геринга об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г. намечалось «полное прекращение снабжения всей северной зоны, включая важные промышленные центры — Москву и Санкт-Петербург... Население этих районов, особенно городское население, должно быть готово к тому, чтобы встретиться с самым настоящим голодом». В отношении юга СССР планировалось, что «многие десятки миллионов людей в этом районе умрут или должны будут выехать в Сибирь».[1] Эта программа «обезлюдения пространства» систематически проводилась на протяжении войны германскими вооруженными силами и активно поддерживалась германским народом. Фашизм широко использовал и развил до предела исторические черты немцев, отмеченные еще Марксом и Энгельсом вскоре после мартовской революции 1848 г. Клеймя позором роль немцев как «палачей свободы» в подавлении освободительных движений других народов, они указывали, что «не будь его (германского народа. — *М. Р.*) ослепления, его рабского духа, его пригодности и готовности играть роль ландскнехтов, «благодушных» палачей и послушных орудий господ «божьей милостью», — немецкое имя не было бы так ненавистно, проклинаемо и презираемо за границей».[2]

Указанные особенности войны гитлеровской Германии и определяют значение проблемы ее ответственности за совершённые злодеяния. Как сказано в сообщении о Берлинской Конференции Трех Держав, — немецкий народ «не может избежать ответственности за... его собственное безжалостное ведение войны и фанатическое сопротивление нацистов».[3] Однако значение этой проблемы неразрывно связано не только с важными задачами наказания виновников чудовищных преступлений и возмещения огромного ущерба, причиненного Германией миролюбивым народам, но также и с разрешением исторической задачи завершения разгрома фашизма, с задачей обеспечения прочного мира и международной безопасности. Именно в таком плане ставятся все эти вопросы в решениях Крымской и Берлинской конференций. «Германский милитаризм и нацизм, — говорится в решениях Берлинской конференции, — будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире».

Основную роль в разгроме фашизма играл, конечно, его военный разгром. Но военный разгром фашизма должен быть завершен его морально-политическим разгромом. Одним из истоков, питавших фашистскую агрессию, являлась уверенность в безнаказанности за преступления, совершённые в отношении других народов. Эта уверенность культивировалась еще в догитлеровской Германии юнкерски-буржуазным империализмом, но особенно настойчиво прививалась германскому народу на протяжении последних лет гитлеровской кликой. В этом плане обеспечение суровой и справедливой ответственности Германии за войну имеет решающее значение не только для того,

---

[1] Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге. «Правда» от 28 ноября и от 19 декабря 1945 г.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VI. ИМЭЛ, Госиздат, 1930, стр. 238.

[3] Сообщение о Берлинской Конференции Трех Держав, раздел III, о Германии, п. 3. «Правда» и «Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР» от 3 августа 1945 г.

чтобы «стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа», [1] но и для выкорчевывания фашистской заразы в других странах.

Это значение проблемы ответственности Германии и объясняет исключительное внимание, которое уделяет ей демократическая общественность всего мира, и, вместе с тем, то видное место, которое эта проблема заняла в международной политике демократических государств. С огромной силой волю демократии всего мира в этом вопросе выразил товарищ Сталин в цитированном выше выступлении 6 ноября 1942 г. «Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов». [2] В первой ноте товарища Молотова от 25 ноября 1941 г. о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных указывалось, что «Советское правительство... возлагает всю ответственность за эти бесчеловечные действия германских военных и гражданских властей на преступное гитлеровское правительство Германии». [3] Это заявление об ответственности выступает в более конкретизированном виде в ряде дальнейших официальных актов советского государства.

Ответственность гитлеровцев была категорически подчеркнута также в заявлении Рузвельта 21 августа 1942 г., в речи Черчилля в Палате общин 8 сентября 1942 г. и в ряде других официальных актов демократических государств.

В развернутом виде всесторонняя ответственность гитлеровцев была закреплена в специальной декларации, подписанной в Москве 30 октября 1943 г. от имени Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, и в решениях Крымской и Берлинской конференций. Все эти решения содержат исчерпывающие указания по основным вопросам, связанным с ответственностью Германии за преступную войну, и знаменуют собой ряд отвечающих интересам демократии принципиальных изменений в традиционной трактовке этих вопросов международного права.

АГРЕССИЯ — ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ВСЕГО МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Международно-правовой деликт (международное правонарушение) обычно определяется в международно-правовой теории как нарушение государством международных прав другого государства. Такое нарушение обосновывает ответственность государства-деликвента. Этот принцип является одним из краеугольных камней всей системы современного международного права, одной из основ его реальности. В отно-

---

[1] Конференция руководителей трех Союзных Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму, разд. II. «Правда» и «Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР» от 13 февраля 1945 г.

[2] И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1944, стр. 72.

[3] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I. Госполитиздат, 1944, стр. 167.

шении деликтов против права войны эта ответственность специально закреплена в ст. III Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны».[1]

Ответственность государства за деликты является также общепризнанной и в международно-правовой теории. Некоторые представители этой теории рассматривают ответственность государства за деликты даже как аксиому, как положение, непосредственно вытекающее из принципа равенства государств в международных отношениях.[2] Однако сама конструкция деликтной ответственности у ряда теоретиков международного права, особенно у немецких юристов, в значительной мере ограничивает реальное ее значение. Это определяется, прежде всего, трактовкой всякого деликта, в том числе и агрессии, только как деликта против того отдельного государства, права которого нарушены, а не против всего международного общения. «Международный правопорядок, — говорил, например, немецкий юрист Штрупп, — еще не знает идеи деликта против всего международного общения. Он признает право предъявлять требования на основе деликта только за тем государством, которому противоправным действием непосредственно причинен ущерб».[3]

Совершенно очевидно, что при такой трактовке деликта возможность реально использовать положение о деликтной ответственности в случае агрессии обеспечивается лишь сильному государству в отношении слабого и что ответственность за войну определяется не ее справедливостью или несправедливостью для той или другой стороны, а прежде всего правом победителя. «Только в том случае, — совершенно резонно пишет французский юрист Фошиль, — когда побежден в войне виновный агрессор..., требования справедливости найдут свое осуществление. Если же, наоборот, он побеждает, то надо ожидать, что, будучи хозяином положения, он не захочет взять на себя бремя возмещения причиненного ущерба... и побежденное государство, в силу договорного соглашения, которое оно вынуждено будет принять, обязано будет уплатить все те суммы, которые победитель сам должен был бы возместить».[4]

В действительности в общей системе международно-правовых деликтов ясно выступают две качественно-различные по их природе категории: деликты, нарушающие только права отдельных государств и обосновывающие лишь ответственность во взаимоотношениях между ними, и деликты, направленные по их реальному значению в современной системе международных отношений против всего международного общения государств и обосновывающие ответственность деликвента перед всем международным общением. Таковы агрессия и бандитская система ведения войны.

Необходимо отметить, что так именно ставился вопрос об агрессии идеологами буржуазии периода борьбы буржуазии за власть. Проводя резкое разграничение между оборонительными войнами и агрессией и

---

[1] Законы и обычаи войны. Юриздат, 1942, стр. 4.

[2] Eagleton, The responsibility of States in international Law. London, 1928, p. 7. См. также: Hall, A treatise on international Law. London, 1924, § 11; Hyde, International Law chiefly as interpreted and applied by the United States. Boston, 1922, § 266.

[3] Karl Strupp, Grundzüge des Völkerrechts, Bonn, 1932, S. 183.

[4] Fauchille, Traité de droit international public, t. II. Paris, 1921, p. 309.

выделяя из общей массы деликтов агрессию в качестве деликта против всего международного общения, они требовали коллективной борьбы против агрессии. Проект декларации, предложенный Национальному собранию Франции депутатом Вольней 18 мая 1790 г., гласил, что «всякая война, предпринятая в иных целях, чем защита справедливого права, является насильственным актом, который великому сообществу государств надлежит подавлять, потому что вторжение в одно государство со стороны другого угрожает свободе и безопасности всех».[1] Это положение нашло отражение также в международно-правовой теории того периода. Но со вступлением капитализма в империалистическую стадию развития международное право отказывается от разграничения справедливых и агрессивных войн и начинает рассматривать право государства вести любую войну как непосредственное следствие его суверенитета. В соответствии с этим международное право периода империализма отказывается от квалификации агрессии как деликта.

В международной практике конца первой мировой войны на основе ее опыта наметился некоторый перелом в этом вопросе. Статья 11 статута Лиги Наций объявляла, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из членов Лиги, интересует Лигу в целом» и что Лига «должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций».[2] Агрессия, следовательно, рассматривалась Лигой как преступление против всего международного общения. Однако в теории международного права эта тенденция все же не нашла должного отражения. Многие теоретики международного права продолжали оставаться на старых позициях трактовки международного деликта только как деликта, направленного против определенного государства.

Советская международно-правовая практика и теория, последовательно борясь против империалистической агрессии за мир и безопасность народов, всегда отстаивали принцип неделимости мира и определение в соответствии с этим агрессии как преступления против всего международного общения даже в том случае, когда она проводится против одного какого-либо государства. Этот принцип стал в ходе второй мировой войны общепризнанным знаменем борьбы демократических стран и народов. Именно он является сейчас ведущим принципом всей системы современного международного права. Этот принцип нашел свое выражение в официальных выступлениях политических руководителей демократических стран и лежит в основе всех соглашений между ними, в особенности в основе Устава Объединенных Наций, единодушно принятого представителями 50 государств на конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. и ратифицированного всеми членами этой международной организации.

Агрессия есть преступление против всего международного общения, борьба с агрессией является коллективным делом всех миролюбивых государств, — с этих позиций должны рассматриваться все вопросы, связанные с международно-правовой ответственностью Германии и гитлеровцев за преступную войну.

---

[1] Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1. Литиздат НКИД, 1925, стр. 1.

[2] Версальский мирный договор. Литиздат НКИД, 1925, стр. 10.

ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Вопросы возмещения материального ущерба, причиненного немецко-фашистскими разбойниками, занимают в общей проблеме деликтной ответственности гитлеровской Германии большое место. Современная международно-правовая практика и теория единодушно признают принцип материальной ответственности государства за ущерб, противозаконно причиненный другому государству. «Это принцип международного права, — указывается в одном из решений Постоянной палаты Международного суда 1927 г.,[1] — что нарушение обязательств влечет за собой обязанность возмещения в адэкватной форме».[2] Отметим, что обязательство возмещения ущерба формулируется чрезвычайно широко: «Репарация должна насколько возможно загладить все последствия незаконного акта и восстановить положение, которое вероятно существовало бы, если бы этот акт не был совершен».[3] Обязательство возмещения ущерба охватывает не только положительный ущерб, но и упущенную выгоду.[4] Так вопрос ставился и в соответствующих постановлениях мирных договоров, завершивших первую мировую войну.[5]

При этом, однако, традиционное международное право признавало субъектом международно-правовой материальной ответственности лишь государство, независимо от того, кем непосредственно причинен ущерб. Соответственно этому изыскание необходимых источников для возмещения ущерба рассматривалось как внутреннее дело самого государства. Эта позиция обычно теоретически обосновывалась общим принципом, что только государство как носитель суверенитета может выступать в международно-правовых отношениях и представлять в этой сфере отдельные лица и организации, включенные в его систему.

Такое обоснование не всегда правильно, так как в вопросах деликтной ответственности указанное исключительное право государства может быть юридически обосновано лишь в тех случаях, когда ущерб причинен отдельными лицами (действия частных лиц, отдельных органов, эксцессы на войне и т. д.), не выражающими общей линии всей данной государственной системы. В случаях же агрессии или бандитской системы ведения войны, когда основным виновником и организатором деликтных актов является само государство, совершенно очевидно, что ссылки на суверенитет государства-деликвента (для предоставления ему, в частности, права самостоятельного, с точки зрения его интересов, регулирования источников и методов возмещения ущерба) абсолютно ничем не могли бы быть оправданы.

Вопросы о возмещении Германией материального ущерба и в особенности о компетентных инстанциях для определения источников,

---

[1] Постоянная палата Международного суда была организована на основе ст. 14 Статута Лиги Наций в 1922 г. в Гааге.

[2] Решение по делу Chorzow 26 июля 1927 г. „Publications de la Cour Permanente de Justice", Serie A, № 9, p. 21.

[3] Там же, Serie A, № 17, p. 47.

[4] См., например, третейское решение между США и Россией от 29 ноября 1902 г. по делу о судах „Cape Horn Pigeon,", „Hamilton Lewis,", „C. H. White", „Kate and Ann": «Общий принцип гражданского права, согласно которому вред и убыток должны включать в себя удовлетворение не только за ущерб, который был причинен, но и за потерянную прибыль, в одинаковой мере применим и к международным спорам...» Цит. у Verdross, Völkerrecht. Berlin, 1937, S. 183.

[5] См., например, Версальский мирный договор ст. 231.

форм и методов этого возмещения выступили во всем значении уже после первой мировой войны. Сама постановка вопроса о правовом обосновании обязательства возмещения материального ущерба в системе мирных договоров, завершивших эту войну, знаменовала собой, несомненно, существенный шаг вперед. До этой войны традиционной формой регулирования материальных последствий войны между воюющими странами была форма контрибуций. Контрибуции устанавливались по так называемому «праву победителя», вне зависимости от виновности побежденного государства и от размеров причиненного ущерба. В системе же мирных договоров, заключенных державами-победительницами с государствами германского блока после первой мировой войны, в основу регулирования материальных последствий был положен новый принцип — принцип репарации, т. е. возмещения виновным государством причиненного им материального ущерба. Именно в этом основной смысл статьи 231 Версальского договора, закрепляющей внутреннюю связь между виновностью Германии в развязывании войны и обязательством возмещения ею всего причиненного ущерба.

Как известно, уже в первой мировой войне рельефно выявилась главенствующая роль Германии в нарушении общепризнанных начал права войны (неограниченная подводная война, газовая война и т. д.). Разрушения, произведенные германской армией на оккупированных территориях Франции и Бельгии, часто определялись не военной необходимостью, а стремлением ослабить противника как конкурента в мировой торговле после войны. В феврале 1916 г., когда германская армия штурмовала Верден и когда казалось, что война приближается к победоносному для Германии концу, германское командование разослало своим промышленникам «труд» в 482 страницы, в котором был дан «обзор последствий, какие будет иметь для Германии разрушение некоторых отраслей французской промышленности».[1] Как правильно выразился Тардье, — «Германия убивала не только для того, чтобы победить, но и для того, чтобы заработать».[2] Все эти обстоятельства с особой настойчивостью уже тогда выдвигали задачу максимального ограничения влияния германского государства на способы осуществления репараций.

Однако версальская система репараций в вопросе о правовой структуре возмещения материального ущерба по существу оставалась на традиционных позициях. При всех ограничениях суверенных прав Германии в этой области (контрольные комиссии союзных держав и т. п.),[3] версальская система фактически строилась на признании за Германией возможности определять источники, формы и методы возмещения ущерба. Это выразилось, прежде всего, в том, что основным источником репараций было принято не народное богатство Германии, а ее народный доход, т. е. та часть народного дохода, которая должна была в виде налогов поступать в казну германского государства.[4]

---

[1] А. Тардье, Мир. Госполитиздат, 1943, стр. 237.

[2] Там же, стр. 240.

[3] См. Версальский мирный договор, гл. II, прил. к ст. 50, ст. 233, прил. II.

[4] Только в виде отступления от этого основного принципа Версальский договор предусматривал непосредственную передачу союзным державам Германией из народного богатства в натуре ряда определенных имущественных ценностей: торговый и рыболовецкий флот, железнодорожные вагоны и паровозы, копи Саарского бассейна и пр.

При этом сумма репараций была определена явно заниженно. По исчислениям Тардье, причиненный ущерб, прямой и косвенный (потери на производстве, дефицит торговых операций и т. д.), вместе с военными расходами союзников составил около 1000 млрд. франков, т. е. приблизительно 300 млрд. руб. Между тем Версальский договор ограничил материальную ответственность Германии, в основном, только обязанностью возмещения ущерба, причиненного личности и имуществу граждан и имуществу государства и общественных организаций. Обязательство возмещения военных расходов союзных государств, составлявших $^{2}/_{3}$ общей суммы ущерба, таким образом отпало.

Лондонским ультиматумом союзников от 5 мая 1921 г. общая сумма германских репарационных платежей была определена в 132 млрд. золотых марок, т. е. приблизительно в 65 млрд. руб. Практически же уплата и этой суммы репараций оказалась чистой фикцией. Поскольку основным источником репараций был установлен государственный доход, очень скоро встал вопрос об укреплении платежеспособности Германии. В центре внимания репарационных конференций все время стоял вопрос о повышении дохода германского государства, о предоставлении Германии займов для восстановления ее народного хозяйства и о повышении ее экспортных возможностей, как необходимых условий реализации системы репараций.

В результате Германия уплатила в качестве репараций лишь часть полученных заграницей кредитов. По подсчетам репарационной комиссии, за период времени от перемирия до 1932 г. (когда репарации были официально отменены) Германия уплатила 20 770 млн. марок, получив за этот же период, главным образом после 1924 г., в виде заграничных кредитов свыше 26 000 млн. марок.[1] Установленная Версальским договором «полная» ответственность за ущерб оказалась, в особенности в период после 1924 г., своеобразной поощрительной премией за агрессию.

Такое построение Версальской системы репараций обусловило отчасти и провал плана разоружения Германии. Несмотря на то, что Версальский договор подробно регламентировал количество вооружения, которое германское правительство обязано было выдать победителям, и запрещал накопление Германией военных запасов на будущее время, практического результата достигнуто не было. Система контроля союзных держав над производством, предусмотренная Версальским договором, фактически оказалась несостоятельной. Вооружение Германии началось еще задолго до прихода фашизма к власти. Решающую роль при этом сыграло то, что Версальский договор сохранил и даже укрепил производственную базу Германии. Как известно, фашизм после прихода к власти оказался в состоянии только за 6 лет (1933—1938 гг.) мобилизовать на подготовку своей разбойничьей войны 90 млрд. марок.

Отрицательный опыт Версаля должен быть полностью учтен при разрешении проблемы репараций за ущерб, причиненный фашистской Германией во второй мировой войне. В современных условиях эта проблема приобретает еще бо́льшую сложность, чем в период версальских переговоров. Ущерб, причиненный фашистской агрессией, неизмеримо выше ущерба после первой мировой войны. Только от прямого уничтожения имущества государственных предприятий и учреждений, колхо-

---

[1] Е. Горфинкель. Германские репарации после первой мировой войны. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1945, № 6, стр. 47—51.

зов, общественных организаций и граждан СССР ущерб, причиненный Германией, по исчислениям Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков выражается в сумме 679 млрд. руб. В исчисленную сумму не включены военные расходы СССР и ущерб от нарушения хозяйственной жизни нашей страны. Таким образом сумма прямого ущерба, причиненного немецко-фашистской агрессией Советскому Союзу, в 6—7 раз превышает весь ущерб, причиненный в первую мировую войну странам, противостоявшим Германии в Версале.

Определяющее значение при построении системы репараций имеют, конечно, интересы восстановления хозяйства народов, подвергшихся преступной агрессии. Но, вместе с тем, не менее серьезное значение имеет и задача предупреждения возможности новой агрессии со стороны Германии. В версальской системе репараций эта задача была фактически отодвинута на задний план. В новой системе репараций, основные положения которой установлены Берлинской конференцией, возмещение ущерба увязано с задачами военного и экономического разоружения Германии, с лишением ее экономической базы для новой агрессии. «С целыми нациями, — указывал еще Маркс, — бывает то же самое, что и с отдельными людьми, этому учит нас вся история. Чтобы отнять у них возможность нападения, нужно лишить их всех средств обороны». [1]

Детальный план осуществления репараций, как это предусматривалось еще решениями Крымской Конференции, будет установлен специальной Межсоюзной Репарационной Комиссией, работающей в Москве. Однако общие основы, на которых строится система репараций, ясно выступают уже из постановлений Крымской и, в особенности, Берлинской Конференций.

1. Германия должна возместить весь ущерб, причиненный войной, независимо от того, причинен ли он германской армией или армиями ее бывших сателлитов, что определяется общепризнанным правовым положением о солидарной ответственности соучастников преступлений. [2]

2. В новой системе источники репараций, формы и методы их выполнения непосредственно определяются Объединенными Нациями. Решения Берлинской Конференции предусматривают контроль над германской экономикой, который осуществляется созданным союзниками Контрольным Советом в качестве органа верховной власти в Германии. Этот Совет должен обеспечить, в частности, и выполнение программы репараций с Германии.

3. Решения Крымской Конференции определяют обязанность Германии возместить ущерб «в натуре в максимально возможной мере». Это положение не исключает, конечно, и денежной формы возмещения, но возмещение в натуре имеет, несомненно, перед денежной формой ряд серьезных преимуществ, так как обеспечивает наиболее скорое

---

[1] К. Маркс, Избранные сочинения Госполитиздат, т. II, 1940, стр. 377.

[2] Принцип солидарной ответственности был принят и в мирных договорах после первой мировой войны. См., например, Версальский мирный договор, ч. VIII, прил. 1.

Солидарная ответственность Германии, установленная теперь, ни в коей мере не ослабляется тем, что Советский Союз, США и Соединенное Королевство отказались от применения этого принципа в соглашениях о перемирии с Румынией, Финляндией, Болгарией и Венгрией. В данном случае учитывалось, что эти государства не только порвали свои отношения с Германией, но и присоединились к Объединенным Нациям, объявив Германии войну.

и прямое решение задачи ликвидации опустошительных последствий германской агрессии.

4. При определении источников возмещения признано необходимым исходить из максимального привлечения всех ресурсов Германии, максимального использования материальных и трудовых средств германского народа. Немцы обязаны «компенсировать в возможно большей степени ущерб и страдания, которые она (Германия. — *М. Р.*) причинила Объединенным Нациям и за которые германский народ не может избежать ответственности». [1]

В отношении источников и способов возмещения необходимо прежде всего отметить полную обоснованность максимального использования имущества магнатов германского капитала. Возражения, обычно выдвигаемые в теории международного права против непосредственного использования частных ресурсов для возмещения ущерба, причиненного международно-правовым деликтом, заключаются в том, что частные лица и организации якобы никогда не могут нести ответственность за политические акты государства. Однако этот взгляд, сложившийся в международном праве в XIX веке, совершенно не соответствует политической роли крупного капитала в фашистской Германии. Первоочередное использование ресурсов крупного капитала обосновывается его руководящей ролью во всей политике фашистской Германии. Эта роль его была закреплена и организационно. По положению о германском имперском экономическом совете от 5 апреля 1933 г., в состав этого совета было введено 60 виднейших представителей германской промышленности и банков, чем обеспечивалось решающее участие капиталистов в экономической подготовке к грабительской войне.

Особенно рельефно роль магнатов германского капитала выступила в условиях войны после организационной перестройки германского хозяйства на основе указа Гитлера «Об охране военно-промышленного хозяйства» от 21 марта 1942 г. Согласно этому указу, все хозяйство Германии было объединено в областных экономических палатах, построенных территориально в соответствии с областным делением (Gau) нацистской партии. Руководитель палаты, крупный промышленник, являлся одновременно и уполномоченным гаулейтера по экономическим вопросам. Перестройка эта нашла свое завершение в созданном в начале мая 1942 г. совете вооружения, в который вошли крупнейшие руководители германского монополистического капитала. [2]

Вся крупная промышленность Германии на протяжении последних 10 лет служила целям войны. Капиталы ее владельцев росли за счет военных прибылей. Очевидно, что имущество владельцев этих промышленных предприятий, равно как и сами эти предприятия, должны быть в первую очередь использованы для возмещения причиненного ущерба. Как указывается в решениях Берлинской Конференции, «производственные мощности, ненужные для промышленности, которая будет разрешена, должны быть изъяты в соответствии с репарационным планом, рекомендованным Межсоюзной Репарационной Комиссией и

---

[1] Сообщение о Берлинской Конференции Трех Держав, раздел III, введение, и раздел IV.

[2] В состав совета вошли, например, такие общепризнанные руководители германского хозяйства, как Вильгельм Цанген, руководитель имперской группы промышленности, как Альберт Фиглер — «стальной король» Германии, Пауль Плейгер — генеральный директор концерна «Герман Геринг» и т. д.

утвержденным заинтересованными правительствами, либо уничтожены, если не будут изъяты». Широкое применение находит при этом перевод предприятий в натуре на территории разоренных агрессией стран, что вместе с тем способствует и радикальному разрешению задач уничтожения военного потенциала Германии и предупреждения возможности новой агрессии с ее стороны.

Другой способ возмещения ущерба — товарные поставки. Такой способ предусматривался и версальской системой, но не получил на практике широкого развития.

Серьезное значение в деле ликвидации последствий преступной агрессии имеет еще использование рабочей силы немцев для восстановления разрушенных германской армией городов, предприятий и других народнохозяйственных объектов. Совершенно правильно указывалось, что такое участие немецкого народа в восстановлении разрушенных районов имеет, помимо хозяйственного, также и серьезное морально-воспитательное значение. [1]

Необходимо отметить, что экономическая программа, определенная решениями Берлинской Конференции, строится на том принципе, что организация германского хозяйства должна дать возможность выплачивать репарации и вместе с тем оставлять германскому народу достаточно ресурсов для удовлетворения мирных потребностей населения без помощи извне.

Что касается вопроса о принципе распределения репараций между союзными демократическими государствами, то в советской печати были выдвинуты предложения о диференцированном подходе к отдельным странам и отдельным видам ущерба. В частности, указывалось, что репарационные платежи должны распределяться между отдельными странами не пропорционально абсолютным размерам ущерба, а соответственно значению этого ущерба в национальном хозяйстве данной страны. В первую очередь должны получить возмещение те страны, в которых понесенный ущерб составляет более значительную долю в их национальном богатстве. [2] Отмечалась еще необходимость учитывать при распределении репараций также и степень участия отдельных стран в борьбе с агрессором и его разгроме.

Диференцированный подход при распределении германских репараций отвечает интересам Советского Союза, которому фашистской агрессией причинен наибольший, по сравнению со всеми другими демократическими странами, материальный ущерб и который вместе с тем внес наибольший вклад в общее дело победы демократии над фашистским варварством.

Решениями Берлинской Конференции предусматривается, что репарационные претензии СССР будут удовлетворены путем изъятий из зоны Германии, оккупированной СССР, а репарационные претензии США, Соединенного Королевства и прочих стран, имеющих право на репарации (Югославии, Франции, Бельгии, Дании, Норвегии и других),— из оккупированных союзниками западных зон. Соответственным образом

---

[1] См., например, выступление президента Рузвельта на пресс-конференции 2 марта 1945 г. «Правда» от 4 марта 1945 г.

[2] Акад. Е. Варга, Возмещение ущерба гитлеровской Германией и ее сообщниками, «Война и рабочий класс», 1943, № 10, стр. 89.

должны быть распределены и германские вложения за границей.[1] В дополнение к репарациям, получаемым из своей зоны оккупации, СССР должен получить еще 25% промышленного капитального оборудования из западных зон, из них 15% в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии, угле, нефтяных продуктах и других видах материалов, согласно договоренности, а 10% — без оплаты. Передача Советскому Союзу капитального оборудования из западных зон должна быть закончена в течение двух лет, а поставка Советским Союзом продуктов и материалов в обмен на оборудование должна быть произведена в течение пяти лет.

СССР удовлетворяет из своей доли репарационные претензии Польши. На основании соглашения от 16 августа 1945 г. между Правительством СССР и Временным Правительством Национального Единства Польской республики советское правительство уступает Польше 15% всех репарационных поставок из советской зоны оккупации Германии и 30% промышленного капитального оборудования, которое Советский Союз получает из западных зон оккупации, из них 15% в обмен на товарные поставки из Польши и 15% — без оплаты.

Кроме репараций, международно-правовая практика знает также и реституцию, т. е. возврат в натуре захваченного противником имущества, составляющего собственность государства или граждан страны, требующей возмещения ущерба. Учитывая примененную Германией систему разнузданного грабежа, возврат захваченного ею имущества имеет исключительно большое значение. Обязательство реституции закрепляется во всех соглашениях о перемирии, заключенных Объединенными Нациями с государствами — бывшими сателлитами фашистской Германии.[2]

В отличие от репараций, правовым основанием которых является виновность государства, требование реституции покоится на праве собственности. Право собственника требовать возвращения принадлежащей ему вещи не затрагивается передачей вещи преступником третьему лицу и не зависит от «добросовестности» или «недобросовестности» нового владельца. Эта особенность права на реституцию нашла свое выражение в совместной декларации правительств Объединенных Наций от 5 января 1943 г., в которой эти правительства «делают формальное предупреждение всем тем, кому это ведать надлежит, и, в особенности, гражданам нейтральных стран», что они «полностью резервируют за собой право объявлять недействительными любую передачу или любую сделку в отношении собственности, прав и интересов любого характера, находящихся или находившихся на территориях оккупированных или подпавших под контроль, — прямой или косвенный, — правительств, с которыми они находятся в состоянии войны. Настоящее предупреждение, — уточняется далее в декларации, — сохраняет свою силу независимо от того, носила ли подобная передача или сделка

---

[1] Закон о вступлении во владение и распоряжение германскими активами за границей, принятый Союзным Контрольным Советом 31 октября 1945 г. «Правда» от 5 ноября 1945 г.

[2] См. соглашение о перемирии между СССР, США и Великобританией, с одной стороны, и Венгрией, с другой, от 20 января 1945 г., ст. 6, 9 и 13. Аналогичные пункты содержатся в соглашениях о перемирии с Румынией от 12 сентября 1944 г. (ст. 9, 12 и 13), с Финляндией от 19 сентября 1944 г. (ст. 12, 14, 18), с Болгарией от 28 октября 1944 г. (ст. 9—11).

форму открытого грабежа или разбоя или же была облечена в форму внешне законную, якобы даже основанную на добровольном характере такой сделки или передачи».[1]

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГИТЛЕРОВСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ ВОЙНЫ

Сложность проблемы уголовной международно-правовой ответственности преступников войны заключается в том, что субъектом международно-правового деликта и субъектом международно-правовой деликтной ответственности по традиционной трактовке этого вопроса в теории является только само государство. Как юридическое, а не физическое лицо, государство может за свои противоправные акты в отношении других государств нести только материальную и политическую ответственность, но уголовную ответственность оно, как таковое, не способно нести. «Вина в уголовном праве выражается в двух формах: в форме умысла и в форме неосторожности. Только физическое лицо способно действовать умышленно и неосторожно. Государство так действовать не может, как не может оно сидеть и на скамье подсудимых».[2]

Это обстоятельство не снимает, однако, вопроса об уголовной ответственности физических лиц, являющихся непосредственными виновниками преступных действий государства. В отношении этих лиц постановка вопроса об уголовной ответственности не только возможна, но абсолютно правомерна и необходима. В этом плане решения Берлинской Конференции Трех Держав специально устанавливают, что «военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду».[3]

Проблема уголовной ответственности за преступную войну — это проблема определения конкретных виновников чудовищных преступлений, связанных с фашистской агрессией, и точной квалификации вины каждой из групп соучастников этой агрессии.

Для того, чтобы правильно подойти к разрешению этого сложного комплекса вопросов, необходимо прежде всего учесть, что в конгломерате преступлений, связанных с агрессией гитлеровской Германии, явственно выступают два основных, различных по своему характеру вида преступлений, отношение к которым и определяет положение отдельных групп соучастников.

Первый, основной вид преступлений — это преступления международно-правового характера: агрессия и бандитская система войны, имеющие ведущее значение во всей сложной системе преступлений, связанных с войной немецко-фашистской Германии. Виновниками этих тягчайших преступлений, их организаторами и участниками являются, в первую очередь, фашистские верхи — руководящая гитлеровская клика и верховное командование немецкой армии.

---

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. Госполитиздат, 1944, стр. 294.

[2] Проф. А. Н. Трайнин, Уголовная ответственность гитлеровцев. Юриздат, 1944, стр. 73.

[3] Сообщение о Берлинской Конференции Трех Держав, раздел III А, п. 5.

К этой группе преступников относятся Гитлер, члены гитлеровского правительства и верховное командование немецко-фашистской армии. К ней принадлежат также по их роли в бандитской системе ведения войны наместники и всякого рода высшие уполномоченные немецкого правительства на оккупированных территориях, например преданные суду Международного военного трибунала в Нюрнберге Розенберг, Заукель, Франк, Нейрат.

С тягчайшими международно-правовыми преступлениями гитлеровской клики непосредственно связаны представители монополистического капитала в Германии. Они сыграли, как известно, важнейшую роль в приходе фашизма к власти и оказывали, как уже отмечалось, решающее влияние на всю ее государственную жизнь, в особенности на организацию экономической подготовки и на обеспечение захватнической войны. Материалы Нюрнбергского процесса ярко выявили роль таких, например, организаторов и пособников руководящей гитлеровской клики, как Шахт и Крупп.

С тягчайшими международно-правовыми преступлениями фашистских верхов непосредственно связан также в качестве их пособников фашистский партийно-государственный аппарат. Этот аппарат являлся основным рычагом политического и военного руководства в подготовке и организации агрессии и в осуществлении системы военного бандитизма. Поэтому решения Берлинской Конференции специально выделяют в качестве одной из основных целей оккупации Германии «уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду».

Каждая из этих групп международно-правовых преступников играла, конечно, различную роль. Различна, несомненно, и степень инициативы и активности отдельных членов каждой группы, их фактическая осведомленность о деталях преступных операций и т. д. Но это ни в какой мере не колеблет того положения, что все они являются соучастниками тягчайших преступлений. Для соучастия вовсе не требуется общее согласие на каждое из преступлений. «Для соучастия нужно, — указывал в своей речи на процессе право-троцкистского блока тов. А. Я. Вышинский, — общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел. Для соучастия нужно объединение воли в общем и едином для всех участников преступления направлении. Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из ее участников будут жечь дома, насиловать женщин, убивать и т. д. в одном месте, а другая часть шайки — в другом, то хотя бы и те и другие не знали о преступлениях, совершенных раздельно какой-либо частью общей шайки, — они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объеме, если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений».[1] Наличие в данном случае такого объединения воли в общем и едином для всех участников преступления направлении абсолютно очевидно. Захватническая война являлась одним из основных элементов официальной государственной идеологии, на которой сплачивалась гитлеровская Германия.

[1] Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», Юриздат, 1938, стр. 612.

Второй вид преступлений, связанных с разбойничьей войной гитлеровской Германии, — это преступления общеуголовного порядка. Сюда относятся прежде всего грабежи, убийства, подлоги, изнасилования, истязания и т. д., совершённые гитлеровскими офицерами и солдатами. Эти преступления известны любому уголовному кодексу. То обстоятельство, что они совершены лицами, принадлежащими к составу неприятельской армии, придает им, конечно, особую опасность и должно быть учтено при определении характера подсудности, меры наказания и пр., но не меняет квалификации этих преступлений, как общеуголовных. [1]

Такой же общеуголовный характер носят и преступления гражданских лиц, связанные с войной. Сюда относятся, например, подстрекательство к грабежу, бесчеловечная эксплоатация насильственно угнанных в немецко-фашистское рабство советских людей. В ноте В. М. Молотова от 11 мая 1943 г. специально указывается, что «Советское Правительство... возлагает полную ответственность и на частных лиц Германии, которые бесчеловечно эксплоатируют на своих предприятиях или в своем домашнем хозяйстве подневольный труд мирных советских граждан. Эти частные лица должны понести свою ответственность за причиненные ими советским людям бесчисленные лишения и страдания». [2]

Представители традиционной международно-правовой теории, особенно немецкие юристы, признавая уголовную ответственность преступников войны, одновременно утверждают, что эта ответственность может быть только ответственностью внутригосударственного, а не международно-правового порядка. По их мнению, физические лица как таковые, поскольку они не фигурируют в сфере международно-правовых отношений в качестве субъектов международных прав и обязанностей, вообще не могут нарушать нормы международного права. «Действия, совершенные не государствами, международному праву безразличны», — формулирует это общее для традиционной международно-правовой теории положение немецкий юрист Штрупп. [3] Соответственно этому преступник войны, если только речь шла не о военнопленном, подлежал уголовной ответственности перед своим собственным государством. Такая исключительная компетенция государства судить своих граждан рассматривалась обычно как одно из основных выражений его суверенитета.

Однако уголовная ответственность непосредственных виновников деликтных актов перед своим государством правильно обоснована лишь в тех случаях, когда эти действия не выражают линии всей государственной системы в целом, когда речь идет, скажем, о действиях частных лиц или организаций, отдельных органов подчиненного значения, или даже о действиях высших органов, но таких, которые носят случайный, единичный, неадэкватный данной государственной системе характер.

В том же случае, когда фактическим организатором и руководителем деликта является само государство, предоставление права суда

---

[1] См. Garner, International Law and the World War, vol. II. London, 1920, pp. 473—474.

[2] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. Госполитиздат, 1944, стр. 329.

[3] Karl Strupp, Grundzüge des positiven Völkerrechts. Bonn, 1932, S. 184.

над преступниками войны органам самого же преступного государства, предоставление этого права самим сообщникам, означало бы только гарантию безнаказанности преступлений. Совершенно очевидно, что при агрессии или бандитской системе ведения войны — этих тягчайших международно-правовых преступлениях против всего международного общения государств — осуществление уголовного преследования виновников преступлений должно быть делом самого международного общения и должно осуществляться в особом порядке. В этих случаях органами, осуществляющими ответственность, могут быть государственные суды другого государства, смешанные суды нескольких государств или международный суд в качестве судебного органа всего международного общения, — в зависимости от характера преступления в каждом конкретном случае, от того, направлено ли оно непосредственно против интересов одного государства или нескольких государств, и в зависимости от роли самого преступника в преступной банде. Но это не должны быть суды самого преступного государства. [1]

Возможность непосредственного распространения международно-правовых отношений и на физических лиц не находится в противоречии с исключительной правосубъектностью государства. Непосредственное подчинение отдельных физических лиц международному правопорядку имеет место на практике и закреплено в ряде соглашений между государствами. Так, международное право предусматривает непосредственное распространение международно-правовых последствий на частных лиц за попытку прорыва блокады со стороны нейтрального судна; в определенных случаях международное право может установить право граждан непосредственно обращаться в международный суд (как это намечалось в соглашении о создании международного призового суда в 1907 г.).

Непосредственное подчинение отдельных лиц международному правопорядку ни в какой мере не превращает их в субъекты международного права, не ставит их в этом смысле в один ранг с государствами на международной арене, ибо положение этих лиц покоится целиком и полностью на правосубъектности их государств и может быть их государствами изменено. «Нельзя оспаривать, — говорится в одном из заключений Постоянной палаты Международного суда, — что предметом самого международного соглашения, согласно воле заключающих договор сторон, может быть установление сторонами определенных положений, порождающих права и обязанности для отдельных лиц... Воля сторон — решает». [2]

Но непосредственное подчинение отдельных лиц международному праву может иметь место и без согласия их государства в тех случаях, когда суверенитет этого государства намеренно и обоснованно отвергается международным общением. Такое положение должно иметь место, когда государство-деликвент выступает в качестве агрессора. Своеобразие положения в этом случае заключается в том, что международное общение, отвергая с полным основанием суверенитет агрес-

---

[1] Отступление от этого принципа возможно лишь при условии переустройства власти в государстве, которым гарантируется безусловный отказ от прежней преступной деятельности и переход на сторону миролюбивых наций.

[2] Заключение от 3 марта 1928 г. по искам служащих Данцигской железной дороги. „Publications de la Cour Permanente de Justice Internationale", Série B, № 15, p. 17.

сора, самостоятельно решает вопросы о наказании преступников. Совершенно очевидно, что преступник войны не превращается тем самым в субъект международного права.

Эти вопросы со всей остротой выступали уже в связи с ответственностью германских преступников войны после первой мировой войны. Союзные державы, предъявляя Вильгельму II «публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров», одновременно предусматривали, что будет образован специальный суд, чтобы судить обвиняемого. Суд должен был состоять из пяти судей, назначенных США, Соединенным Королевством, Францией, Италией и Японией. В отношении других германских преступников войны Версальский договор устанавливал право союзных держав привлечь их к ответственности перед своими военными судами.[1] На основании этого положения союзные державы предъявили Германии список, содержавший 890 лиц, подлежавших выдаче для суда, в том числе бывшего рейхсканцлера Бетман-Гольвега, кронпринца Рупрехта, ряда представителей высшего командования: генералов Гинденбурга, Людендорфа, Макензена, 12 адмиралов высшего ранга, включая фон-Тирпица, фон-Капелле, фон-Шредера и др.

Однако все эти решения мирных договоров об уголовной ответственности преступников войны остались нереализованными. Суд над Вильгельмом II, скрывшимся в Голландию, не состоялся из-за отказа выдать его союзным державам со стороны голландского правительства, а суд над остальными преступниками войны — из-за отказа выдать их со стороны германского правительства.

Одновременно германское правительство, в качестве демонстрации своей «лойяльности», издало 19 декабря 1919 г. закон, устанавливавший порядок ответственности за преступления, связанные с войной. Закон предусматривал рассмотрение этих дел в имперском суде в Лейпциге, причем представителям заинтересованных союзных держав предоставлялось право участия в процессах в качестве наблюдателей. Это привело по существу к тому, что вопрос об ответственности германских преступников войны был фактически снят. После длительной оттяжки германское правительство организовало, наконец, в середине 1921 г. в Лейпциге суд над несколькими, произвольно выбранными из списка (сведенного к этому времени до 45 чел.), в основной своей части малозначительными фигурами, из которых некоторые были приговорены к легким наказаниям, явно не соответствовавшим тяжести совершенных ими преступлений.[2] Даже германская печать писала о процессе, как «о маленькой театралной комедии, которую немцы вынуждены разыграть в угоду победителям» («Kölnische Zeitung» от 26 мая 1921 г.). Ближе к истине была характеристика этого процесса, данная Клемансо: «Одни немецкие бандиты судили других».

В современной войне преступная роль германского государства выступает с такой очевидностью, что вопрос об организации суда над гитлеровскими преступниками с самого начала мог быть поставлен только в плане ответственности перед судами демократических государств или перед созданным ими специальным международным судом.

---

[1] Версальский мирный договор, ст. 227 и 228. Аналогичные положения были установлены и в мирных договорах, заключенных союзными державами с другими государствами германского блока.

[2] См. проф. Н. Полянский, Исторические прецеденты привлечения к ответственности преступников войны. «Исторический журнал», 1943, № 1, стр. 68.

В этом смысле высказывались в свое время в ряде выступлений руководители демократических стран.[1] Этот же принцип был выражен в Московской Декларации СССР, США и Соединенного Королевства от 2 ноября 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства. «В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, — указывается в Декларации, — те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».[2]

Декларация кладет в основу общепризнанный в уголовном процессуальном праве принцип территориальной подсудности, т. е. подсудности по месту совершения преступления. Это положение Декларации является, вместе с тем, выражением принципа подсудности преступников судам государств, чьи граждане или чьи интересы пострадали от преступлений войны. Особое значение в этом отношении имеет подсудность по преступлениям, совершенным гитлеровцами в отношении граждан или интересов Объединенных Наций на территории самой Германии, — убийства и истязания пленных и бесчеловечная эксплоатация насильственно угнанных в рабство мирных граждан и т. д. По правильно понятому смыслу цитированной выше Московской Декларации, и такие преступления подсудны судам государств, в отношении граждан и интересов которых эти преступления совершены.

В советском законодательстве, по указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., дела о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирными советскими гражданами и пленными, подсудны военным судам.

Декларация от 2 ноября 1943 г. предусматривала особый порядок ответственности для членов руководящей гитлеровской клики, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств союзников». Соглашением между СССР, США, Англией и Францией от 8 августа 1945 г. учрежден «Международный Военный Трибунал для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран оси». В состав трибунала входят четыре члена суда и четыре заместителя, назначаемые соответственно государствами — участниками соглашения. Рассмотрение дел производится трибуналом на основе правовых норм, определенных его уставом. Суду Международного трибунала подлежат следующие три основные группы международных преступлений: преступления против мира (планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны), преступления против законов и обычаев ведения войны (убийство мирных жителей и военнопленных, бессмысленное разрушение городов и деревень, не оправданное военной необходимостью и др.) и преступления против человечности (злодеяния по политическим, национальным и расовым мотивам). Для вынесения трибуналом приговора требуется квалифицирован-

---

[1] См., например, заявления президента США Рузвельта 21 августа и 7 октября 1942 г. «Правда» от 24 августа и 10 октября 1942 г.

[2] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. Госполитиздат, 1944, стр. 363.

ное большинство — не менее трех его членов. При трибунале образован следственный орган — комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников. 20 ноября 1945 г. в гор. Нюрнберге начался процесс главных немецких преступников, преданных суду Международного военного трибунала. В качестве обвиняемых к суду привлечены 24 крупнейших деятеля гитлеровского правительства, германской фашистской армии и органов экономической подготовки фашистской агрессии.

В плане выяснения вопросов, связанных с уголовной ответственностью гитлеровских преступников войны, необходимо еще остановиться на двух специальных вопросах. Первый вопрос — это вопрос об ответственности военнопленных. Имеет ли государство право судить военнопленного за преступление, совершенное им на войне против граждан и интересов этого государства до взятия его в плен, поскольку он является военнопленным?

И практика, и теория международного права единодушно разрешают этот вопрос положительно. Положение военнопленного ни в какой мере не освобождает его от ответственности за совершенные им до взятия его в плен преступления. Уже инструкция для командования действующей армий Соединенных Штатов 1863 г., составленная профессором Либером, наиболее полно отразившая прогрессивные начала права войны своей эпохи, со всей определенностью устанавливала, что «военнопленный остается ответственным за преступление против армии или мирного населения воюющей стороны, взявшей его в плен, которое было совершено им до взятия его в плен и за которое он не был наказан органами его собственного государства» (ст. 59). Точно так же положение о праве сухопутной войны, разработанное на Оксфордской сессии Института международного права [1] в 1880 г. и отражавшее общепризнанные начала практики и теории вопроса своего времени, устанавливало, что в случае нарушения законов ведения войны «совершивший нарушение участник военных действий должен быть наказан, после судебного рассмотрения, той из воюющих стран, в руках которой он окажется» (ст. 84). [2] Это же положение содержится и в более поздних военных уставах отдельных государств, [3] в том числе и в руководстве о сухопутной войне, изданном германским генеральным штабом в 1902 г. (ст. 11).

Второй вопрос — это вопрос об ответственности за преступление на войне, совершенное по приказу командования. Обращаясь к национальному законодательству отдельных государств по этому вопросу, необходимо отметить, что по законам, установленным до первой мировой войны в ряде стран, лица, совершившие такие преступления, освобождались от ответственности. Так, правила сухопутной войны США 1914 г. устанавливали, что «лица, принадлежащие к составу вооруженных сил, не могут быть наказаны за преступление в случае, если оно совершено по приказу или с санкции их правительства или командира» (ст. 366). [4] Аналогичное положение содержало и британское

---

[1] Институт международного права (организован в 1873 г. в Генте) — международная научная ассоциация виднейших представителей теории и практики международного права.

[2] „Annuaire de l'Institut" 1881—1882, p. 174.

[3] См., например, Устав сухопутной войны США, 1914 г., ст. 181, а также британское руководство по военному праву 1914 г., §§ 441—451.

[4] См. Garner, International Law and the World War, vol. II. London p. 486.

руководство по военному праву 1914 г. (§ 443),[1] причем в обоих случаях специально оговаривалась ответственность за эти действия командиров, отдавших приказ.

Однако после первой мировой войны и под влиянием ее опыта практика и теория резко отошли от этих позиций. Суды выносили приговоры и за преступления, совершенные по приказу.[2] «Является аксиомой, по крайней мере для английского и американского права, — говорит Гарнер, автор одной из авторитетнейших монографий по вопросам международного права в период мировой войны, — что ссылка на приказ не может служить защитой при незаконном акте».[3]

В такой же плоскости вопрос об ответственности за преступления, совершенные по приказу, решался в это время и большинством французских юристов. «Почти все французские юристы, занимавшиеся этим вопросом, — резюмирует Гарнер, — придерживаются того мнения, что каждое лицо, которое в какой-либо мере участвует в совершении преступного деяния во время войны — рядовой солдат, совершающий его, офицер, передающий приказ, высшее командование, от которого он исходит, и даже глава государства, которое в конечном счете ответственно, — могут быть судимы и наказаны, если они будут найдены виновными».[4] При этом правильно отмечалось, что безусловная безответственность военнослужащего за деяния, совершенные во исполнение приказа начальника, «широко открывает двери для безответственности за преступления, связанные с войной, так как, если политика варварства санкционируется высшим командованием, то трудно себе представить, как может быть наказано какое-либо лицо, проводящее эту политику в жизнь».[5]

Ответственность за преступления, совершенные по приказу, нашла яркое выражение в Вашингтонском договоре пяти держав 6 февраля 1922 г. о защите на море во время войны жизни нейтральных и невоюющих, в котором специально подчеркивалась ответственность каждого лица, нарушающего установленные этим договором правила, как за акт пиратства, «независимо от того, находится ли оно в подчинении у правительственного должностного лица или нет» (ст. III).[6]

Ссылка на приказ особенно недопустима тогда, когда преступный характер приказа выражает систематически проводимую линию командования, планомерно осуществляющего систему военного бандитизма. Бандит, сжигающий по приказу гитлеровского командования живых людей в печах Майданека, не может ссылаться в свое оправдание на приказ.

Преступность гитлеровской системы ведения войны настолько очевидна, что выполнять приказы гитлеровской клики могли только соучастники этих чудовищных преступлений. Поэтому все гитлеровские преступники войны, как издававшие приказы, так и исполнявшие их, должны нести суровую уголовную ответственность — каждый соответственно своей роли в преступной банде. Это положение установ-

---

1 Garner, цит. труд, стр. 485.

2 См. Merignhac, De la sanction des infractions du droit des gens. „Révue générale du droit international public". Paris, 1917, p. 53.

3 Garner, цит. труд., стр. 485.

4 Там же, стр. 487.

5 Lawrence, The principles of international Law. London, 1929, pp. 546—547.

6 Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921—1922 гг. Литиздат НКИД, 1924, стр. 67.

лено в предупреждении правительств Советского Союза, США и Великобритании всем германским комендантам, охране и служащим гестапо от 23 апреля 1945 г. об ответственности за безопасность и благополучие всех союзных военнопленных, находящихся в их ведении.[1] Оно содержится и в уставе Международного военного трибунала (ст. 8).

ВЫДАЧА ПРЕСТУПНИКОВ ВОЙНЫ

С проблемой наказания гитлеровских преступников войны тесно связан в международном праве вопрос о выдаче преступников. Как известно, некоторые гитлеровские бандиты, чтобы избежать ответственности, скрылись в гостеприимных «нейтральных» странах. Обязаны ли эти страны выдать преступников демократическим государствам для суда над ними?

Международно-правовая практика и теория признают выдачу уголовных преступников. Но характерной особенностью этого института в международном праве до самого последнего времени являлась доминирующая роль права того государства, к которому направлено обращение о выдаче, в разрешении всех связанных с выдачей вопросов. За ним признавалось право самостоятельной проверки фактической обоснованности обвинения, проверки материалов, доказательств и т. д. Особенно широкое право усмотрения принадлежало государству при постановке вопроса о выдаче собственных граждан, совершивших преступления на территории другого государства.

Кроме того, серьезное значение имело и так называемое начало спецификации: государство, добившееся выдачи, имело право судить преступника только за преступление, по которому он был выдан. Возбуждение против преступника нового дела по вновь открывшемуся преступлению требовало дополнительного согласования с государством, выдавшим преступника.

Нетрудно видеть, что при таком построении института выдачи возможность наказания преступника ставилась почти в полную зависимость от усмотрения государства, на территории которого преступник находился. Все значение этого положения особенно сказалось при реализации уголовной ответственности германских преступников войны после первой мировой войны. На ноту, обращенную 16 января 1920 г. союзниками голландскому правительству с требованием о выдаче Вильгельма II, это правительство, «отвергая самым решительным образом подозрение в желании прикрыть своим суверенитетом и моральным авторитетом нарушение основных принципов солидарности наций», вместе с тем отметило, что правительство не может «признавать никакие другие обязанности, кроме тех, которые возлагаются на него правом его государства и национальными традициями». Одной из таких традиций Голландии, — указывало правительство, — является «предоставление убежища побежденным в международной борьбе».[2] Повторное обращение союзных держав также не дало никаких результатов.

Точно так же не было реализовано право суда союзников над остальными преступниками войны. Германия противопоставила требованию союзников о выдаче этих преступников ссылку на германское право, не допускающее выдачу собственных граждан. В этом вопросе

---

[1] «Правда» от 25 апреля 1945 г.

[2] См. Garner, цит. труд, стр. 423.

сопротивление Германии союзникам оказалось наиболее сильным и упорным.

Безоговорочное признание определяющего влияния в вопросах выдачи национального права государства, к которому делается обращение о выдаче, сохранялось и в международных актах после первой мировой войны. Так, в разработанном Лигой Наций проекте конвенции по борьбе с терроризмом устанавливалось, что «выдача должна допускаться только согласно законам страны, к которой сделано обращение о выдаче».

Внешняя политика советского государства всегда базировалась, как известно, на признании самостоятельности каждого государства в решении вопросов, относящихся к его внутренней компетенции. Это положение должно сохранять свою силу и в разрешении вопросов выдачи преступников тогда, когда речь идет о преступлениях, направленных против интересов отдельных государств, например при решении вопроса о выдаче обычного уголовного преступника. Но в отношении преступлений, которые направлены против всего международного общения, в отношении преступников, виновных в агрессии или бандитской системе ведения войны, вопрос о выдаче стоит принципиально иначе. В этих случаях условия и порядок выдачи не могут определяться национальным законом государства, к которому направлено обращение о выдаче, а должны самостоятельно устанавливаться самим международным общением.

Такая перестройка института выдачи ясно выступает также в соответствующих официальных актах правительств основных демократических стран в последнее время. 29 июля 1943 г. советское правительство направило к турецкому и шведскому правительствам ноту следующего содержания: «В связи с событиями в Италии и возможностью того, что Муссолини, видные фашисты и другие преступники войны могут попытаться укрыться на нейтральной территории, чтобы избежать ожидающей их ответственности за совершенные преступления, Правительство Союза ССР обращается к нейтральным странам с призывом не предоставлять убежища никому из упомянутых выше лиц. Советское правительство считает необходимым также заявить, что оно будет рассматривать предоставление убежища, помощь или содействие таким лицам, как нарушение принципов, за которые борются Объединенные Нации и которые они решили осуществить всеми средствами, имеющимися в их распоряжении».[1] Нота аналогичного содержания была также послана нейтральным странам британским правительством. Такую же позицию в вопросе о выдаче преступников войны заняло и правительство США.

Эти ноты знаменуют собою принципиальные изменения в правовой структуре института выдачи преступников. Они имеют существенное значение в обеспечении полной реальности наказания гитлеровских преступников войны и являются серьезной гарантией того, что «три Союзных Державы, — как это указывалось в Московской Декларации об ответственности гитлеровских преступников войны от 2 ноября 1943 г., — наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы могло свершиться правосудие».

---

[1] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, Госполитиздат, 1944, стр. 348.

АДМИРАЛ Ф. Ф. УШАКОВ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ в 1798—1800 гг.

Е. В. ТАРЛЕ

Академик

Если бы позволительно было к слову «герой» применить эпитет «типичный», то хотелось бы сказать о Федоре Федоровиче Ушакове: типичный русский морской герой. Как схожи некоторые характерные его черты с чертами, например, Спиридова, Сенявина, Нахимова, Макарова! Но Ушакова не только не оценил царь, «всемилостивейше» выживший его из флота; его не оценили и современники и ближайшее потомство. Русскому флоту нужно было дождаться сталинских времен, чтобы увидеть орден Ушакова на груди особенно отличившихся командиров наших морских сил.

Если заслуги Ушакова как флотоводца все же отмечались в скудной научной и популярной литературе о нем, то его дипломатической роли, крайне важной для интересов России, уделялось совершенно недостаточно внимания.

Эта сторона деятельности знаменитого адмирала больше всего сказалась во время его средиземноморской экспедиции 1798—1800 гг., о которой мне и хотелось бы напомнить.

Основным материалом для этой работы явились документы Центрального государственного архива Военно-Морского флота в Ленинграде. Часть документов была ранее напечатана в виде приложения к вышедшей в 1856 г. книге Р. Скаловского «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова» под наименованием «Оффициальная корреспонденция адмирала Ушакова». Из иностранных документальных публикаций я пользовался служебной и личной перепиской Нельсона («The Dispatches and Letters of Vice - Admiral Lord Viscount Nelson») и другими изданиями, на которые имеются ссылки в тексте.

Кроме всех этих источников, есть одно произведение мемуарной литературы первостепенного значения, которым я пользовался. Это — «Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы». Еще старинный библиограф и любитель биографических изысканий Д. Бантыш-Каменский утверждал в 1836 г., что Ушаков «оставил после себя любопытные записки, которые принадлежат ныне г. Метаксе».[1] Записки самого Ушакова до сих пор нигде не обнаружены, и поэтому книга Метаксы является источником особенно ценным. «Записки» Метаксы впервые

[1] Д. Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей русской земли, часть пятая. Москва, 1836, стр. 197—198.

были изданы в полном виде В. Ильинским в 1915 г. и прошли как-то почти незамеченными. Между тем, по своему значению для истории экспедиции Ушакова книга Метаксы совершенно бесценна и решительно незаменима. Она чуть ли не изо дня в день фиксирует события, очевидцем и деятельным участником которых был этот молодой грек, поступивший на службу в русский флот еще в 1785 г. и пользовавшийся полным доверием Ушакова.

1

Вторая половина XVIII века была временем, когда военному вождю сплошь и рядом приходилось обращаться в дипломата и принимать на месте, не дожидаясь указаний из Петербурга, крайне ответственные решения. Петербургская «обратная почта» приносила ответы коллегии иностранных дел на запросы иногда через месяц, иногда через полтора после отправления этих запросов с берегов Черного моря или Дуная, а иногда и через три месяца, если запрос отправлялся, например, с Ионических островов. Поневоле приходилось действовать самостоятельно. Румянцев и особенно Кутузов обнаружили замечательные дипломатические способности. Первый навсегда связал свое имя не только с Ларгой и Кагулом, но и с Кучук-Кайнарджийским миром, а второй прославился не только Бородинским боем, но и Бухарестским трактатом, по которому, к полному изумлению всей Европы, Россия получила Бессарабию.

Ушаков в этом отношении должен быть причислен к военным вождям типа Румянцева и Кутузова. Его проницательность, тонкость ума, понимание окружающих, искусно скрытая, но несомненная недоверчивость не только к врагам, но и к «союзникам», и даже главным образом к союзникам, — все это позволило ему совершенно, по существу, самостоятельно вести русскую политику и делать одновременно с Суворовым большое русское дело на Средиземном море в течение двух тревожных и критических лет европейской политики. Многие дипломатические трудности, с которыми сталкивались Суворов и Ушаков, происходили от аналогичных причин. Замечу, кстати, что Суворов всегда необыкновенно высоко ставил Ушакова.

Суворов терпеть не мог увертливых карьеристов-немцев, любивших на всякий случай прибавлять чуть ли не к каждому своему высказыванию, что они не знают «наверное» (nicht bestimmt). Великий полководец ценил твердость и точность, а эти качества были особенно присущи Ушакову. Вот что читаем в «Словаре» Бантыш-Каменского:

«Суворов, не любивший рассыпать похвалы там, где не следовало, особенно уважал Федора Федоровича и любил отдавать справедливость его заслугам. В бытность сего полководца... в Италии, приехал к нему однажды курьер с депешами от Ушакова, начальствовавшего в то время соединенным русско-турецким флотом в Средиземном море. Прочитав некоторые бумаги, Суворов вдруг оборотился к привезшему их и спросил: «А что, здоров ли мой друг Федор Федорович?» — Посланный, родом немец... отвечал поспешно: «А, господин адмирал фон-Ушаков!»... «Убирайся ты с твоим ф о н! Этот титул ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому, что они нихтбештимтзагеры, немогузнайки, а человека, которого я уважаю, который своими победами сделался грозою для турков, потряс Константинополь и Дарда-

неллы, и который, наконец, начал теперь великое дело освобождения Италии, отняв у французов крепость Корфу, еще никогда неуступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто Федор Федорович». [1]

Ушаков проявил себя как умнейший, тонкий и осторожный дипломат и вместе с тем как человек широкого государственного кругозора, едва только сложились благоприятные для того условия.

Случилось это уже к концу блестящей жизненной деятельности Ушакова, когда по повелению Павла он должен был с эскадрой итти в Константинополь, соединиться там с турецкой эскадрой и отправиться вместе с турками воевать против французов к Ионическим островам, а затем к берегам Италии, чтобы поддержать Суворова в очищении Италии от войск французской Директории.

Обстановка в Европе создалась крайне сложная. Генерал Бонапарт, отправившись в 1798 г. из Тулона на завоевание Египта, по дороге захватил Мальту, затем, благополучно сбив с толку гонявшегося за ним по Средиземному морю Нельсона, высадил большую армию в Александрии и победоносно пошел вперед, к Каиру, сокрушая сопротивление на суше. Но опоздавший Нельсон напал на доставивший Бонапарта и его армию французский флот и одержал большую морскую победу при Абукире 21 июля (1 августа) 1798 г.

Вторжение французов в Египет затрагивало не только английские интересы, но и (хотя, конечно, в меньшей степени) русские. Укрепление французов в восточной части Средиземного моря грозило полным превращением Турции во французского вассала, появлением французского флота в Черном и Азовском морях, т. е. уничтожением всего того, что было достигнуто Россией в результате Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. и Ясского мира 1791 г. Египетская экспедиция с этой точки зрения являлась прямым продолжением и как бы дополнением предшествующих событий: захвата Бонапартом в 1797 г. Венеции и числившихся за Венецией Ионических островов, проникновения французов в Адриатическое море и т. д. Нечего и говорить, что завоевание Бонапартом почти всего Апеннинского полуострова и особенно утверждение французов в Неаполе и во всем королевстве Обеих Сицилий могущественно укрепляли и уже наперед делали более осуществимыми все дальнейшие планы и предначертания Директории, связанные со странами Леванта.

Но не только эти причины толкали Павла к войне против Франции. Для него Директория была такой же ненавистной революционной «гидрой», как и Конвент, и он считал своей священной обязанностью против этой «гидры» бороться. Как и во всем, он решил здесь не следовать примеру своей матери. Екатерина II может быть громче всех в Европе кричала о необходимости сокрушить силой «парижских чудовищ», которых она, конечно, и в самом деле ненавидела и опасалась, но за все свое царствование не послала против Франции ни одного русского солдата, предпочитая, чтобы другие взяли на себя эту нелегкую борьбу. А Павел именно и хотел явиться паладином монархического принципа, спасителем «тронов и алтарей» и т. д. Он оказался

---

[1] Д. Бантыш-Каменский, Цит. соч., стр. 198—199. Эти строки взяты Бантыш-Каменским из неподписанного документа, имеющегося в делах Центрального государственного архива Военно-Морского флота (ЦГАВМФ).

фактически еще до начала XIX столетия царем, установившим мрачной памяти традицию «европейского жандарма», роль которого так долго играл после Павла русский царизм.

Когда все эти разнообразные мотивы обусловили участие России во второй коалиции, оказалось, что два других главнейших партнера в затевавшейся тяжелой борьбе — Австрия и Англия — не только относятся к России неискренно, но уже наперед держат против нее камень за пазухой. Австрийский император Франц и его министр граф Тугут умоляли Павла прислать на помощь Австрии в Северную Италию Суворова с русской армией. Английский кабинет во главе с Вильямом Питтом Младшим, конечно, жаждал, чтобы на помощь англичанам как можно скорее пришла в Средиземное море русская эскадра. Но и австрийцы и англичане боялись русских, не доверяли им, завидовали их успехам, хотя по существу эти успехи шли на пользу общего дела. А главное — эти союзники мечтали уже наперед не только о победе над французами при помощи русских, но и о том, чтобы сами-то русские не очень задерживались в тех местах, где эти победы произойдут. Это почувствовал на севере Италии и в Швейцарии Суворов. Сразу это понял и действовавший на Ионических островах и на юге Италии Федор Федорович Ушаков. Он во-время сумел приготовиться и парировать скрытые удары.

2

Следует заметить, что еще весной 1798 г. в Петербурге не знали, с кем придется воевать черноморскому флоту: с французами или с турками, либо с теми и другими? Вот что говорилось в рескрипте императора Павла I на имя вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова от 23 апреля (4 мая) 1798 г.:

«Вследствие данного уже от нас вам повеления о выходе с эскадрою линейного флота в море и занятии позиции между Севастополем и Одессою, старайтесь наблюдать все движения, как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море, или наклонить Порту к каковому либо покушению; обо всех таковых движениях, ежели вы что узнаете от приходящих из Константинополя судов или откроете сами каковые движения, то извещаете с нарочными генерал-лейтенанта князя Дашкова в Киеве или Вознесенске, где он будет находиться; так же доносите и к нам».[1]

Но чем более распространялись тревожные слухи о каких-то загадочных морских вооружениях Франции в Тулоне, тем больше в России крепла мысль, что удар может быть направляется именно против русских черноморских берегов. 13 (24) мая 1798 г. последовал новый рескрипт Павла на имя Ушакова:

«Как скоро получите известие, что французская эскадра покусится войти в Черное море, то немедленно сыскав оную, дать решительное сражение и мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флага соблюдена будет, разве бы оная (французская эскадра. — *Е. Т.*) была гораздо превосходнее нашей, в таком случае делать вам все то, что требует долг и обязанность, дабы всеми слу-

---

[1] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. № 7, л. 87, копия. См. также Материалы для истории русского флота, часть XVI. СПБ, 1902, стр. 231—232.

чаями вы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям нашим».[1]

Одним из толчков, ускоривших вступление России в войну против Франции, бесспорно, было взволновавшее всю Европу отплытие из Тулона флота и войск (36 000 чел., считая с командой) под начальством генерала Бонапарта. Как раз тогда, когда готовилась, а затем отправилась в свой загадочный путь армия Бонапарта, в Петербурге было решено принять немедленно меры. Куда направляется Бонапарт? В Ирландию (как сам он нарочно распускал слухи)? В Константинополь? В Египет? Что Бонапарт высадился в июле 1798 г. в Александрии и что опоздавший Нельсон уже после этого события разгромил 21 июля (1 августа) при Абукире французский флот — об этом в России узнали очень не скоро.

Беспокойство внушала именно вторая гипотеза. Дипломаты, генералы и адмиралы, выросшие на традициях и воззрениях екатерининских времен, знали, что при старом французском режиме неизменным принципом французской политики была всемерная поддержка Турции в ее борьбе против России и что упорное стремление упрочить свои торговые интересы на востоке Средиземного моря, а если повезет счастье, то и на Черном и Азовском морях, долгими десятилетиями руководило всей дипломатической деятельностью Версальского двора. Революция в этом отношении мало что изменила, и, например, марсельская буржуазия с таким же искренним сочувствием приветствовала политику Директории на Леванте, с каким встречала всегда враждебные России планы и действия на Востоке министра Людовика XV герцога Шуазеля или министра Людовика XVI графа Верженна.

Гремевшая уже по всему свету слава молодого завоевателя Италии Бонапарта придавала всем слухам и предположениям о новом его предприятии особенно тревожный характер. Было ясно, что если он направляется в Константинополь, то Турция, добровольно или по принуждению, непременно вступит с ним немедленно в союз и соединенная франко-турецкая эскадра с десантом войдет в Черное море.

Султан Селим III и его Диван боялись французов именно потому, что на этот раз «союз» с Францией крайне легко мог превратиться в завоевание французами части турецких владений. При этих условиях русское предложение туркам об общей борьбе против грозящего нашествия было встречено Портой вполне сочувственно, тем более, что кроме России в этом общем антифранцузском наступлении должны были принять участие Австрия и Англия.

Еще до того, как этот «союз» с Турцией был заключен, последовал высочайший указ адмиралу Ушакову от 25 июля (5 августа) 1798 г. Ему приказывалось «немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей, послав предварительно авизу из легких судов» к русскому посланнику в Константинополе Томаре. Дальше Ушакову нужно было ждать извещения от Томары о том, что Порта просит русской помощи против французов, и как только такое извещение получится, Ушаков должен быть выйти в Босфор.[2]

Удивляться, что обратились именно к Ушакову, не приходится. Герой, одержавший несколько замечательных морских побед на Чер-

[1] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. № 7, лл. 88—89, копия. См. также: Материалы для истории русского флота, часть XVI. СПБ, 1902, стр. 239.

[2] Материалы для истории русского флота, часть XVI. СПБ, 1902, стр. 250.

ном море, знаменитый на всем Востоке непобедимый «Ушак-паша» не имел в тот момент соперников между русскими адмиралами. Ушаков получил высочайший указ 4 (15) августа 1798 г. в Севастополе. Немедленно он начал сборы и уже 13 (24) августа вышел в море. Эскадра Ушакова состояла из шести линейных кораблей, семи фрегатов и трех авизо. Общее число артиллерийских орудий было 794, общее число команды и морской пехоты — 7411 чел. По утверждению летописца и участника этого похода лейтенанта Егора Павловича Метаксы, корабли были лучшими в Черноморском флоте, командный состав и матросы — отборными. Среди командиров кораблей были Сенявин, Селивачев, Алексиано, Поскочин и другие, уже имевшие на флоте очень почетную репутацию.

23 августа (3 сентября) Ушаков прибыл к Босфору. Немедленно он послал в Константинополь уведомление русскому посланнику Томаре и 24 августа (4 сентября) получил ответ, приглашавший его войти в Босфор.

Таким образом Турция вступала во вторую коалицию, если не формально, то фактически. Старые екатерининские вельможи просто не могли опомниться и поверить ушам и глазам своим: русские в союзе с турками! «Надобно же вырости таким уродам, как французы, чтоб произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть: союз наш с Портою и переход флота нашего чрез канал. Последнему я рад, считая, что наша эскадра пособит общему делу в Средиземном море и сильное даст Англии облегчение управиться с Бонапарте и его причетом», — писал канцлер князь Александр Андреевич Безбородко русскому послу в Англии Семену Романовичу Воронцову.[1]

В Константинополе Ушаков принял деятельное участие в разработке планов военных действий. Турецкому правительству тогда уже известно стало и о высадке Наполеона в Александрии, и об его походе из Александрии к югу, в глубь страны, и об истреблении французских судов Нельсоном при Абукире. Но опасность для Турции и, поскольку с ней связана была Россия, также для русских интересов, не миновала. Французы еще в 1797 г. захватили Ионические острова и часть Балканского западного побережья в Эпире и Албании. Таким образом не только Египет, но и запад Балканского полуострова отхватывался французами уже непосредственно от владений Порты. Ионические острова до захвата их французами принадлежали не туркам, а Венецианской республике (уничтоженной Наполеоном в 1797 г.), и они являлись самой важной французской базой на востоке и в центральной части Средиземного моря.

Произошел ряд совещаний, в которых, кроме русских (Ушакова и Томары) и турок (великого визиря, рейс-эффенди и других), принял участие также английский представитель Спенсер Смит. Ушаков, судя по всему, ставил себе в этих совещаниях две цели: во-первых, получить в возможно лучшем виде вспомогательную турецкую эскадру; во-вторых, не брать на себя точных обязательств на случай успешного изгнания французов с Ионических островов, прежде всего не обязываться присоединить эти острова к владениям султана, которому они вовсе не принадлежали, но который очень хотел их получить. И то и другое Ушакову удалось. Он получил под свое командование турецкую эскадру, а насчет Ионических островов ничем определенным не обя-

[1] Сборник Русского исторического общества, т. XXIX, СПБ, 1881, стр. 406.

зался. Турции предоставлялся лишь совместный с Россией протекторат над островами, да и то временный.

Конечно, уже самое изгнание французов с Ионических островов избавляло от непосредственной опасности и Архипелаг и проливы. Но, повидимому, турецкому султану Селиму III приятнее было бы видеть Ионические острова в своей власти, а не во власти своих неожиданных, совсем для Турции новых, русских союзников. Вопрос об островах уточнен не был.

Ушаков добился не только предоставления ему турецкой эскадры, но и обязательства со стороны турок снабжать русский флот продовольствием и средствами (натурой, а не деньгами) для ремонта судов в случае надобности. Затем Ушаков со своими офицерами осмотрел турецкие корабли. С чисто технической стороны эти суда произвели превосходное впечатление. «Все корабли обшиты медью, и отделка их едва ли уступает нашим в легкости.... Артиллерия вся медная и в изрядной исправности, но вооружение кораблей и оснастка их не соответствует вовсе прочему: в оной нет ни соразмерности, ни чистоты... Такелаж и вообще снасти не прочны, а паруса на кораблях бумажные, к мореплаванию весьма не способные».[1] Экипаж турецкий был очень плох; люди набирались из невольников либо просто с улицы, часто насильственным путем, а по окончании похода они снова выгонялись на улицу. Около половины команды в течение каждого похода спасалось дезертирством. У офицеров не было ни малейшей выучки. Не имелось карт, приборов, компасом был снабжен лишь адмиральский корабль. Медицинского обслуживания не было вовсе. Какой-то солдат Кондратий сделался из коновала главным штаб-лекарем на турецком флоте.

Появление Ушакова возбуждало в течение его пребывания в турецкой столице живейшее любопытство. Всюду, где бы Ушаков ни появлялся, отношение к нему было самое предупредительное, и сам он вел себя с большим тактом, сознавая, конечно, что его союзнические и дружественные отношения с турками кажутся константинопольскому населению, не искушенному в тонкостях и превратностях дипломатии, несколько парадоксальными. Он спешил начать действия, но турки проявляли обычную медлительность. Только 9 (20) сентября Ушаков, уже прошедший к Галлиполи, принял Кадир-пашу (в наших документах «Кадыр-паша») и ознакомился с турецкой эскадрой. Кадир-паша, ставший в подчинение по отношению к Ушакову, считался начальником шести линейных кораблей, восьми фрегатов, восьми корветов и 14 канонерских лодок. Таким образом численностью турецкая эскадра превосходила русскую, но боеспособностью неизмеримо уступала ей. Пошли непосредственно вместе с Ушаковым не все суда турецкой эскадры, а только 4 корабля, 6 фрегатов и 4 корвета, остальные же пока остались в Дарданеллах «для хранения» (т. е. для охраны пролива).

3

28 сентября (9 октября) 1798 г. Ушаков подошел к о. Цериго (Чериго). В тот же день с фрегатов «Григорий Великой Армении» и «Счастливый» на остров был высажен десант, который занял крепость Св. Николая. Французы укрылись в крепости Капсала. 1 (12) октября крепость Капсала подверглась комбинированной атаке со стороны десанта, трех

---

[1] Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы, Петроград, 1915, стр. 16.

русских фрегатов и одного авизо. Французы сопротивлялись упорно, но не очень долго. Подавленный мощью артиллерийского огня и стремительностью атаки, французский гарнизон уже через несколько часов принужден был вывесить белые флаги. Ушаков поставил мягкие условия: французов отпускали «на честное слово» (не сражаться в эту войну против России), и им позволено было выехать в Анкону, занятую тогда французским гарнизоном, или в Марсель.

Здесь Ушаков впервые начал осуществлять план, с которым он, повидимому, сроднился еще до открытия военных действий. Население (греки по преимуществу) встретило русских с необычайным радушием, и Ушаков своим первым же распоряжением еще усилил эти благожелательные чувства: он объявил, что поручает управление о. Цериго, попавшим в его власть, лицам «из выборных обществом дворян и из лучших обывателей и граждан, общими голосами признанных способными к управлению народом».[1] Острову давалось местное самоуправление, причем выборы на первых порах ограничивались двумя классами: дворян и торгового люда (купцов, судовладельцев, домовладельцев). Конечно, это самоуправление было подчинено верховной власти адмирала Ушакова, но, по обстоятельствам времени и места, самоуправление с правом поддерживать порядок своими силами, с правом иметь собственную полицию, с охраной личности и собственности от возможного в военную пору произвола — привело в восхищение напуганных островитян.

Чтобы вполне объяснить восторженный прием, которым так обрадован был адмирал Ушаков, нужно вспомнить историческую обстановку, в которой совершалось освобождение Ионических островов от французов русскими моряками.

К 1798—1799 гг. уже миновало то время, когда французов встречала как освободителей часть (и значительная часть) населения стран, куда они входили победителями. Крутая эволюция, превратившая «войны освобождения» первых светлых времен революции в войны завоевания и ограбления, эволюция, уже очень заметная в 1796 г., при первом вторжении Бонапарта в Италию, продолжалась все ускоряющимся темпом в 1797, 1798, 1799 гг. Греки и славяне Ионических островов, итальянское крестьянство королевства Обеих Сицилий и Церковной области, египетские феллахи на берегах Нила жестоко чувствовали суровый военный деспотизм победителей, полнейшее свое бесправие перед французами и ощущали французское завоевание как грабительский захват, потому что в большей или меньшей степени грабеж населения в этих южных странах, занятых французами, практиковался невозбранно. Пресловутый лозунг, брошенный генералом Бонапартом, — «война должна кормить себя сама», — приносил свои плоды. Даже та часть населения, которая в других местах больше всего поддерживала французов, т. е. буржуазия, здесь, на Ионических островах, не оказала им ни малейшей помощи: ведь эти «Венецианские», как их называли, острова, так долго состоявшие в тесной связи с Венецией — богатой торговой республикой, — почти никогда и не знали угнетения буржуазного класса феодальным дворянством, а от военных постоев, от произвола и грабежа французов именно торговцы в городах страдали в первую очередь. В Калабрии, Апулии, Неаполе положение было

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 37.

иное: если часть крестьянства и городской неимущий класс остались в общем врагами французов, то часть буржуазии («образованный класс») стала на сторону французской республики. Но несмотря на кратковременность пребывания французов в королевстве Обеих Сицилий, к концу этого пребывания даже и в среде буржуазии успели обнаружиться симптомы недовольства; стали замечать, что французское завоевание имеет в виду интересы не столько итальянской, сколько французской буржуазии.

Такова была та солидная почва, которая подготовила благоприятное для русских настроение среди части населения сначала на Ионических островах, а потом в Южной Италии. Если же на Ионических островах это благожелательное настроение населения выразилось в столь бурно-восторженных формах, то не следует забывать, под каким террором жило христианское (греческое и славянское) население островов. Ведь Ушаков явился тогда, когда могущество Али-паши Янинского на западе Балкан находилось в зените. А о том, что между французами и Али-пашой уже велись переговоры, на островах были осведомлены.

4

13 (24) октября 1798 г. Ушаков от о. Цериго перешел со своим флотом к о. Занте. Положение он застал здесь такое. Французский гарнизон засел в крепости на крутой горе и кроме того выстроил несколько батарей на берегу. Ушаков приказал капитан-лейтенанту Шостаку разгромить батареи и организовать десант. Для этой операции были выделены два фрегата и гребные суда. После оживленной перестрелки Шостак сбил батареи и начал высадку десанта. Жители острова толпами стали сбегаться к берегу, восторженно приветствуя высаживающиеся русские войска. Произошло, правда, некоторое замешательство, когда вместе с русскими стали высаживаться и турки, потому что греки ненавидели и боялись турок еще больше, чем французов. Но уже очень скоро они сообразили, что главой предприятия является Ушаков, и успокоились.

Наступал вечер, а оставалось еще самое трудное дело: взять крепость. Орудия, палившие с русских кораблей по крепости, ничего поделать не могли, так как ядра не долетали. Капитан-лейтенант Шостак послал в крепость к французскому коменданту полковнику Люкасу парламентера с требованием немедленной сдачи, Люкас отказал. Тогда Ушаков приказал десанту штурмовать высоту, на которой располагалась крепость. Солдаты и моряки, окруженные толпами жителей, освещавших путь фонариками, двинулись к крепости под предводительством капитан-лейтенанта Шостака. Но тут из крепости вышел комендант Люкас, изъявивший желание условиться с русским командованием о сдаче. Боясь, что население растерзает его, если он появится во французском мундире, Люкас явился переодетым в штатское.

Шел уже одиннадцатый час ночи, когда Люкас встретился с Шостаком в доме одного из старшин города грека Макри. Шостак обещал в 8 час. утра выпустить из крепости с воинскими почестями французский гарнизон, который сдастся в плен и сдаст все свое оружие. Имущество у французов было обещано не отнимать, но они должны были возвратить то имущество, которое сами отняли у населения. Русские обязались не преследовать тех, кто стал в свое время на сторону французов.

14 (25) октября состоялась сдача гарнизона и над крепостью был поднят русский флаг. Комендант, 444 солдата и 46 офицеров с очень большим трудом были отправлены к Ушакову на корабли — разъяренный народ хотел отбить их и растерзать. Нужно сказать, что, помимо ограбления жителей и произвола военных властей, греки островов (особенно Занте, Кефалонии и Корфу) страдали еще от полного прекращения с появлением у них французов какой бы то ни было морской торговли. Англичане еще до появления ушаковской эскадры пресекли всякое сообщение между Ионическими островами, Мореей и Италией. Обнищание населения быстро прогрессировало именно на тех островах, где торговля прежде кормила большую массу жителей.

На русских кораблях с пленными французами обращались прекрасно, тем же из них, кто попал на суда Кадир-бея, довелось вынести все муки галерных невольников. В конце концов пленные были отправлены в Константинополь, а восемнадцати семейным офицерам Ушаков разрешил выехать с семьями в Анкону, занятую тогда французами.

15 (26) октября Ушаков, при звоне церковных колоколов, встреченный криками и приветствиями громадной толпы, высадился на берег. Во время шествия русских им из окон бросали цветы. Солдат и моряков угощали вином и сладостями, на домах вывешены были ковры, шелковые материи, флаги. «Матери, имея слезы радости, выносили детей своих и заставляли целовать руки наших офицеров и герб российский на солдатских сумках. Из деревень скопилось до 5000 вооруженных поселян: они толпами ходили по городу, нося на шестах белый флаг с Андреевским крестом». Все это ликование совсем не нравилось туркам, которые «неохотно взирали на сию чистосердечную и взаимную привязанность двух единоверных народов», — пишет очевидец Метакса.[1] Но дальше чувства населения Занте выразились еще более недвусмысленно.

Ушаков собрал немедленно «главнейших граждан» к себе на совещание и сразу же заявил, что предлагает приступить «к учреждению временного правления, по примеру острова Цериго». Во время этого совещания громадная толпа народа собралась на большой площади, ожидая результатов. «Но когда зантисты услышали, что они остаются независимыми под управлением избранных между собою граждан, то все взволновались и начали громогласно кричать, что они не хотят быть ни вольными, ни под управлением островских начальников, а упорно требовали быть взятыми в вечное подданство России, и чтобы определен был начальником или губернатором острова их российский чиновник, без чего они ни на что согласия своего не дадут».[2]

Дело было совершенно ясно для всех: островитяне смертельно боялись и ненавидели турок и были убеждены, что какое бы самоуправление Ушаков им ни дал, турки, как только он со своей эскадрой уйдет, под каким-либо предлогом (или вовсе без всякого предлога) завладеют островом, что будет еще безмерно хуже, чем французское управление. Единственно, чему они верили, было покровительство России. Ушаков смутился. «Таковое неожидаемое сопротивление, сколь ни доказывало народную приверженность к России, крайне было оскорбительно для наших союзников и поставляло адмирала Ушакова в весьма затруднительное положение».[3] Ему пришлось объясняться

---

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 50—51.

[2] Там же, стр. 51.

[3] Там же.

с народом, и это объяснение, записанное в отчете Метаксы (не русского, а грека по происхождению), вплетает новый лавр в исторический венец славы Ушакова. «Он (адмирал Ушаков. — *Е. Т.*) с ласкою доказывал им (народу. — *Е. Т.*) пользу вольного независимого правления и объяснял, что великодушные намерения российского императора могли бы быть худо истолкованы, ежели бы, отторгнув греков от ига французов, войска его вступать стали в Ионические острова не яко освободители, но яко завоеватели, что русские пришли не владычествовать, но охранять, что греки найдут в них токмо защитников, друзей и братьев, а не повелителей, что преданность их к русскому престолу, конечно, приятна будет императору, но что он для оной договоров своих с союзниками и с прочими европейскими державами порушать никогда не согласится». Жители долго спорили и не соглашались и «много стоило труда адмиралу Ушакову отклонить сие общее великодушное усердие зантиотов». [1]

На первых порах Ушаков назначил «трех первейших архонтов», а уж те должны были кооптировать других членов совета. Полицию («городскую стражу») должны были избрать сами граждане. Оставив на Занте маленький гарнизон, Ушаков отправился дальше, к о. Корфу.

Но еще до отплытия от берегов Занте адмирал получил известие, что отправленный им для овладения о. Кефалония капитан 2 ранга И. С. Поскочин успешно выполнил 17 (28) октября 1798 г. свое поручение.

5

Любопытно отметить, что еще до прибытия Поскочина к о. Кефалония жители этого острова восстали против французов и те, очистив берег, бросили батареи и бежали в крепость. Но им не удалось укрыться. Посланный Поскочиным отряд перехватил французов и взял их всех в плен. Нужно сказать, что здесь на Кефалонии, повидимому, все же были кое-какие приверженцы французов — если не среди крестьян, то среди городского населения. По крайней мере, на нечто подобное намекают следующие строки записок Метаксы: «Народ наполнял воздух радостными восклицаниями и клялся истребить всех французов и приверженцев их... Чернь, устремясь на один дом, начала оный грабить, называя хозяина якобинцем», но русский мичман «бросился в толпу, захватил зачинщиков и растолковал им, что дело это не касается до них, что должно оное оставить на рассмотрение самого адмирала...» Что этот случай не был единичным, доказывают следующие слова того же Метаксы: «Все благонамеренные граждане изъявили страх свой и подтвердили, что оба города (Ликсури и Аргостоли. — *Е. Т.*) окружены множеством вооруженных деревенских жителей, которые намереваются ворваться в оные и их ограбить под предлогом злобы своей противу якобинцев». [2] Поскочин немедленно принял меры, выставив заряженные пушки перед пикетами. А Ушаков приказал трем фрегатам приблизиться на картечный выстрел к обоим городам Кефалонии и в случае грабежей и буйств и невозможности остановить их «лаской» стрелять сперва холостыми зарядами, а затем картечью. Таким образом русская картечь чуть-чуть не была пущена в ход не

---

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 51—52

[2] Там же, стр. 70—71.

против «якобинцев», а в защиту «якобинцев»! Но толпа присмирела и никто не пострадал.

23 октября (3 ноября) на о. Кефалония прибыл Ушаков. Население встретило адмирала с таким же ликованием, как и на других островах. К нему привели взятого в плен вместе со всем гарнизоном французского коменданта Кефалонии Ройе. Француз «изъявил главнокомандующему чувствительнейшую свою благодарность за вежливое и человеколюбивое обхождение капитана Поскочина, которого он называл избавителем, защитившим как его самого, так и всех французов от мщения цефалониотов (кефалонитов. — *Е. Т.*)». Ройе утверждал, что греки грубо с ним обошлись еще до прибытия эскадры: «Ежели бы не усилия великодушного сего офицера (Поскочина. — *Е. Т.*), подвергнулись бы мы, конечно, неминуемой и поносной смерти...» Ушаков отвечал: «Вы все называете себя образованными людьми, но деяния ваши не таковы... Вы сами виновники ваших бед...» Ушаков намекал на безобразные насилия французских оккупантов над жителями островов, возбудившие такую ненависть к французам. Очень характерно, что Ушаков укорял Ройе не за то, что тот служит «безбожной республике», а за то, что он очень плохо ей служит. «Я вел себя, как следует исправному французскому офицеру», — сказал Ройе. «А я вам докажу, что нет», — возразил Ушаков. «Вы поздно взялись укреплять вверенный вам остров, вы не сделали нам никакого сопротивления, не выстрелили ни из одного орудия, не заклепали ни одной пушки». [1]

Невольно приходит на память слепая, беспощадная ярость Нельсона по отношению к пленным «бунтовщикам», откровенно им признаваемая ненависть к французам «за то, что они французы», его безобразное поведение в Неаполе летом 1799 г., гнусное повешение пленного республиканского адмирала Караччиоло. Благородная укоризна Ушакова французскому офицеру за то, что тот плохо исполнил свой долг перед Французской республикой, необычайно характерна для русского флотоводца.

6

Общее настроение Ушакова выяснилось вполне после его прибытия на Кефалонию. Организовав сразу и здесь нечто вроде самоуправления, т. е. немедленно назначив несколько человек постоянных жителей острова (причем адмирал тут уже привлекал также и крестьян), которым поручалось на первых порах поддерживать порядок и подготовить организацию выборов в местный совет, он незамедлительно должен был разрешить очень важный вопрос. На Кефалонии французская оккупация оставила, по всей видимости, больше следов, чем на островах Цериго и Занте. Дворянство здесь было полно жажды мести против тех горожан, которых подозревали или даже очень доказательно уличали в сочувствии «якобинцам». Разъяренные враги этих оказавшихся в совсем отчаянном положении местных «якобинцев» жаждали немедленной расправы, жаждали крови. «Именитое» купечество острова, раздраженное, как сказано, прекращением морской торговли во время французской оккупации, этих несчастных «якобинцев» не только не защищало, а старалось утопить. Кто были эти «якобинцы»? Трудно сказать в точности, — повидимому, представители довольно немногочисленной кефалонийской интеллигенции, [2] может быть также предста-

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 73—74.
[2] Ее наличие констатируют наши источники.

вители ремесленного класса, мелкой городской торговли, как в соседней Морее. Так или иначе, Ушакову на другой же день после его появления на Кефалонии были представлены все нужные документы для ареста и осуждения целого ряда лиц, заседавших в устроенном французами «муниципалитете» (вроде того «муниципалитета», который французы устроили в 1912 г. в Москве) или подписавших прокламации во французском духе и т. д. Доносители имели все основания ждать, что Ушаков поступит так, как в подобных случаях поступали все без исключения австрийские и английские военачальники, т. е. предаст обвиняемых «якобинцев» аресту, следствию, суду, казни. Но русский герой поступил иначе: «Адмирал Ушаков, входя в положение сих несчастных граждан, покорствовавших силе и действовавших, вероятно, более от страха, нежели из вредных намерений, не обратил никакого внимания на донос сей и избавил мудрым сим поведением обвиненных не токмо от неминуемых гонений, но и от бесполезных нареканий». [1]

Даровав таким образом, как и во всех прочих местах, попадавших в его власть, полную политическую амнистию «якобинцам», Ушаков 28 октября (8 ноября) покинул Кефалонию, оставив и здесь небольшой гарнизон. Он направился к о. Корфу, но уже в пути получил известие, которое заставило внезапно изменить маршрут и двинуться не к Корфу, а к о. Св. Мавры, как его называют наши русские источники (итальянцы, греки и англичане называют этот остров Санта-Маура). Известие пришло от капитана 1 ранга Дмитрия Николаевича Сенявина, которого Ушаков отправил к о. Св. Мавры, еще находясь на о. Занте. Сенявину было поручено овладеть островом, но теперь Сенявин извещал адмирала о встретившихся серьезных трудностях. Отрядив часть своих сил к о. Корфу для подкрепления блокады острова (уже начатой), Ушаков с четырьмя русскими судами (2 линейных корабля и 2 фрегата) и тремя турецкими (2 линейных корабля и фрегат) пошел к о. Св. Мавры.

Сенявин немедленно ввел его в курс дела. Во-первых, оказалось, что французский гарнизон (540 чел.) намерен серьезно сопротивляться, имеет сильную артиллерию и засел в крепости, очень хорошо защищенной со всех сторон большими водными преградами. Во-вторых, внезапно возникло очень неприятное осложнение: Али-паша Янинский — юридически представитель и чиновник Порты, а фактически самостоятельный властитель части Эпира и части Албании — вошел в тайные сношения с французским комендантом о. Св. Мавры полковником Миолеттом, обещая последнему 30 000 червонцев и немедленное отправление всего французского гарнизона в Анкону или любой другой порт, находящийся во власти Франции. Одновременно Али-паша подослал лазутчиков к влиятельным жителям острова, обещая им полную безопасность и всякие блага.

Конечно, Али-паша хотел захватить остров (отделенный совсем узеньким проливом — в «пятьсот шагов» ширины — от албанского берега, принадлежавшего уже Янинскому паше) лично для себя. Но поскольку этот паша «числился» все-таки на турецкой службе и в подчинении у султана, он делал вид, будто старается в пользу союзников, которые поэтому должны ему помогать, а не мешать.

Ушаков решил во что бы то ни стало как можно скорее овладеть о. Св. Мавры. Еще до прибытия Ушакова Сенявин энергично обстреливал крепость с ближайшей горы и с албанского берега, где он

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 76.

устроил батарею. Следует заметить, что узкий пролив, отделяющий о. Св. Мавры от албанского берега, очень мелок, и местами его можно было переходить вброд.

Все это заставляло Ушакова очень серьезно обдумать обстановку, создавшуюся в связи с происками Али-паши.

Положение французского гарнизона становилось безвыходным. Оно было таким, собственно, с первого момента появления Ушакова в этих водах; если до высадки Сенявина еще возможно было рассчитывать уйти с острова на судах, которые обещал дать Али-паша, то теперь, когда русские уже высадились и бомбардировали крепость, о реальной помощи со стороны Янинского паши нечего было и думать.

Французы дали знать, что они согласны сдаться, если Ушаков их отправит в Анкону на своих судах. Но адмирал категорически отказал. Осада продолжалась. К Сенявину явились «старшины» острова, заявившие, что они собрали до 8000 вооруженных добровольцев и просят позволения принять участие в готовящемся штурме крепости. Однако до штурма дело не дошло. 1 (12) ноября над французской цитаделью был поднят белый флаг. Все условия, выставленные русским командованием, были приняты французским гарнизоном.

Но раньше, чем продолжать свое победоносное продвижение, Ушакову необходимо было принять к серьезному соображению подозрительные махинации и прямые угрозы безопасности Ионических островов, исходившие с западного побережья Балканского полуострова от самого могучего из тамошних турецких сатрапов — Али-паши Янинского.

7

Али-паша принадлежал к тому типу свирепых разбойничьих восточных атаманов, игрою случая попавших в положение самостоятельных государей, наиболее ярким представителем которых является, например, современный ему иранский изверг Ага-Магомет-хан, опустошивший Грузию в 1795 г. Сфера действий у Али-паши была, конечно, несравненно более узкая, сил было гораздо меньше, но психологически они похожи друг на друга, как родные братья. Располагая хорошо вооруженной группой подчинившихся ему феодальных властителей, Али-паша, во-первых, держал в рабском повиновении население той части Албании, которой ему удалось овладеть, а во-вторых, с давних пор приучил это подвластное население смотреть на постоянные набеги и вторжения в земли соседей как на главную, если не единственно доходную и надежную статью бюджета государства и частных лиц.

В какой зависимости находился Али-паша от султана Селима III? С чисто юридической стороны никаких сомнений быть не может: он числился верноподданным рабом повелителя правоверных, халифа Константинопольского. Но ведь и египетский хедив и властители Туниса и Алжира тоже числились в таком сане, — от этого константинопольскому султану было не легче. Али-паша иногда посылал дань султану или бакшиши сановникам Дивана (в особенности, если перед этим удавалось удачно ограбить турецких купцов), порой же ровно ничего не посылал и, напротив, обирал до нитки владения султана. Али-паша держал в страхе в особенности подчиненные туркам балканские народы западного побережья полуострова — греков, сербов. Только черногорцы очень мало боялись албанцев и иногда, при удач-

ных условиях, внезапным налетом облегчали возвращавшихся из лихой экспедиции албанцев от обременявшей их добычи. Неимоверная жестокость Али-паши Янинского особенно близко роднила его с персидским Ага-Магомет-ханом. Али-паша часто предавал пленников перед казнью самым утонченным жестоким пыткам, он гордился сложенными в горы отрубленными головами, украшавшими его сады и дворец.

Али-паша Янинский владел не только Яниной. В большей или меньшей степени власть его, то расширяясь, то суживаясь территориально, распространялась и на Эпир, и на некоторые области Фессалии, и на Албанию и иногда на запад Македонии. Писалось в фирманах, что Али-паша — турецкий подданный и как бы наместник султана. Это до такой степени считалось бесспорным государственно-правовым фактом, что султаны неоднократно, но тщетно обнаруживали желание срубить ему голову. «Палачи в одежде придворных чиновников, имевшие повеление отрубить ему (Али-паше. — *Е. Т.*) голову, лишались обыкновенно собственной своей, как скоро вступали только в его владения».[1]

Умный, ловкий, зоркий, очень решительный, пронырливый бандит, зверски жестокий по нраву и проявлявший жестокость даже тогда, когда она не вызывалась никакой необходимостью, Али-паша начал свою карьеру очень скромно: рядовым разбойником в шайке своего отца Вели, грабившего путешественников на юге Албании, но кончившего жизнь в качестве провинциального сановника в сане «аги» города Тепеленги.

Умертвив после смерти отца всех своих братьев и прочих претендентов на наследство, Али быстро возвысился внезапными нападениями на соседей и постоянными удачными походами на больших феодалов Фессалии, Македонии, Эпира, кончавшимися нередко аннексией их владений. Турецкий султан боялся его. «Порта, видя все покушения свои противу его жизни тщетными и опасаясь сильного перевеса на всем восточном берегу Адриатического моря, ежели Али-паша объявит себя явно независимым, прибегала... к разным робким и бессильным мерам, страхом ей внушаемым. Видя твердость, решимость и силу Али, султан принужденным нашелся, наконец, не оспаривать у него обладания, отторгнутых у него лучших европейских его провинций».[2] Так говорит Метакса, которому пришлось лично побывать у Али-паши после прибытия эскадры Ушакова в Средиземное море.

8

Таков был могущественный фактический властитель нескольких пашалыков адриатического побережья Балканского полуострова. Ушакову пришлось иметь дело с этим опаснейшим человеком. Али-паша именно в это время внезапно напал на город Превезу (на юге Эпира), перебил часть французского гарнизона, вырезал значительное число жителей и дочиста ограбил город.

Но как только Али-паша узнал о появлении Ушакова, он поспешил вступить в сношения с французами. Через посланных в Корфу и другие места эмиссаров Али-паша предложил французскому коман-

---

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 115.

[2] Там же.

дованию союз и дружбу против русских. От Превезы Али-паша направился к городу Парга. Паргиоты решили города не сдавать и защищаться до последней капли крови. Они немедленно послали к Ушакову на эскадру, стоявшую у о. Занте, депутацию, умоляя о помощи и принятии их в русское подданство. Ушаков ответил, что «он ни мало не уполномочен приобретать для России новые земли или подданных, почему, к сожалению своему, требование жителей Парги удовлетворить не может и не в праве». Выслушав это, депутаты пришли в «величайшее отчаяние; они пали к ногам адмирала Ушакова», рыдали и заявили, что если Ушаков не позволит им поднять русский флаг и откажет в покровительстве, то они перережут всех своих жен и детей и пойдут с кинжалами на Али-пашу. «Пусть же истребится весь несчастный род наш», — кричали депутаты. Взволнованные русские офицеры «стояли в безмолвном исступлении». Ушаков просто не знал, что ему делать. Он «прошел раза два по каюте и, подумав несколько, объявил депутатам, что, уважая горестное положение паргиотов и желая положить пределы дерзости Али-паши... соглашается принять их под защиту соединенных эскадр на таковом же основании, как и освобожденные уже русскими Ионические острова, что впрочем, зная великодушие своего государя, он ответственность всякую берет охотно на себя».[1]

Неописуемый восторг овладел депутатами Парги, они целовали руки и ноги русского адмирала.

Смелым был поступок Ушакова. Прежде всего адмирала мог постигнуть гнев Павла, потому что Константинополю вовсе не нравилось такое самочинное покровительство русских городу, который Турция хотела присоединить к своим владениям. Затем приходилось раздроблять и без того малые русские силы между материком и островами, между Али-пашой и французами. Хлопот было много.

Ушаков решил сделать попытку, спасая Паргу, в то же время обеспечить мирные отношения с Али-пашой. И тут он проявил себя замечательным дипломатом. Письмо Ушакова к Али-паше — в своем роде образчик дипломатического искусства. Приходилось объяснять такие недвусмысленные поступки, как посылку отряда с офицерами, с несколькими орудиями, с военным кораблем на помощь паргиотам. Ушаков в этом письме делает вид, будто паргиоты отныне друзья и союзники не только Ушакова, но также Али-паши и султана турецкого, словом всех, кто борется против французов, и что город Парга вполне дружествен и даже покорен Али-паше (заметим, что войти туда Али-паше и его войскам так и не пришлось). Это письмо, помеченное 25 октября (5 ноября) 1798 г., в дружелюбных тонах уведомляло Али-пашу, как истинного «союзника», об успехах русской эскадры на островах Цериго, Занте, Кефалонии, а «между прочим», и о новых союзниках» — паргиотах. И выдерживая эту роль союзника, Ушаков даже поздравляет Янинского пашу «с знаменитой победой» (над городом Превезой), о чем Али-паша ему сообщил. Вот выдержки из этого любопытного документа, написанного Ушаковым в изысканно любезном стиле:

«Высокородный и превосходительный паша и губернатор провинции Янины, командующий турецкими войсками.

Милостивый государь мой!

---

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 129—130.

Почтеннейшее письмо ваше чрез нарочно присланного с наиприятнейшим удовольствием я имел честь получить. За благоприятство и дружбу мне оказанные и за уведомление о знаменитой победе вашей покорнейше благодарю и вас с тем дружелюбно и с почтением моим поздравляю; притом, имею честь уверить о совершеннейшей дружбе и тесном союзе наших государей императоров, которых повеления мы с глубочайшим благоговением и дружелюбно выполняем. Рекомендую себя в дружбу и благоприятство вашего превосходительства, и уверяю честным словом, что всегда стараться буду вспомоществовать вам во всех действиях, к общей пользе против наших неприятелей французов. Об острове же Св. Мавры уведомляю, что я во все острова прежде бывшие Венецианские весьма благовременно общие приветствия наши и приглашения с командующим турецкою эскадрою Кадыр-беем, послал. Острова Цериго, Занте и Цефалонию от французов мы освободили и взяв их (французов. — *Е. Т.*) пленными, отослали на матерой берег полуострова Мореи, а некоторых отпустили на договоры. Из острова Св. Мавры двоекратно ко мне присланы прошения островских жителей; весь народ оного острова с покорностью отдается в общее наше покровительство и просят, чтобы мы приняли их на тех же правах, на каких устанавливаем обще с Кадыр-беем все прочие острова, оставляя их свободными до высочайшей конфирмации обеих дружественных держав наших. А за сим два дни прежде вашего письма, получил я также от жителей острова Св. Мавры уведомление, что они отдавшись совсем в нашу волю и покровительство и флаг на оном подняли российский.

Я вас, милостивый государь, поздравляю с тем, что мы на крепостях всегда поднимаем обще два флага: Российский и Турецкий. Послал я от себя два корабля к острову Св. Мавры, также и от турецкой эскадры два же корабля посланы, и приказал я командующему отдельной от меня эскадрою, флота капитана 1-го ранга и кавалеру Сенявину, сей остров, крепость, и обывателей принять в общее наше покровительство и учреждение; флаги поднять на крепости оба вместе, Российский и Турецкий, которые означают совершенную между нациями нашими дружбу. Надеюсь, что ваше превосходительство с таковыми благоприятными нашими расположениями также согласны. Военные наши действия и распоряжения производим мы по настоящим обстоятельствам политическими правилами сходно с обнародованными от Блистательной Порты Оттоманской извещениями; со всеми островскими и береговыми жителями обращаемся весьма дружелюбно, привлекая их ласковостию и добрыми нашими с ними поступками, покоряем даже сердце и чувствования их в нашу волю и распоряжение. Обсылками моими во все острова прежде бывшие Венецианские успел я дотоль приятной цели достигнуть, что и из Корфы неоднократно уже получаю уведомления, что жители оного острова нетерпеливо ожидают нашего прибытия и с сердечным признанием своей покорности, с распростертыми руками нас примут и общими силами стараться будут с нами вместе истреблять французов. Город, крепость, и весь народ отдаются в наше покровительство и распоряжение на тех же правах, какие мы утверждаем.

При таковых благоприятных обстоятельствах надеюсь и Вашему превосходительству можем мы делать помоществование и всех береговых жителей, против которых войска Ваши находятся, покорить без кровопролития, об чем из многих уже мест ко мне писали и просят;

а особливо из Парги, чтобы мы приняли их в нашу волю и распоряжение, и что они ожидают только наших повелений и во всем покорны.

Я и Кадыр-бей дали им письма, и я в письме моем советовал им, чтобы они явились к Вашему превосходительству, объявили бы оное и на таковых условиях Вам отдались с покорностию. Чрез таковые благоприятные наши с ними поступки весь этот край даже сам себя защищать может против общих наших неприятелей, а жители островские и береговые будут нам вернейшие и искренние друзья и надежнейшие исполнители воли нашей во всех наших предприятиях. Вся важность будет состоять во взятии крепостей острова Корфы, но и тут я надеюсь, что таковыми поступками нашими и благоприятством к жителям можем мы взять крепости в непродолжительном времени.

Если благоугодно вашему превосходительству береговых жителей принять в таковое же покровительство ваше и оказать им ваше благоприятство, то они будут ободрены и во всех случаях станут делать нам всякие вспоможения. В случае же надобности, в рассуждении острова Корфу, если востребуется ваше нам воспомоществование, буду писать и просить о том ваше превосходительство и надеюсь, что вы к тому готовы».[1]

Это письмо вполне ясно по основному мотиву. Ушаков вовсе не имел в виду отдавать под разбойничью власть Али-паши завоевываемые острова. Он решил оставить их в своем распоряжении. Поэтому он усвоил себе по отношению к Янинскому властителю особую тактику. Он все время притворялся, будто всерьез считает Али-пашу верноподданным и послушным чиновником турецкого султана, а поэтому, значит, может требовать с его стороны всяческой помощи в осуществлении предначертанной в Константинополе цели. С другой стороны, Ушаков после первых же серьезных успехов и завоевания четырех островов дал понять Али-паше, что островов-то он ему не даст ни в коем случае и что острова будут «свободны», пока их участь не будет решена союзными правительствами. Но «береговые жители», против которых Али-паша воюет, не входят в сферу влияния Ушакова и с ними Али-паша может ведаться, конечно, не рассчитывая на русскую помощь. Это звучало тонкой насмешкой. Янинскому паше удалось, правда, взять Превезу, но город Парга отбил все атаки турецкого хищника и продолжал сопротивление.

9

Письмо Ушакова от 25 октября (5 ноября) 1798 г. было переслано Али-паше с тем же нарочным, который привез Ушакову письмо от Али-паши. Но не успел Ушаков отправить это послание, как он узнал о новом наглом насилии со стороны Али-паши, который схватил русского консула в Превезе Ламброса, заковал его в кандалы и отправил на галеру. Колебаться не приходилось. Ушаков немедленно написал 29 октября (9 ноября) новое письмо янинскому деспоту, но уже совсем в ином тоне. Приводимый ниже текст этого письма мы находим в «Записках» Метаксы, которого Ушаков отправил к Али-паше.

«Жители города Парги прислали ко мне своих депутатов, прося от союзных эскадр помощи и защиты противу покушений ваших их

[1] ЦГАВМФ, ф. Сборный, дело № 97, лл. 13—15. См. также: Р. Скаловский, Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова, СПБ. 1856, стр. 373—376.

поработить. Ваше превосходительство угрожает им теми же бедствиями, которые нанесли войска ваши несчастным жителям Превезы.

Я обязанным себя нахожу защищать их, потому что они, подняв на стенах своих флаги соединенных эскадр, объявили себя тем под защитою Союзных Империй. Я, с общего согласия турецкого адмирала Кадыр-бея, товарища моего, посылаю к ним отряд морских солдат с частью турецких войск, несколько орудий и военное судно.

Узнал я также, к крайнему моему негодованию, что, при штурмовании войсками вашего превосходительства города Превезы, вы заполонили пребывавшего там российского консула майора Ламброса, которого содержите на галере вашей скованного в железах. Я требую от вас настоятельно, чтобы вы чиновника сего освободили немедленно и передали его посылаемому от меня к вашему превосходительству лейтенанту Метаксе, в противном же случае, я отправлю нарочного курьера в Константинополь и извещу его султанское величество о неприязненных ваших поступках и доведу оные также до сведения его императорского величества всемилостивейшего моего государя».[1]

Прибыв в Превезу, Метакса почти тотчас был принят Али-пашой. Идя на эту аудиенцию, русский офицер по дороге упал в обморок от нестерпимого смрада; по обе стороны большой лестницы резиденции Янинского паши «поставлены были пирамидально, наподобие ядер пред арсеналами, человеческие головы, служившие трофеями жестокому победителю злополучной Превезы».[2]

Ознакомившись с письмом Ушакова, Али-паша заявил Метаксе:

«Адмирал ваш худо знает Али-пашу и вмешивается не в свои дела. Я имею фирман от Порты, коим предписывается мне завладеть Превезою, Паргою, Воницою и Бутринтом. Земли сии составляют часть матерого берега, мне подвластного. Он адмирал, и ему предоставлено завоевание одних островов... Какое ему дело до матерого берега? Я сам визирь султана Селима и владею несколькими его областями... Я мог, да и хотел было, занять остров С. Мавру, отстоящий от меня на ружейный выстрел, но увидя приближение союзных флотов, я отступил, — а ваш адмирал не допускает меня овладеть Паргою!.. Что он думает?»[3]

Консула Ламброса Али-паша, однако, в конце концов согласился освободить. От взятия Парги он отказался, примирившись с пребыванием там посланного Ушаковым русского гарнизона.

10

Метакса вернулся благополучно, с полным, так сказать, «личным успехом». А ведь почти одновременно произошел случай, о котором сам Али-паша с восхищением вспоминал, как о ловкой военной хитрости. Притворившись другом и союзником французов, высадившихся на берег Эпира, Али-паша получил от Директории осыпанный драгоценными каменьями кинжал в знак нерушимого союза и дружбы Янинского паши с Францией. А сейчас же после этого, выторговав у султана кое-какие уступки, Али-паша заманил к себе под предлогом чествования своего нового друга и союзника французского генерала Роза, задержал его, заковал в кандалы и после страшных пыток от-

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 131—132.
[2] Там же, стр. 134.
[3] Там же, стр. 140—141.

правил в Константинополь, где султан Селим III заключил генерала в Семибашенный замок. Оттуда Роз уже никогда не вышел.

Метакса был спасен страхом Али-паши перед Ушаковым. Али-паша осведомился у Метаксы, не тот ли это Ушаков, который разбил «славного мореходца Саид-Али» (Саид-Али был разбит при Калиакрии в 1791 г.). Импонировала Янинскому варвару не только громкая на всем Леванте слава «Ушак-паши», но и его эскадра и его успехи в борьбе против французов. Али-паша не посмел ни отказать Ушакову, ни задержать Метаксу.

Ушаков совсем не ждал столь полного успеха своей политики. Уже не только острова, но и западный берег Балканского полуострова («матерой берег») волновался и громко раздавались требования населения «остаться под Россией». Это ставило Ушакова в щекотливое положение: ведь тут уже затрагивались интересы не Али-паши, а права и суверенная власть Оттоманской Порты. Вот что писал Ушаков вице-президенту адмиралтейств-коллегии графу Кушелеву 10 (21) ноября 1798 г., еще до овладения о. Корфу:

«Благодарение всевышнему богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфы, все прежде бывшие венецианские острова от рук зловредных французов освободили. Греческие жители островов и матерого берега, бывшего венецианского же владения, столь великую приверженность имеют к государю императору нашему, что никак не можно описать оную. Едва я только успокаиваю их; не хотят ничего общего иметь с турками: все вообще в присутствии турок кричат, что никакого правления и правителей не хотят кроме русских, и беспрестанно восклицают: «Государь наш император Павел Петрович!». Политические обстоятельства понудили меня уговаривать их всячески, что государи наши императоры послали нас единственно освободить их от зловредных французов и сделать вольными на прежних правах, до воспоследования высочайшей конфирмации. Сим успокаиваются они, только потому, что надеются на будущее время непременно остаться под Россиею. Хотя я знаю, что политические обстоятельства сего не дозволят, но как эти бедные люди после останутся и на каких правах, неизвестно; мы узаконяем их теперь и доставляем спокойствие».[1]

В самом деле, с первого же момента появления своего у Ионических островов Ушаков, его моряки и солдаты вели себя по отношению к местному (греческому, по преимуществу, а также славянскому) населению так благожелательно, с таким непритворным русским добродушием и до такой степени водворили атмосферу спокойствия и полной личной безопасности, что местные жители, привыкшие к совсем другому обхождению со стороны французских оккупантов, просто не могли в себя притти от удивления и восхищения. А тут еще был и близкий материал для сравнения. Али-паша именно в это время напал на торговый город Превезу. Взяв Превезу, он, как уже сказано, варварски перерезал значительную часть мужского населения, угнал женщин, захватил все имущество горожан. Немногие спасшиеся бежали на занятые Ушаковым острова, моля о защите.

Все это и произвело вполне естественный эффект. Можно смело сказать, что не было у России в 1798—1800 гг. более преданных дру-

---

[1] ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. № 97, л. 18, копия. См. также: Р. Скаловский, цит. соч., стр. 379—380.

зей, чем население Ионических островов, которое трепетало от ужаса при одной мысли об уходе русской эскадры. Нельзя без чувства законной гордости за русского моряка читать сохранившуюся в нашем Военно-морском архиве рукопись донесения Ушакова Павлу, в котором дано простое, но тем более волнующее описание создавшейся после первых побед Ушакова обстановки. Читатель увидит, что Ушаков жалеет об отсутствии «историографа» при его эскадре. Но он сам оказался прекрасным историографом деяний своих воинов и в то же время — гнусных злодейств Али-паши. Донесение Ушакова помечено 10 (21) ноября 1798 г. В нем Ушаков как бы резюмирует свои достижения на Ионических островах.

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: прежде бывшие венецианские острова большие и малые, все нашими соединенными эскадрами от французов освобождены, кроме острова Корфу, который содержится эскадрами нашими в блокаде. Берега от полуострова Мореи простирающиеся к венецианскому заливу, также от французов освобождены, обыватели всех оных мест столь привержены и преданы Вашему императорскому величеству, я не в состоянии описать той великой приверженности, какая действительно от душевного рвения их явственна, а особо когда пришли мы с эскадрами к острову Занте, встречены жителями оного острова так, как во всеподданнейшем рапорте моем от 26 минувшего октября (ст. ст. — *Е. Т.*) объяснено, редкое гребное судно и лодка показали, на которых не было бы российского белого флага с Андреевым крестом, когда по надобности сходил я на берег и был в монастырях и в церквах от стеснившегося народа по улицам и от устраняющегося на обе стороны нельзя было пройтись от чрезвычайного крику, беспрестанно возглашающего имя Вашего императорского величества «виват Павел Петрович, виват государь наш, Павел Петрович!». Генерально почти во всех домах и из окошек оных выставлены висящие флаги первого адмирала, несколько тысяч таковых было видно по всем улицам на белых платках и на холстине нарисованные Андреевым крестом, также из окошек развешено было множество одеял, платков и разных бумажных и шелковых материев. Женщины из окошек, а особо старые, простирая руки, многие крестясь плачут, показывая видимость душевных действиев, какие в них от удовольствия происходят, малолетних детей выносят, заставляют целовать руки у офицеров, даже и у служителей наших, словом во всех островах замечено мною в рассуждении обывателей чрезвычайная приверженность к Вашему императорскому величеству, таковой вид наносит товарищам моим (туркам.— *Е. Т.*) неприятность, но я всеми способами — учтивостью и ласкою стараюсь их успокоить всех, знатных первейших жителей, приходящих ко мне, всегда посылаю к Кадыр-бею, командующему турецкою эскадрою, для оказания такового к ему почтения, и с просьбами, с какими ко мне приходят, к нему также посылаю, и все дела, касающиеся решаем вместе общим нашим согласием. Одно только сумнительство со мною встретилось, когда Али паша, командующий на берегу турецкими войсками, разбил в Превезе французов и покусившихся быть вместе с французами нескольких жителей, по побеждении их в Превезе, перерезаны все, кто только не попали в руки, старые и малые и многие женщины, а достальных, которые взяты женщины и ребята продаются торгом подобно скотине и отдаются в подарки, прочие же разбежались в разные острова и наполнили оные стоном и плачем, которые же после осмелились возвра-

титься в Превезу и с теми поступлено жестоко и многие лишились жизни, достальные не смеют возвратиться. По убедительным просьбам от таковых людей писали и я и Кадыр бей учтивые наши письма к Али паше и для успокоения жителей просили его всех оставшихся жителей города Превезы, равно и взятых пленными жителей же из разных островов великодушно простить и освободить, но незаметно, подействуют ли наши просьбы.

Все прочих мест береговые жители прежде бывшие в венецианском владении, видя чрезвычайные жестокости, пришли в отчаянность и озлобление, а особо обыватели города Парга, хотя неоднократно пашою принуждаемы были несколькие люди подписать договоры, какие он им приказал сделать, но все общество не принимает их и слышать не хочет; в город и крепость его и войска от него посылаемые не впущают, подняли сами собою российский флаг на крепости и из рук его не выпускают неотступно просят от эскадр наших покровительства. Я писал об них Али паше и к ним писал, чтобы они явились к Али паше и просили бы его принять их в защиту и покровительство на тех же правилах, какие учреждаем мы на островах. Депутаты явились к нему с покорностью, но насильным жестоким образом принуждены написать от себя такие договоры, какие он желал и когда они возвратились с ними, то общество и слышать не хотело, к нашему флагу на крепости подняли еще турецкой флаг и явились ко мне обливаясь слезами, от ног моих не отходят, чтобы мы соединенными эскадрами приняли их в защиту, покровительство и распоряжение союзных держав сходно на тех же правилах как острова от нас учреждены. Я послал их, чтоб просили о том сотоварища моего Кадыр бея, он весьма довольно их со своей стороны уговаривал, чтобы отдались Али паше, но в отчаянности их напоследок лично Кадыр бею, командующему эскадрою при моем офицере и при драгомане от Порты ко мне определенным решительно отозвались, что буде мы не примем их в наше покровительство и защиту, которого они от нас просят в крайней своей отчаянности, последнее употребят средство — порежут всех своих жен и детей. Против Али паши и войск его, когда будут они их атаковать в городе их и крепости станут драться до того, пока умрут все до одного человека, российского и турецкого флагов, которые они имеют сами собою добровольно никак не оставят.

При таковых крайностях имели мы между собою в общем собрании в присутствии моем, Кадыр бея, присланного от Порты к нему министра Махмут Ефендрия, драгомана от Порты при мне находящегося и присланного секретаря от Али паши советовалися и полагали, чтобы Паргу оставить на время под нашим покровительством на основании островских жителей до высочайшей только конфирмации, как об ней повелено будет. Примет ли Али паша сей наш совет или нет, остаюсь я теперь еще в безызвестности, но жители Парги не отходят и не освобождают меня никакими отговорами, неотступно настоят и просят слезно, чтобы непременно приняли мы их в наше покровительство и чтобы я дал им хотя одного офицера с тремя или четырьмя солдатами и позволили бы иметь флаг наш на крепости, инако они решаются лучше умереть, нежели отдаться Али паше.

Всемилостивейший государь, таковые чувствительные обстоятельства повергают меня в великое сумнение, я замечаю, Блистательная Порта, конечно старается и намерена весь тот берег удержать в своем подданстве, потому опасаюсь я, чтобы сей случай не нанес какого-

либо безвинного на меня подозрения и негодования, тем паче предосторожность в рассуждении моей опасности понуждает меня сумневаться, что никакого предписания о установлении островов и всего прежде бывшего венецианского владения, как они должны остаться я не имею кроме того, что в конференции будучи полагалось со всеми обывателями сих мест поступать со всякой благосклонностью, приятством и дружеством, и по совету с нашим министром и по публикациям какие выданы от Порты манифестами от патриарха, сходно со оными поступаем мы и острова узаканиваем, на таковом точно основании, делая их вольными и на прежних правах до высочайшей конфирмации. Но Паргу, на матером берегу состоящую, по означенным обстоятельствам не смеем мы сами собою с Кадыр беем приступить и узаконить и чтобы дать им от нас для охранения их офицеров и служителей и теперь в таком я еще состоянии, ежели Али-паша не последует нашему совету, дать ли нам от себя в Паргу сколько нибудь людей на том основании или оставить ее вольною Али паше. Жители оного места от меня не отходят и не решаются ни на что другое, кроме просимого ими удовлетворения. Откровенно осмеливаюсь всеподданейше донесть Вашему императорскому величеству генерально все жители здешнего края, прежде бывшие в венецианском владении, бесподобную приверженность имеют к России и к Вашему императорскому величеству сими только средствами мы малым числом десантных наших войск побеждаем и берем крепости, которых великими турецкими войсками и без наших по мнению моему никак бы взять было невозможно, ибо жители островские все бы противу их вооружились и были бы преданы французам и с ними вместе дрались бы до последней крайности, словом по сие время действия наши простираются по учтивым и благоприятным нашим обращениям с островскими жителями, которых стараюсь я привлечь и уговорить, с нами действовать обще против французов. Жестокие поступки Али паши на берегу поколебали было сумлением и всех островских жителей, но как беспрерывно стараюсь я их успокаивать, то они с великой доверенностью ко мне идут вооружаться и действуют со мной. Теперь прибыл я с эскадрою в Корфу и жители с восхищением и с распростертыми руками нас принимают. Всемилостивейший государь, если бы я имел с собою один только полк российского сухопутного войска для десанта, непременно надеялся бы я Корфу взять, совокупно вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск кроме наших к тому не употреблять, жители будут служить нам по всей возможности и всеми силами, обстоятельства только мои не допускают увериться могу ли без десантных войск с людьми одними в эскадре нашей имеющимися ее взять, тем паче провиант на эскадре почти весь в расходе, остается на малое количество только дней, дров также почти нет, от Кадыр бея посланы суда в Морею за провиантом и за дровами, которой мы ожидаем, но таковое доставление провианта будет весьма медлительно и не может составить количества столько, чтобы путь наш был далеко от Корфу. Министр Вашего императорского величества в Константинополе находящийся, писал ко мне и установил как должно будет провиант заготовлять и доставлять ко мне, но это будет для будущего времени, за всем тем блокируя Корфу стараться буду надзирать, чтобы французы в здешнем крае нигде десант не высадили, действия наши буду располагать по известиям какие от стороны Анконы и из других мест получать буду.

Всеподданнейше осмеливаюсь просить Вашего императорского величества при столь важных и многотрудных делах какие случаются по всем сим обстоятельствам, не имею я хороших с достаточными сведениями письмоводцев, историографа, также нет живописца, которые могли бы все то описывать и делать что по уставу Вашего императорского величества полагается, дела же многие какие случаются весьма нужно бы вести исторически подробнее, нежели я, будучи занят множеством разных дел, то исправлять могу и необходимо надобны к сему отлично способные люди, о которых всеподданнейше прошу, есть-ли возможно, откудова надлежит всемилостивейше повелеть ко мне доставить. Потому можно бы иметь лучших переводчиков иностранных языков, при мне хотя и есть офицеры, знающие иностранные языки, но в письме и в переводе недостаточны, сколько бы желалось и надобно. В острове Корфу, по осведомлениям моим состоят в крепостях и на острове Видо французского гарнизона с присовокуплением к ним разных людей до 3-х тысяч человек, на кораблях под крепостью находящихся, на французском корабле 84-х пушечном при весьма отличной сильной своей артиллерии экипажу людей считая до осьми сот человек, на взятом от англичан в плен 60 пушечном считают не полной комплект, на одном фрегате, на двух бомбардирских и на нескольких еще судах сказывают людей недостаточно, а сколько числом еще неизвестно. Я сего числа с эскадрою подхожу в близость к крепости к острову Видо, намерен его атаковать и стараться десантом соединенных эскадр овладеть, а после действовать по обстоятельствам, что как способнее окажется».[1]

11

9 (20) ноября 1798 г. эскадра Ушакова прибыла к о. Корфу и стала на якорь в бухте Мисанги.

Предстояло самое трудное дело. Город Корфу был расположен между двумя крепостями: старой — венецианской — на крайней оконечности узкого гористого мыса, далеко вдающегося в море, и новой — чрезвычайно укрепленной силами французов земляными валами, искусственными водными преградами и стенами. Эта новая крепость состояла из трех отдельных мощных укреплений, соединенных подземными переходами, снабженных минами. Перед о. Корфу находится небольшой остров Видо, высокие горные возвышенности которого господствуют над городом и крепостью Корфу. Ушаков, окинув глазами местоположение и указывая на Видо, сказал: «вот ключ Корфы».

Ушаков установил тесную блокаду Корфу. Русская и турецкая эскадры расположились полукругом по внешнюю сторону о. Видо, причем русские корабли заняли фланги этой линии и находились против старой и новой крепостей. Но что было делать дальше? Сил для штурма могучих укреплений у Ушакова было совершенно недостаточно. Правда, в Константинополе его заверили, что всем пашам и правителям Мореи, Албании, Эпира посланы строгие приказы оказывать Ушакову всякую помощь и военными силами и продовольствием, какую только он потребует. Ушаков требовал, но ровно ничего не выходило. Провиант присылали часто негодный, а людей долго и вовсе не присылали.

---

[1] ЦГАВМФ, ф. Канцелярия адмирала Ушакова, дело № 6, лл. 72—76, протокольная запись.

Ушаков отрядил часть эскадры к порту Гуино (или Гуви), находившемуся в нескольких километрах от крепости, и здесь произвел первую высадку на о. Корфу. Французы уже старались от крепости не удаляться, и высадка совершилась благополучно. В городе Гуино и в окрестностях местное население приняло русских не менее радушно, чем на Цериго, Занте, о. Св. Мавры и Кефалонии. Самый город был разрушен французами довольно основательно перед их уходом оттуда в крепость, но все же русские моряки проводили здесь в течение своей долгой стоянки время довольно хорошо. Греки и итальянцы быстро сошлись с русскими.

«... Пустыня с развалинами преобразилась в веселое обиталище; все оживотворилось... и никто не помышлял о недостатках, им претерпеваемых. Надобно признаться, что одним только русским предоставлено творить подобные чудеса: щедрость их, гибкость в обхождении, расположение к удовольствиям всякого рода и легкость, с коею научаются они чужестранным языкам, сближают их весьма скоро со всеми народами».[1]

Тем не менее дело сильно затягивалось. Правда, флот Ушакова значительно пополнился за время долгого зимнего невольного бездействия. Во-первых, 9 (20) декабря к Ушакову явился от берегов Египта капитан 2 ранга Сорокин с двумя фрегатами. Он был отправлен Ушаковым к Александрии в свое время еще из Дарданелл и после трехмесячного стояния там, не получая ни от турок ни от англичан никакого провианта для своей команды, отбыл к о. Корфу. Сорокин за время своего участия в блокаде Александрии перехватил несколько судов, на которых французы пытались проскользнуть. У 18 французских офицеров, захваченных таким образом, оказалось в наличности 30 000 червонцев. Ушаков немедленно отпустил французов на честное слово во Францию, причем их деньги полностью были им возвращены после простого их заявления, что эти червонцы принадлежат лично им, а не французской казне.

«Собственность обезоруженных неприятелей была свято уважаема... (что крайне изумило и восхитило французов. — *Е. Т.*) в сию добычами преисполненную войну». А 30 декабря (10 января 1799 г.), после трудного плавания и задержек из-за противных ветров, к Ушакову явился и контр-адмирал Павел Васильевич Пустошкин, очень дельный, храбрый и талантливый моряк, учившийся с Ушаковым еще в Морском корпусе и отличившийся в 1791 г. в битве при Калиакрии. Теперь ему снова предстояло воевать под начальством своего прославленного школьного товарища. Пустошкин привел с собой два 70-пушечных корабля.

Подкрепление эскадры Ушакова кораблями Сорокина и Пустошкина было тем более необходимо, что на турецких «союзников» надежда была плоха. Французскому кораблю «Le Généreux» (именуемому в наших документах иногда «Женере», а иногда «Женероз») удалось после нескольких неудачных попыток в темную ночь проскользнуть мимо турецких судов и уйти в море. Когда Ушаков забил тревогу и послал своего офицера к турецкому контр-адмиралу, то оказалось, что контр-адмирал Фетих-бей был погружен в глубокий сон. Но даже в бодрственном виде турок оказался совершенно бесполезен. В момент, когда каждая секунда была дорога для организации погони, Фетих-

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 159.

бей вдруг открыл дискуссию: он заявил, что не надеется «уговорить свою команду» выйти в море, что его команда жалованья давно не получает, провианта тоже не получает, скучает по своим семействам и, вообще, стала такой сердитой, что нужно даже скрыть от нее требования Ушакова. А если француз и убежал, так, дескать, тем лучше, меньше их тут останется. Турок считал, что не только не стоит гнаться за беглецом, а напротив, нужно «дуть ему в паруса»!

Повидимому, эта неудача так раздражила и взволновала Ушакова, что он решился на шаг, который прямо диктовался сложившейся обстановкой. Приходилось опасаться, что решительно никто из пашей западного берега Балканского полуострова и не хочет и не может подать достаточную помощь войсками и провиантом, несмотря ни на какие фирманы, и главное — сделать это в срок. Единственным властителем, который мог, если бы захотел, оказать реальную поддержку, был Али-паша.

Ушаков решил обратиться к Али-паше.

Ускорить взятие Корфу представлялось неотложным еще и потому, что неприятельский гарнизон очень осмелел.

В момент прибытия русских к о. Корфу французских вооруженных сил на острове числилось около 3000 чел. Вооружение у французов было достаточное, провианта же было запасено на продолжительный срок. Командовавший французским гарнизоном генерал Шабо был человеком храбрым и решительным. Его офицеры и солдаты сражались на Корфу мужественно.

Учитывая все это, Ушаков не предпринимал рискованных попыток случайным налетом овладеть французскими укреплениями, а решил ждать обещанных подкреплений с берегов Мореи и Албании. Но жители Корфу, которым не терпелось покончить с французами, решили рискнуть. Инженер Маркати (грек) сформировал добровольческий отряд численностью около 1 500 чел., и Ушаков помог этому отряду, дав ему три орудия и прислав некоторое количество солдат. Первые действия отряда были довольно удачны; орудия причинили известный ущерб той части крепости, где французы не ожидали появления новой батареи. Однако спустя несколько дней французы произвели очень крупную вылазку, и местный отряд ударился в бегство. Русские не бежали, но были окружены и все погибли, кроме 17 чел., попавших в плен. Был взят в плен и Маркати, которого французы немедленно расстреляли, так же, как нескольких жителей Корфу, попавших с ним в плен. Русские же пленные были обменены на соответствующее число французов. Произошло все это 20 ноября (1 декабря) 1798 г. После этого успеха французы осмелели, их вылазки участились.

Ушаков принял меры к тому, чтобы сделать осаду более тесной, и это привело к прекращению вылазок, предпринимавшихся французами.

О том, чтобы заставить Ушакова снять осаду, французы, конечно, и думать не могли, но осада крепости затягивалась, так как для штурма ее нехватало десантных войск. Поэтому-то Ушакову и пришлось пойти на трудный и неприятный шаг — обратиться за помощью к Али-паше.

Трудность заключалась вовсе не в том, что янинский владыка мог отказать. Ушаков прекрасно понимал, что паша с величайшей готовностью выполнит просьбу. Деликатность предприятия состояла в том, чтобы, получив эту помощь от Али-паши, не отяготить себя никакими

обязательствами перед ним, а самое главное — не дать ему ни одного вершка территории Ионических островов.

Федор Федорович призвал снова Метаксу и, снабдив его точными инструкциями, отправил к Али-паше с письмом и с богатейшим подарком, — осыпанной бриллиантами и изумрудами табакеркой, оцененной в две тысячи золотых червонцев.

Начались переговоры. Положение русского импровизированного «дипломата» было нелегкое. Ведь чем, собственно, Метакса мог заинтересовать Али-пашу, кроме драгоценной табакерки? Ровно ничем, по крайней мере из того, о чем мечтал Али-паша.

Сначала переговоры шли, повидимому, не очень гладко. Али-паша, отчаявшись в возможности утвердиться на каком-либо из Ионических островов, требовал зато, чтобы Ушаков после взятия Корфу выдал бы ему в награду за помощь половину французской артиллерии и все мелкие французские суда, стоявшие на рейде (крупных там и не было).

«Много стоило мне труда дать ему уразуметь, — пишет Метакса, — что таковогo обещания не в силах дать ни сам султан Селим, потому что союзники почитают все Ионические острова не покоренною добычею, но землями, исторгнутыми токмо от владений французов, и в коих все до последней пушки должно оставаться неприкосновенным. Я Али-паше представил, что бескорыстное содействие даст ему случай обезоружить врагов своих при Порте Оттоманской, а особенно, Низед-пашу, бывшего тогда верховным визирем, и утвердить самого султана в хорошем об нем мнении, чем влияние его по всему матерому берегу еще более увеличится, что и высочайший российский двор не оставит, конечно, при случае оказать ему своего благоволения и наградит его щедрыми подарками». [1]

Долго не соглашался Али-паша «променять» пушки и галеры, в которых ему отказывали, на довольно неопределенные обещания будущих турецких и российских милостей. Помогло делу то, что очень уж к тому времени испортились отношения между этим опасным и сомнительным «губернатором» Эпира и константинопольским правительством.

«Он (Али-паша. — *Е. Т.*), — пишет Метакса, — казался мне весьма озлобленным на Порту, может быть и притворно». «...Я здесь силен, — говорил Али-паша Метаксе. — Скорее султан будет меня бояться в Стамбуле, нежели я его в Янине. Алчность к моим сокровищам заставит его может быть воевать со мною, но все они в заблуждении; я не так богат, как они думают». [2]

Все-таки Али-паша как раз в то время стал сильно побаиваться султана. Он даже пожаловался Метаксе, что алчные константинопольские министры берут у него большие взятки, а никакого толку от этого нет, — так уж часто этим министрам рубят головы в столице. «Едва сделаешь себе подпору и приятеля, он уже без головы, а ты без денег», [3] — так горько жаловался Али-паша, очевидно считая подобный непорядок прямо издевательством над своей личностью.

Али-паша в конце концов согласился оказать помощь Ушакову, может быть, именно сообразив, что это согласие в самом деле рассеет темную тучу, собиравшуюся против него в Константинополе. Но на

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 191.
[2] Там же, стр. 193.
[3] Там же, стр. 194.

одном условии Али-паша настаивал. «Скажи мне свое мнение откровенно, — внезапно спросил он Метаксу, — думаешь ли ты, что независимость, которую ваш адмирал провозглашает здесь, будет распространена и на греков матерого берега?» «Конечно нет, — отвечал Метакса, у которого был готов ответ на этот неизбежный вопрос, — прочие греки не под игом французов, как ионийцы, а подданные султана».[1] Тем самым Превеза оставалась в руках Али-паши, и он избавлялся от дальнейших беспокойств в своих владениях «на матером берегу».

Али-паша обещал прислать в помощь Ушакову 3000 чел. албанцев и отпустил Метаксу с подарками. Спустя несколько дней, 2 (13) февраля, Али-паша в богатейшей одежде и окруженный великолепной свитой явился с визитом к Ушакову на адмиральский корабль. А начиная с вечера 10 (21) февраля на фрегатах и других судах стали прибывать выделенные Али-пашой войска. Всего прибыло около 2500 албанцев вместо 3000 обещанных. Не обмануть гяура хоть немножко Али-паша никак не мог.

11 (22) февраля албанский отряд высадился в порту Гуино на о. Корфу. Как увидим дальше, особого толку от этого запоздавшего подкрепления не получилось, и албанцы (во всяком случае — большинство их) вызвали своим поведением такой гнев и такое презрение со стороны Ушакова, что он воспретил даже пускать их в город Корфу после окончательной своей победы. Неожиданно двое других пашей прислали Ушакову еще 1750 чел., так что в общем этих «албанцев» оказалось 4250 чел. Но и такая подмога была мизерна сравнительно с теми силами, какие были обещаны султаном (12 000 чел.).

Много хлопот было с албанцами, а польза оказалась совсем ничтожная. Не желая сражаться, они, однако, во время своего пребывания на Корфу обнаруживали большую энергию в грабежах, буйствах, нападениях на церкви с целью их ограбления и т. д. Штурм неприступных укреплений Корфу был произведен русскими. Все сделали русские и только русские, помощи они фактически ни от кого не получили

12

С прибытием присланного Али-пашой албанского отряда, а также небольших отрядов других пашей, Ушаков ускорил приготовления к штурму. Усилилась бомбардировка крепостных укреплений. Адмирал решил начать нападение с о. Видо, в то же время не прекращая и обстрела обеих крепостей о. Корфу.

Совершенно внезапно большинство албанского отряда отказалось участвовать в готовившемся общем штурме. Началось с того, что албанцы не пожелали участвовать в штурме Видо. Только ли тут действовало отсутствие дисциплины, свойственное бандам Али-паши и проявлявшееся особенно часто в тех случаях, когда сам предводитель отсутствовал, или же коварный Янинский паша дал понять командному составу посланного им отряда, что незачем особенно усердствовать, но результат оказался плачевным. «Для убеждения их адмирал (Ушаков. — *Е. Т.*) ездил сам на берег и обнадеживал их в успехе, видя же, что ничто не помогло албанцев убедить соединиться с нашими войсками, он хотел было понудить их строгостью к повиновению, но

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 194.

тогда они почти все разбежались, оставя начальников своих одних». Но эти начальники оказались вполне достойными своих подчиненных. «Адмирал, услыша от сих последних, что он предпринимает дело невозможное, усмехнулся и сказал им: «ступайте же и соберитесь все на гору при северной нашей батарее, и оттуда, сложа руки, смотрите, как я в глазах ваших возьму остров Видо и все его грозные батареи».[1] Только немногие из албанцев пошли за Ушаковым.

Нападение на Видо началось 18 февраля (1 марта). Сначала атаковали корабли флота. Французы очень энергично сопротивлялись, но в завязавшейся яростной артиллерийской дуэли перевес оказался явно на стороне русских. Уже к 11 часам утра артиллерия о. Видо стала умолкать. Тогда началась высадка десанта, сопротивляться которому французы не могли. Они сдавались, но турки, не слушая криков о пощаде, стали безжалостно резать неприятеля. Стараясь спасти пленных, русские моряки и солдаты окружили их стеной; было приказано стрелять по туркам, если они будут пытаться уничтожать сдающихся французов. «Сия решительная мера спасла жизнь всех, может быть, французов, — турки не пощадили бы, конечно, ни одного».[2] Пленных во главе с комендантом о. Видо генералом Пивроном благополучно доставили к Ушакову, пытавшиеся же уйти с Видо на лодках были потоплены выстрелами с русских кораблей.

Около половины французского гарнизона, оборонявшего остров, погибло. По данным Метаксы, из 800 рядовых французского гарнизона было взято в плен 422 чел., остальные пали в бою; из 21 офицера в плен попало 15. Русские потери были значительно меньше (около 125 чел. убитыми и ранеными). Турок было убито и ранено 78 чел., албанцев убито 23, ранено 82 чел.[3]

Оставалось решить еще очень серьезную задачу — нужно было взять обе крепости о. Корфу. Штурм главных укреплений Корфу был произведен войсками, заранее сосредоточенными здесь, и десантом, высаженным уже во время самого штурма под жестоким огнем французских батарей у самых стен и рвов крепостей, а также кораблями флота. Одно за другим наружные укрепления Корфу переходили после ожесточенного сопротивления французов в русские руки.

Взятие о. Видо, откуда русская артиллерия получила полную возможность беспрепятственно и почти безопасно для себя обстреливать крепость о. Корфу, и успешное занятие выдвинутых вперед наружных укреплений показали французам, что развязка наступает гораздо раньше, чем они рассчитывали. Главный комиссар Директории Дюбуа и генерал Шабо, комендант о. Корфу, прислали 19 февраля (2 марта) к Ушакову трех офицеров с предложением принять их сдачу и начать переговоры. Ушаков ответил, что он прекращает на 24 часа военные действия.

Характерные детали сдачи Корфу русской эскадре зафиксированы в корабельном журнале корабля «Захарий и Елизавета», команда которого принимала участие в приеме пленных французов и военного имущества (даты в документе — по старому стилю).

«Февраля 19. 19 числа приезжал на корабль «Павел» из крепости Корфу на французской лодке под нашим и французским флагами адъютант французского генерала, командовавшего в крепости гарнизо-

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 215.
[2] Там же, стр. 213.
[3] Там же, стр. 216.

ном и с ним два офицера армейских, привезя письмо к главнокомандующему от оного генерала Шабо и генерал-комиссара Дебуа, в коем просили остановить военные действия и пролитие крови храбрых войск с обеих сторон и положить сроку о договорах до сдачи крепостей, Корфу касающихся. Главнокомандующий, согласясь с командующим турецкой эскадрой, спустя малое время отправил одного адъютанта в крепость с ответом, дав сроку учинить договоры в 24 часа, приказывая на такое время прекратить военные действия во всех местах; в 5 часов пополудни главнокомандующий отправил в крепость Корфу флота лейтенанта Балабина, отправляющего должность при нем адъютанта, с договорами, по коим главнокомандующий обеих эскадр требовал сдачи крепостей, которой в 9 часов пополудни возвратился обратно на эскадру.

20 февраля. 20 числа приехали на корабль «Павел» под нашим и французским военными флагами из крепости Корфу на лодке французские комиссары для утверждения и размены договоров; тогда приехал на оной же корабль командующий турецкой эскадры адмирал Кадыр бей и с ним определенный от Дивана во флот министр Махмуд Ефендий, которые заседали обще с адмиралом Ушаковым и французскими чиновниками при заключении капитуляции о сдаче Корфу. По заключении оной отправил обратно в крепость с майором нашей эскадры Боаселем для подписания сих договоров начальствующими в крепости генералитетом и оной майор Боасель с подписанной капитуляциею вскорости возвратился, в которой заключалось: крепости Корфу с артиллерией, аммуничными запасами, съестными припасами, материалами и всеми казенными вещьми, которые ныне состоят в арсенале и магазинах, также все вещи казенные, как состоящие в городском ведомстве, так и принадлежащие гарнизону, в том числе корабль «Леандр» («Leander». — *Е. Т.*), фрегат «Бруна» («La Brune». — *Е. Т.*) и все другие суда республики французской сданы быть имеют во всей целости по описи определенным от российской и турецкой эскадр комиссарам; гарнизон французской чрез один день от подписания капитуляции при военных почестях выйдет из всех крепостей и ворот, которые он ныне занимает и, будучи поставлен в строй, положит оружие и знамена свои, исключая генералов и всех офицеров и прочих чиновников, которые останутся при своем оружии.

После сего оный гарнизон с собственным его экипажем перевезен будет в Тулон на судах наймом и содержанием российской и турецкой эскадр под прикрытием военных судов, и дивизионному генералу Шабо со всем его штатом, разными чиновниками позволено отправиться в Тулон, или в Анкону, из оных мест, куда он пожелает коштом договаривающихся держав; генералитет и весь французский гарнизон обязывается честным словом в течение 18 месяцев отнюдь не принять оружие против империи всероссийской и Порты Оттоманской и их союзников.

Французы, попавшиеся в плен во время осады Корфу, на тех же правах отправлены будут вместе с французским гарнизоном в Тулон с обязательством на честное слово не принимать оружия противу помянутых империй и союзников их во все течение настоящей войны, пока размена их с обоими империями российскою и турецкою учинена не будет. Больные ж, остающиеся здесь из французского гарнизона по невозможности следовать за оным, будут содержаны наравне с боль-

ными российскими и турецкими на коште договаривающихся держав, а по излечении отправлены будут в Тулон...

Февраля 22. 22 числа по возвещении утренней зори сигналом велено обеим эскадрам сняться с якоря и итти между крепостями Корфу и острова Видо, куда подошли и стали линиею всему рейду на якоря, окружая все крепости оною и легли на шпринг противу оных крепостей для предосторожности...

Пополудни того же числа, французский гарнизон, выходя из крепости в надлежащем устройстве, положил пред фрунтом наших войск свои ружья и знамя сходно с капитуляциею. Войска наши приняв оные и всю аммуницию немедленно заняли все укрепленные места нашим караулом, в сие ж время французские флаги с крепостей спущены и подняты на оных то ж на корабле «Леандре», фрегате «Бруна» и прочих судах флаги союзных держав и со оных крепостей салютовано адмиральскому флагу из 7 пушек, которым ответствовано равным числом в то ж время главнокомандующему привезены на корабле «Св. Павел» французские флаги с крепостей и с судов, знамя гарнизона, то ж и ключи от всех крепостей, ворот и от магазин, которой обще с генералитетом и протчими командующими отправились в Корфу в церковь св. чудотворца Спиридона для принесения господу богу благодарственного молебствия. По сходе на берег встречены были множеством народа и первейшими жителями обще с духовенством с величайшею почестью и восклицанциями, возглашая благодарность всемилостивейшему государю императору Павлу Петровичу за избавление их от ига неприятельского, производя беспрерывный колокольный звон и ружейную пальбу во всех домах, из окон вывешены были шелковые материи и флаги первого адмирала, которые также многие из жителей, держа в руках, теснились, желая видеть своих избавителей, а по выслушании благодарственного молебствия главнокомандующие эскадрами с протчими возвратились на корабли.

В крепостях острова Корфу при приеме по осмотру определенных оказалось мортир медных разных калибров 92, чугунных 9-ти пудовых каменнострельных 13, голубиц (гаубиц. — *Е. Т.*) медных 21, пушек медных разных калибров 323, чугунных разного калибра 187, ружей годных 5495, бомб разного калибра чиненных 545, нечиненных 36 849, гранат чиненных 2116, нечиненных 209, древгаглов 1482, ядер чугунных разных калибров 137 тысяч, кнепелей 12 708, пуль свинцовых ружейных 132 тысячи, пороху разных сортов 3060 пудов, пшеницы немолотой в разных магазинах до 2500 четвертей и некоторых морского и сухопутного провианта по числу французского гарнизона месяца на полтора, также оказалось во многих магазинах по разным должностям припасов и материалов немалое количество. Судов при Корфу находящихся: корабль 54-х пушечной, обшитый медью «Леандр», фрегат 32 пушечной «Бруна», поляка «Экспедицион» о 8 пушках медных, одно бомбардирское судно, галер 2, полугалер годных 4, негодных 3, бригантин негодных 4 и 3 купеческие судна и оные купеческие судна надлежит казне или хозяевам; велено комиссии об них сделать рассмотрение; в порте Гуви один 66-ти пушечной корабль ветхой, также один корабль, 2 фрегата ветхие, затопшие при крепости; же Корфу и в порте Гуви нашлось не малое количество дубовых и сосновых лесов годных ко исправлению кораблей и в перемену рангоута...

23 февраля. 23 числа послано на корабль «Леандр» пристойное число жителей для его исправления, а на фрегат «Бруна» посланы

служители с турецкой эскадры, которой по согласию главнокомандующих соединенными эскадрами взят турками, а корабль «Леандр» достался российской эскадре».[1]

Итак, произошла сдача на капитуляцию сильнейшей по тому времени крепости с большим и храбрым гарнизоном, со значительными запасами вооружения и провианта. В общем французов сдалось на Корфу 2931 чел., во главе с генеральным комиссаром французской республики и тремя генералами. Из указанного числа сдавшихся пехоты было 2030 чел., артиллеристов 387 чел., моряков 379 чел., инженерного корпуса 56 чел., гражданских чиновников 52 чел.

13

Документальные данные о сдаче Корфу следует дополнить рассказом летописца и участника экспедиции Метаксы.

Торжественное шествие Ушакова по улицам города было встречено неописуемым энтузиазмом населения, богато украсившего свои дома.

«Радость греков была неописанна и непритворна. Русские зашли, как будто, в свою родину. Все казались братьями, многие дети, влекомые матерями навстречу войск наших, целовали руки наших солдат, как бы отцовские. Сии, не зная греческого языка, довольствовались кланяться на все стороны и повторяли: «Здравствуйте, православные!», на что греки отвечали громкими «ура!»[2]

Из французских судов погибли корабль и два фрегата. Русские захватили 54-пушечный корабль «Leander» и фрегат «La Brune» (называвшийся в наших источниках «Бруна», «Брюно», «Ла Брюнь»).[3] Сверх того, победителю досталось несколько мелких судов. Трофеи, найденные в крепости, как мы видели, были очень значительны.

Взятие Корфу завершало полную победу Ушакова — овладение русскими всей группой Ионических островов. Военные люди в Европе не могли притти в себя от удивления: флот взял сильнейшую крепость!

Едва ли не лучшей квалификацией действий Ушакова и его моряков были облетевшие весь флот слова поздравления, посланного Суворовым Ушакову:

«Великий Петр наш жив. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!... Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»[4]

Пленные французские генералы, сами очень мужественно, стойко и искусно выдерживавшие осаду и конечный штурм, — Шабо, Дюбуа, Ливрон и Верьер, — прибыли к Ушакову на корабль.

«Французские генералы, выхваляя благоразумные распоряжения адмирала и храбрость русских войск, признавались, что никогда не воображали себе, чтобы мы с одними кораблями могли приступить к страшным батареям Корфы и острова Видо, что таковая смелость едва ли была когда нибудь видана... Они еще были более поражены великодушием и человеколюбием русских воинов, что им одним обя-

---

[1] ЦГАВМФ, ф. Сборный, дело № 1064, лл. 36—41.

[2] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 220.

[3] «Leander» был кораблем английским, в свое время взятым в плен французами, и Павел велел впоследствии вернуть его англичанам, которые все же заплатили за него 8000 фунтов стерлингов. Фрегат «La Brune» был отдан туркам.

[4] История русской армии и флота, т. IX. Москва, 1913, стр. 57.

заны сотни французов сохранением своей жизни, исторгнутой силою от рук мусульман».[1]

Награды, ордена, богатые дары, лестные грамоты посыпались на Ушакова, но не столько от Павла, сколько от султана Селима III. Депутации от населения не только о. Корфу, но и от ранее освобожденных Ушаковым островов Цериго, Занте, Св. Мавры и Кефалонии одна за другой выражали свою горячую благодарность и свои восторженные поздравления. Они подчеркивали, что русский адмирал даровал им самоуправление, свободу, водворил спокойствие и тишину, «утвердил между всеми сословиями дружбу и согласие». Это был явный намек на то, что Ушаков не позволил обижать и притеснять решительно никого из лиц, подозреваемых в «якобинстве» и в приверженности к французам. Ушаков разработал основы той временной «конституции», которую он установил на островах: самоуправление каждого отдельного острова посредством органа, избранного не только от дворян, купцов и вообще зажиточного населения (повидимому, владельцев домов, виноградников, усадеб), но и от крестьян, и наличие в качестве верховного органа «Сената семи соединенных островов» из делегатов от этих отдельных органов самоуправления, собирающегося на о. Корфу и решающего дела, затрагивающие общие интересы островов. Этим органам самоуправления поручалась организация администрации и суда. У нас нет точных данных о том, как именно в это время происходили выборы, как функционировали органы самоуправления, каковы фактически были действия сената на Корфу и т. п. Да и слишком короток был срок существования этого самоуправления.[2] Однако очень показательно, что население Ионических островов смотрело с величайшей радостью на то упорядоченное, безопасное, спокойное существование, которое дали им и поддерживали у них в течение всего своего пребывания Ушаков и его моряки. Когда летом 1800 г. Ушаков окончательно покидал Средиземное море, Сенат Ионических островов, снова и снова благодаря Ушакова за «столькие благодеяния», объявил торжественно, что народ Ионических островов «единогласно возглашает Ушакова отцом своим».

Подобные же горячие приветствия и изъявления бесконечной благодарности получены были русским адмиралом от каждого из освобожденных им островов. Население о. Корфу поднесло Ушакову великолепно украшенный алмазами меч, остров Занте — золотой меч, остров Кефалония — золотую медаль, на которой были выбиты портрет адмирала и надпись «За спасение Ионического острова Кефалонии», и т. д.

В сущности, Ушаков создал впредь до окончательного решения союзных правительств почти совсем самостоятельную республику под временным протекторатом России и Турции. Фактически никаких вмешательств со стороны русской военной власти во внутренние дела Ионических островов не было.

Очень характерно для Ушакова и для всей исторической обстановки, что данное им государственное устройство показалось кое-кому из заправил среди населения Ионических островов слишком уж «демократическим» и либеральным. Когда Ушаков уехал из Корфу в Сицилию, какие-то самозванные делегаты с о. Корфу съездили в Константи-

---

[1] Цит. соч. Е. Метаксы, стр. 222.

[2] В 1807 г., согласно условиям Тильзитского мира, острова, к величайшему прискорбию их населения, попали снова в руки французов.

нополь и «упросили министерство Порты и русского посланника Томару изменить конституцию и одному дворянству предоставить всю власть», тогда как Ушаков устроил «Сенат островов» именно так, что «Сенат и все присутствия составлены были из депутатов той и другой стороны поровну» с целью «примирения двух партий на островах, сильно враждовавших: дворян и поселян».[1] Конечно, дворянам удалось у посланника Павла I и у султана Селима III добиться всего, чего они хотели: ушаковская конституция была испорчена, потому что равенства с «поселянами» дворяне не хотели. В 1800 г. Ушаков короткое время побывал на о. Корфу и старался отстоять дело справедливости, «предвидя пагубные последствия и междоусобную войну» от этих дворянских происков. Но затем он уже навсегда покинул острова. Ушаков имел тогда случай убедиться документально, что дворян поддерживают тайно и англичане и австрийцы. В особенности Австрия была недовольна «нравственным влиянием на островах этих», которое внес Ушаков своими славными победами и своим слишком на австрийский взгляд демократическим законодательством.

Высоко вознес Ушаков честь русского знамени в этом краю. Слава его военных успехов и лестные, даже часто восторженные слухи о его великодушии разносились среди греческого и славянского населения южнобалканских и островных владений Турции.

14

Но среди триумфов адмирал Ушаков не переставал помнить, что его миссия еще далеко не кончена и что большая тягота предстоит в ближайшем будущем. Он мог предвидеть, что начинается новая страница его средиземноморской эпопеи и что опять ему придется считаться не только с неприятелем, но и с «союзниками», происки и тайные интриги которых представят бо́льшую трудность, чем борьба с примитивными восточными хитростями Али-паши Янинского или противодействие обманным махинациям повелителя правоверных Селима III да «сюрпризам» со стороны турецких адмиралов вроде Фетих-бея, отказавшегося итти в погоню за бежавшим неприятельским кораблем на том основании, что команда может «рассердиться», если ей предложить выйти в море.

Раздражало и беспокоило Ушакова также очень неутешительное положение его эскадры с точки зрения снабжения продовольствием и всем необходимым.

Продовольствие эскадры Ушакова зависело от двух ведомств снабжения: русского и турецкого. Можно себе без труда представить, как хорошо кормили ушаковских моряков турки. Но и из России все запаздывало.

Вот что писал, например, Ушаков «верховному визирю Юссуф-Зыю-паше» 30 марта (10 апреля) 1799 г.:

«Непременным долгом поставляю донести вашей светлости, что для продовольствия служителей вверенной мне эскадры, морской провиант из Константинополя и из Мореи привозят на судах совсем негодный; сухари из нечистого разного хлеба, смешанного с мякиною и костикой, весьма худы и притом много гнилых; вместо гороху, бобы совсем негодные, не развариваются и доставляют не суп, а одну черную воду,

---

[1] Р. Скаловский, цит. соч., стр. 340—341.

почему служители есть их не могут; вместо гречневых и ячневых круп, худой нечистый булгур, смешанный с ячменем и овсом, и в которых множество целых зерен ячменных и овсяных, так что сколько его не разваривают, зерна сии и мякину проглотить весьма трудно; вино красное привозят сборное из разных мест Мореи, малыми количествами, огорклое, с гарпиусом, окислое и к употреблению негодное; мяса соленого в привозе к нам и по сие время еще нет; малыми количествами и весьма дорогою ценою покупаю я его здесь, но и денег на покупку теперь у меня в наличии не имеется. От худой провизии служители мне вверенные начали во многом числе заболевать и умирать, и старший доктор с медицинскими чинами, освидетельствовавший нашу провизию, нашли, что люди больными делаются единственно от нее и представляют, чтобы такую худую провизию в пищу людям не производить. Посему всепокорнейше прошу вашу светлость повелеть как наискорее к нам провизию доставить лучшего качества, а худую повелеть выбросить в море или сложить куда нибудь в магазины». [1]

Но визирь сам воровал гораздо больше всех тех, на кого Ушаков мог приносить непосредственную жалобу. У кого же просить помощи? Ушаков и к русским властям обращался, но толку также не получалось. Отпускаемые казной деньги застревали по дороге.

Организация снабжения была поставлена и в русском и в турецком адмиралтействах из рук вон плохо. Одни суда с провиантом, отправленные из Константинополя, «в зимнее время разбились», другие пришли с опозданием на четыре месяца.

Таким образом, поддержки «тыла» Ушаков в эту многотрудную весну 1799 г. почти никакой не имел, и это его угнетало и раздражало. «Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров, — писал Ушаков 31 марта (11 апреля) 1799 г. русскому посланнику в Константинополе Томаре, — чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабжений, и в такой крайности, в какой мы теперь находимся. Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только по крайней мере довольствовали нас провиантом, порционами и жалованьем как следует, и служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду, и чтобы при том корабли наши было чем исправить и мы не могли бы иметь уныния от напрасной стоянки и невозможности действовать». [2]

Кстати заметим, что и с наградами не очень расщедрились при дворе Павла Петровича. В Петербурге отделались очередным для Ушакова орденом Александра Невского и, в сущности, минимальным, если можно так выразиться, общим признанием великих заслуг Ушакова. Прав был адмирал, когда писал впоследствии 14 (25) августа 1799 г. русскому посланнику в Константинополе Томаре: «За все мои старания и столь многие неусыпные труды из Петербурга не замечаю соответствия. Вижу, что конечно я кем нибудь или какими нибудь облыжностями расстроен; но могу чистосердечно уверить, что другой на моем месте может быть и третьей части не исполнил того, что я делаю. Душою и всем моим состоянием предан службе и ни о чем более не думаю, как об одной пользе государевой. Зависть быть может против меня действует за Корфу; я и слова благоприятного никакого не получил». [3] Впрочем, сам Томара был невиновен в интригах против Уша-

[1] Р. Скаловский, цит. соч., стр. 433—434.
[2] Там же, стр. 435.
[3] Там же, стр. 349.

кова. Вскоре после того, как Томара узнал о взятии Корфу, он писал Павлу, что «многие из министров турецких в последнее время открыто говорили, что крепость без надлежащей осады и обыкновенно употребляемых при атаке средств, взята быть не может».[1]

Вчитываясь в письма Ушакова с о. Корфу, мы чувствуем, что кроме безобразно организованного снабжения его эскадры, кроме вечной лжи со стороны турок и продажного турецкого правительства, кроме предательских козней Али-паши, адмирала раздражало еще нечто, о чем он почти вовсе не упоминает, если не считать редких, как бы невольно прорывающихся слов. Ушакова заливали лестью, восторженными приветствиями, осыпали восточными дифирамбами за взятие Корфу, завершившее так блестяще всю эпопею завоевания русским флотом Ионических островов, ему рукоплескали в Константинополе, его венчали лаврами освобожденные им греческие островитяне, но «иглы тайные сурово язвили славное чело»...

Раздражали и беспокоили Ушакова вежливые, но настойчивые требования Нельсона, давно уже звавшего его прочь от Ионических островов, ждавшего его там, где у России не было никаких интересов, но где англичанам нужна была русская кровь и русская помощь.

Настала теперь пора коснуться вопроса об отношениях Ушакова с Нельсоном. Эта тема является вполне естественным и необходимым заключением первой части эпопеи ушаковского флота в Средиземном море и как бы прямым предисловием ко второй части: от действий русской эскадры на Ионических островах — к действиям у южно-итальянских берегов, в Калабрии, Апулии, Неаполе, Риме.

15

Непохож был великий русский флотоводец Ушаков на английского адмирала Нельсона. Наш Ушаков, идя абсолютно самостоятельным путем, явился творцом новой, наступательной тактики. Он не только поломал все догмы застывшей линейной тактики, господствовавшей в западно-европейских флотах того времени, но разработал и практически осуществил новые маневренные формы боя. Нельсон же, особенно сначала, был счастливым последователем и продолжателем своего соотечественника Клерка, талантливым реализатором его идей. Ушаков проявил себя как блестящий новатор морского боя и одержал замечательные морские победы, еще не имея никакого понятия о Нельсоне, задолго до того, как Нельсон получил сколько-нибудь самостоятельное положение в британском флоте, что случилось лишь в 1797 г., когда он отличился в сражении близ мыса С.-Винцента.

Западно-европейская историография отчасти по неведению, отчасти умышленно замалчивала Ушакова. В то же время она обстоятельно изучала и превозносила Нельсона. Да и у нас в России потомство долго было к Ушакову так же неблагодарно и несправедливо, как Александр I и тогдашние вельможи из русского морского ведомства.

В силу всего этого посмертная слава Нельсона оказалась быстро утвердившейся, в то время как заслуги Ушакова не были достаточно

---

[1] Р. Скаловский, цит. соч., стр. 350.

оценены и высокий талант его не получил справедливого и своевременного признания.

Но главное и основное несходство между двумя флотоводцами было в свойствах морального порядка. «Дурной памятник дурному человеку», — так выразился о колонне Нельсона на Трафальгарской площади в Лондоне наш Герцен, вообще говоря любивший и уважавший Англию и английский народный характер и ставивший английскую честность в частной жизни, английское чувство независимости, английское свободолюбие очень высоко.

Приговор Герцена звучит слишком резко. Нельсон был, конечно, геройски храбрым, бескорыстно самоотверженным военачальником, преданным своей родине патриотом. Человек, потерявший в боях руку, глаз и, наконец, в завершающий момент своей последней победы, не колеблясь, подставивший под неприятельский огонь в самом опасном месте свое давно искалеченное тело, заслуживает более лестной характеристики, чем та, которая дана Герценом. Но если сравнивать моральные качества Ушакова и Нельсона, то становится очевидным, что последнему было совершенно незнакомо то великодушие к поверженному врагу, то рыцарское отношение к противнику, то уважение к ценности человеческой жизни, которые так ярко проявлялись в Ушакове. Наш герой в этом смысле был, не колеблясь говорим, бесконечно выше Нельсона. Объяснять чудовищные злодеяния, без малейшего протеста допущенные Нельсоном в Неаполе и других местах, тем, что он очень уж ненавидел «якобинцев», извинять позорное, коварное нарушение подписанной капитуляции и повешение капитулировавших (например, адмирала Караччиоло), оправдывать эти поступки прискорбным влиянием «порочной сирены» (a wicked siren) — любовницы адмирала, жестокой садистки Эммы Гамильтон — трудно, и все такие ухищрения некоторых биографов Нельсона, конечно, не могут заставить забыть об этих черных делах его. Ушаков тоже не был «якобинцем», но он, посылая, согласно заданию, своих моряков и солдат изгонять французов из Неаполитанского королевства, боролся только с вооруженным врагом и не позволял бросать в огонь, жарить на кострах, пытать мужчин и женщин за то, что они считались республиканцами. Наоборот, моряки и солдаты Ушакова спасали несчастных людей, которых монархические банды королевы Каролины и кардинала Руффо, ничуть не сдерживавшиеся всемогущим в тот момент в Неаполе адмиралом Нельсоном, гнали, как диких зверей, предавали неслыханным истязаниям. «Evviva il ammirale!» («Да здравствует адмирал Нельсон!» — восторженно вопили озверелые «защитники трона и алтаря», заливая кровью беззащитных жертв улицы Неаполя. И было счастьем, если этим жертвам удавалось во-время укрыться под защиту высаженных ушаковской эскадрой русских моряков.

Еще до упомянутых кровавых происшествий Ушакову пришлось считаться с тайным недоброжелательством Нельсона. Проявляя внешнюю любезность, он терпеть не мог русских и их начальника. Нельсон опасался успехов русских в Средиземном море, в то же время нуждаясь в их помощи.

Жизненные пути двух флотоводцев в 1798—1799 гг. скрестились. «Официально» они явились со своими эскадрами в Средиземное море делать одно и то же дело: изгнать французов с Ионических островов, с Мальты, из Южной Италии и прочно блокировать французскую армию в Египте. А «неофициально» Нельсон с подозрительностью,

с тревогой, с ревностью и, быть может, даже с еще более сильными чувствами следил за каждым движением Ушакова. «Я ненавижу русских» («I hate the Russians»), — не скрывая от окружающих, говорил он.

В течение всей второй половины XVIII в. в британской внешней политике боролись две тенденции, которые не совсем точно, но достаточно выразительно обозначали как руссофильскую и руссофобскую. Самым ярким представителем первой был Вильям Питт Старший (лорд Чэтем), самым решительным представителем второй был впоследствии сын его Вильям Питт Младший. Питт Старший был убежден, как и подавляющее большинство руководящих английских политиков его поколения (середина XVIII столетия), что главным, поистине смертельным врагом Англии была, есть и останется на веки веков Франция — гегемон могучего союза «бурбонских дворов» (Франции, Испании и королевства Обеих Сицилий) — и что с этой точки зрения следует всецело итти по той линии, по которой и без того ведут Англию ее серьезные экономические интересы, т. е. по прямому пути к заключению союза с Россией. Открыто враждебная по отношению к России политика руководителя французской дипломатии герцога Шуазеля очень была на руку Вильяму Питту Старшему и его последователям, потому что, по мнению англичан, это могло втянуть Екатерину в вооруженную борьбу против Франции. Вот почему русским удалось при решительной поддержке Англии, игнорируя все угрозы Шуазеля, притти в 1770 г. в Архипелаг, потопить при Чесме турецкий флот, четыре года владеть почти всеми островами Архипелага и спокойно вернуться на родину. Но еще при жизни лорда Чэтема (уже давно не бывшего у власти) международное положение стало сильно меняться. Кучук-Кайнарджийский мир, присоединение Крыма к России, новая русско-турецкая война, взятие Очакова, казавшийся прочным союз России с Австрией, — все это стало сильно менять настроение новых английских кабинетов. Провозглашение Екатериной «вооруженного нейтралитета» разрушило окончательно мечты о союзе Англии с Россией, и английский посол Гаррис (впоследствии лорд Мэлмсбери) был отозван из Петербурга, отчаявшись в том, что ему когда-нибудь удастся разгадать все лукавства Екатерины II, которую он раздражительно сравнивал с петербургской летней ночью: сколько ни смотришь, никак не поймешь — светло или темно?

Бразды правления в Англии с декабря 1783 г. попали фактически в руки (тогда 24-летнего) Вильяма Питта Младшего. Сообразно с изменившимися условиями, особенно с 1789 г., когда Франция временно выбыла из строя в качестве главного врага, Питт Младший повел решительную борьбу против России, и в 1790—1791 гг. обстановка неоднократно казалась близкой к объявлению войны. Начавшееся постепенное превращение оборонительной войны французов в захватническую, поразительные военные успехи последних, гнетущая необходимость в русской помощи — все это вынудило Питта Младшего снова обратиться к русскому союзу, о котором так долго и тщетно мечтал его отец, граф Чэтем.

Теперь, при Павле Петровиче, английские дела казалось бы пошли на лад. Питт Младший уже мог не бояться нареканий, что русские только дурачат его обещаниями оказать военную помощь против французов (как это было вплоть до конца царствования Екатерины). Павел заключил союз с Австрией, с Англией, с королевством Обеих Сицилий,

послал войска, послал корабли. Суворов оказался в Северной Италии, Ушаков действовал в Средиземном море. Но как Вильям Питт Младший не верил Павлу, так и Нельсон не верил Ушакову. Правда, Ушаков тоже нисколько не верил «союзникам» и гораздо быстрее, чем царь в Петербурге, проник во все извилины их политики, насколько это было возможно при сравнительно ограниченной сфере его непосредственных наблюдений и действий.

Дело обстояло так. Человек поколения Вильяма Питта Младшего, Нельсон с первого момента появления Ушакова в Средиземном море не доверял русским планам и старался их парировать, насколько это было возможно при внешне «союзнических» отношениях. Он вырос, приобрел политические воззрения, симпатии и антипатии именно в те годы, когда Питт Младший круто повернул руль британской политики. И не мог Нельсон никак перемениться в столь коротенький срок, как несколько месяцев, предшествовавших созданию второй коалиции. И камень за пазухой, который Нельсон всегда держал против русских, был явственным — Ушаков его сейчас же заметил. Нельсон был очень хорошим адмиралом, но довольно посредственным дипломатом, и в этом отношении тягаться с нашим Федором Федоровичем ему было нелегко.

Адмиралы прежде всего не могли не столкнуться на решении вопроса о направлении ближайших ударов по их общему врагу. Англичанин желал, чтобы Ушаков взял на себя большой труд по блокаде Александрии и вообще египетских берегов, чтобы не выпустить большую французскую армию, с помощью которой генерал Бонапарт завоевал Египет. Потом русские должны были помочь своими морскими и сухопутными силами освобождению Южной Италии от французов. Вот и все. А затем — лучше всего, чтобы русские убрались без особых промедлений туда, откуда пришли, т. е. в Черное море. Главное — воспрепятствовать русским обосноваться самим в качестве освободителей от французского завоевания на Ионических островах и на Мальте.

Опасность с точки зрения английских интересов Нельсон усматривал двойную. Для Ионических островов (и прежде всего для Корфу) — вследствие того, что если русские выбьют оттуда французов, то уж их-то самих никто и никак не изгонит и, следовательно, колоссальной важности морская позиция попадет в прочное обладание России. Между тем, как же воспрепятствовать русским отвоевывать Ионические острова у французов, когда именно за этим русско-турецкая эскадра и прибыла? Опасность для Мальты казалась Нельсону еще более очевидной: русский император являлся гроссмейстером ордена Мальтийских рыцарей, и если русские утвердятся на Мальте, перебив или забрав в плен французов, то уж подавно ни за что оттуда не уйдут, а заявят, что с помощью божьей вернули русскому царю его достояние.

Таковы были цели и таковы были опасения Нельсона в первое время после появления Ушакова в Средиземном море.

Что касается Ушакова, то его пути были предначертаны не только официальной инструкцией, но и ясным пониманием русских интересов, поскольку их возможно было учесть и оградить в той сложной внешней и дипломатической обстановке, в которой адмирал очутился.

Постараемся восстановить документальную картину отношений Ушакова с Нельсоном с самого начала экспедиции.

Прибыв в Константинополь, Ушаков 31 августа (11 сентября) 1798 г. написал Нельсону о том, что у него есть 6 кораблей, 6 фрегатов, один «репетичный» фрегат и 3 авизо. Он поздравил Нельсона с победой при Абукире («при реке Ниле») и заявил, что заочно рекомендует себя «в благоприятство и дружбу». Ушаков сообщил, что Порта обещает выделить ему в помощь эскадру из шести кораблей, 10 фрегатов и 30 мелких судов, причем дает задание охранять берега Турецкой империи, Архипелаг, Морею и изгнать, «если возможно», французов с Ионических («Венецианских») островов. «А оттоль, ежели окажется в них надобность», отрядить суда и для осады Александрии. Ушаков просил адмирала Нельсона сообщить, в состоянии ли английский флот «закрывать сторону Средиземного моря между Сицилии и Африки (sic!)». [1]

Вообще из этого письма видно, что Ушаков хотел бы предоставить Нельсону действовать у берегов Египта и в центральной части Средиземного моря по возможности без русской помощи. Все же он обещал, если окажется надобность, дать Нельсону из своей и турецкой эскадры для блокады Александрии 4 фрегата и 10 канонерских лодок. Не получая ответа, Ушаков вторично написал о том же Нельсону 12 (23) сентября. [2] На следующий день Ушаков обратился и непосредственно к «начальнику английского отряда судов, блокирующих Александрию», с просьбой уведомить, нужна ли тому русско-турецкая помощь. Ответ он просил направить командиру эскадры из четырех фрегатов и 10 канонерских лодок, которая посылается им к о. Родосу и будет там ждать уведомления.[3] Только 6 (17) ноября 1798 г. Нельсон впервые написал Ушакову письмо, содержащее приветствие, но ни одним словом не касавшееся вопросов Ушакова. Ушаков также отозвался коротеньким любезным приветствием, где упомянул о писанных ранее Нельсону письмах, но не повторил уже своих вопросов.[4] Это весьма понятно. Ушаков обязан был предложить помощь, но желать ослабления своей эскадры, желать траты людей и судов под Александрией он не мог. Настивать на посылке русских судов ему не приходилось.

Ушаков знал, что Ионические острова — ключ к Адриатике и к Архипелагу, и он твердо решил не уходить оттуда, пока этот ключ не окажется полностью в руках России.

1 (12) декабря Нельсон написал Ушакову из Неаполя:

«Сэр, я был польщен любезным и лестным письмом вашим... и я буду горд вашей доброй и ценной дружбой... Я еще не слышал о соединении перед Александрией турецкой и русской эскадр с моим уважаемым другом капитаном Гудом, которого я оставил начальствовать блокадой». Дальше Нельсон с ударением пишет, что надеется скоро овладеть Мальтой, «где развевается неаполитанский флаг, под сенью которого сражаются храбрые мальтийцы».

Не довольствуясь этим, спустя два дня, уже 3 (14) декабря, Нельсон еще приписывает в пост-скриптуме следующий выговор Ушакову: «Только что прибыл из Александрии английский фрегат, и я вижу

[1] Р. Скаловский, цит. соч., стр. 367—369.
[2] Там же, стр. 369.
[3] Там же, стр. 371.
[4] Там же, стр. 381—383.

с истинным сожалением, что еще 26 ноября (нов. стиля. — *Е. Т.*) не прибыла никакая эскадра, чтобы помочь капитану Гуду, который уже давно нуждался в продовольствии и подкреплении. Прибыли всего лишь один или два фрегата и десять канонерок, тогда как, конечно, должно было послать не меньше, чем три линейных корабля и четыре фрегата с канонерками и мортирными судами. Египет — первая цель, Корфу — второстепенная».[1]

Другими словами: русские должны знать, что Мальты им ни в коем случае не видать, а будет она отдана его сицилийскому величеству, тупоумному, трусливому и жестокому неаполитанскому тирану Фердинанду. Это — во-первых. А во-вторых, русским надлежит проливать свою кровь у берегов Египта, чтобы отдать Египет англичанам. Такова, поучает Нельсон Ушакова, должна быть первая цель русских («Egypt is the first object»). Во имя столь заманчивой для русских цели, они должны поменьше заботиться о своем укреплении на Ионических островах и, в частности, на Корфу, т. е. там, где у России в самом деле был шанс укрепиться и где, как Нельсон знал, население всецело сочувствовало русским.

Но Ушаков, повидимому, с самого начала сношений с Нельсоном хорошо понял, чего хочется англичанину. Он самым ласковым образом отклонял все эти добрые советы и неуклонно вел свою линию.

Со своей стороны, чуя, что Ушаков ни за что не бросит Корфу и другие Ионические острова, Нельсон принялся за обходные дипломатические маневры. 6 (17) декабря он написал Абдул-Кадир-бею — турецкому адмиралу, стоявшему рядом с Ушаковым перед Корфу: «Я надеялся, сэр, что часть соединений турецкой и русской эскадр пойдет к Египту, первой цели войны для оттоманов («the first object of Ottoman arms»), а Корфу — это второстепенное соображение».

Мы видим, что здесь он внушает турку, будто не только для англичан, но и для турок Египет гораздо важнее Ионических островов. Нельсон обращает внимание Кадир-бея на то, что англичане имеют право рассчитывать на помощь. «Я блокирую Тулон и Мальту, кроме того защищаю итальянский берег, — и я был уверен, что о всех странах, лежащих к востоку от острова Кандии, позаботится соединенная эскадра оттоманов и русских».[2]

Но плоха была надежда на Кадир-бея, который все свое спасение (и личное, и своей эскадры) чаял только в поддержке и руководстве со стороны «Ушак-паши». Поэтому Нельсон, воспользовавшись прибытием к нему в Неаполь уполномоченного великого визиря Келим-эфенди, попытался возбудить подозрительность турок против Ушакова и вообще против русских планов и намерений. «Я имел долгую и дружную беседу с Келим-эффенди о поведении, которого, повидимому (likely), придерживается русский двор по отношению к ничего, я боюсь, не подозревающим и прямодушным (upright) туркам», — писал он 6 (17) декабря английскому резиденту в Константинополе Спенсеру Смиту. А вот доказательство, которым рассчитывал Нельсон убедить «прямодушного» турка: «Нужно было бы послать к Египту сильную эскадру, чтобы помочь моему дорогому другу капитану Гуду, но Рос-

[1] The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson, vol. III, London, 1845, p. 197.

[2] Там же, стр. 203—204.

сии показалось более подходящим Корфу». Сообщая обо всем этом Спенсеру Смиту, Нельсон тут уже откровенно излагает причину своих поступков: «Конечно, дорогой сэр, я был вправе ждать, что соединенные флоты турок и русских возьмут на себя заботу о делах восточнее Кандии. Я никогда не желал видеть русских к западу от Кандии. Все эти острова уже давно были бы нашими» («All those islands would have been ours long ago»).[1]

Вот исчерпывающе ясное, точное и правдивое, вполне искренне на этот раз высказанное объяснение тревоги и досады Нельсона: Ушаков перехватил у него Ионические острова! И самое раздражающее Нельсона обстоятельство заключается именно в том, что опоздай Ушаков хоть немного, — все пошло бы на лад и острова остались бы за Англией. Но Ушаков не опоздал. «Капитан Траубридж был уже совсем готов к отплытию («absolutely under sail»), когда я с горестью услышал, что русские уже находятся там», — жалуется Нельсон на свою неудачу Спенсеру Смиту.

Но вот Нельсону доносят, что Ушаков завоевал уже Ионические острова, собирается покончить с крепостями Видо и Корфу, устраивает там какие-то новые порядки, дарует грекам самоуправление, а главное — вовсе не собирается отдавать острова туркам, что было бы, правда, не так идеально хорошо, как если бы отдать их англичанам, но все-таки гораздо симпатичнее, чем если острова останутся в русских руках. Не нравится все это, сильно не нравится лорду Нельсону! «Поведение русских — не больше, чем я всегда ожидал, и я считаю возможным, что они своим поведением принудят турок заключить мир с французами, вследствие еще большего страха перед русскими», — писал Нельсон 27 декабря 1798 г. (7 января 1799 г.) тому же Спенсеру Смиту.[2]

Время шло, и нетерпение англичанина возрастало. Чем яснее Нельсон видел, что русский адмирал вовсе не намерен следовать его «дружеским» приглашениям, а ведет свою собственную линию, тем больше разгоралась его вражда к Ушакову. Он уже там, где может (т. е. за глаза), совсем перестал стесняться в выражениях. «Нам тут донесли, что русский корабль нанес вам визит, привезя прокламации, обращенные к острову (Мальте. — *Е. Т.*), — пишет Нельсон 10 (21) января 1799 г. капитану Боллу, блокировавшему Мальту. — Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с о. Корфу, то адмирал — негодяй» («he is a blackguard»).[3]

Почему же так сердито? Исключительно потому, что Ушаков, опираясь на мальтийское гроссмейстерство Павла, а главное — обещая мальтийскому населению полное самоуправление, может, пожалуй, соблазнить местных жителей и отвратить их от уготованной им Нельсоном участи стать верноподданными его британского величества. А ведь Нельсон уже знал, что Ушакову, даровавшему самоуправление Ионическому архипелагу, есть чем похвастать в своих воззваниях к жителям других средиземноморских островов, освобождаемых русским флотом от захватчиков или ожидающих такого освобождения. Вот это-

---

1 The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson, vol. III. London, 1845, p. 204.

2 Там же, стр. 224.

3 Там же, стр. 236.

то и могло показаться адмиралу Нельсону особенно нежелательным и опасным!

Тревога Нельсона все усиливалась. Он уже не столько боялся французов, владевших пока Мальтой, сколько русских — союзников, которые собираются помогать в блокаде острова, но которые (как он опасается) пожелают поднять на Мальте русский флаг. Он уже наперед боялся создания русской «партии» на острове. Нельсон усиленно выдвигал в этот момент в качестве «законного» владельца Мальты (т. е., точнее, в качестве английской марионетки) неаполитанского короля Фердинанда, не имевшего и тени каких-либо прав на остров, так как с 1530 г. и вплоть до завоевания Бонапартом в 1798 г. Мальтой владел орден иоаннитов («мальтийские рыцари»). Беспокоясь по поводу возможных в будущем успехов Ушакова и русских воззваний среди населения Мальты, Нельсон пустился на такое ухищрение: пусть блокирующий Мальту английский капитан Болл даст знать мальтийцам, что «неаполитанский король — их законный государь» и что поэтому должен развеваться над островом неаполитанский флаг, а британская эскадра будет его «поддерживать». «Если же какая-нибудь партия водрузит русский флаг, или какой-либо иной, то я не разрешу вывоза хлеба с о. Сицилии или откуда бы то ни было», — говорил Нельсон в письме Боллу 24 января (4 февраля) 1799 г., зная, что осажденная Мальта голодает и что жители умоляют прислать им из Сицилии хлеба. Мало того, Нельсон решил немедленно повести контр-пропаганду против России. «С вашим обычным тактом вы передадите депутатам (от населения Мальты. — *Е. Т.*) мое мнение о поведении русских. И если какие-нибудь русские корабли или их адмирал прибудут на Мальту, вы убедите адмирала в очень некрасивой манере обращения («the very unhandsome manner of treating») с законным государем Мальты, если бы они захотели водрузить русский флаг в Мальте, и поведения относительно меня, командующего вооруженными силами державы, находящейся в таком тесном союзе с русским императором».[1] Нельсон подчеркивает свои особые права: он блокирует и атакует Мальту уже почти шесть месяцев.

Английский адмирал теперь хотел уже, чтобы русские поскорее шли в Италию, но ни в коем случае не к Мальте.

4 (15) февраля 1799 г. Нельсон написал Ушакову письмо с настоятельной просьбой «во имя общего дела» отправить к Мессине как можно больше кораблей и войск. Мотивировал он эту просьбу тем, что ряд его крупных судов блокирует египетские гавани и Мальту.[2]

12 (23) марта 1799 г. Нельсон снова обратился с письмом к Ушакову: «Сэр! Самым сердечным образом я поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу, и могу вас уверить, что слава оружия верного союзника одинаково дорога мне, как слава оружия моего государя. У меня есть величайшая надежда, что Мальта скоро сдастся... Флаг его сицилийского величества вместе с великобританским флагом развевается на всех частях острова, кроме города Валетта, жители которого с согласия его сицилийского величества поставили себя под покровительство Великобритании. Эскадра завтра выходит для блокады Неаполя, которая будет продолжаться с величайшей силой,

[1] The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson, vol. III. London, 1845, p. 255—256.

[2] Там же, стр. 266.

вплоть до прибытия вашего превосходительства с войсками вашего царственного повелителя, которые, я не сомневаюсь, восстановят его сицилийское величество на его троне».[1]

Степень «сердечности» этого поздравления нам вполне ясна. На Мальту русским незачем итти, там уже развеваются два флага — неаполитанский и английский, а вот нужно поскорее успокоить «его сицилийское величество», люто трусившее в этот момент и молившее о русской помощи.

Вот уже май пошел, а все еще ничего в Неаполе поделать с французами не могли и все еще приходилось глядеть на восток и ждать, не покажутся ли, наконец, паруса Ушакова. «Мы не слышим вестей о движении русских войск от Зары. Если бы они (русские. — *Е. Т.*) прибыли, то дело с Неаполем было бы окончено в несколько часов», писал Нельсон адмиралу лорду Джервису (графу Сент-Винценту) 28 апреля (9 мая) 1799 г.[2]

Но тревога Нельсона скоро улеглась. Наступало лето 1799 г., и корабли Ушакова показались у берегов Италии. В средиземноморской эпопее ушаковской эскадры начиналась новая страница.

(Окончание следует)

[1] The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson, vol. III. London, 1845, p. 304—305.

[2] Там же, стр. 350.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕКТОР ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Великая Отечественная война, вызвавшая огромный рост интереса к вопросам истории, выдвинула перед советской исторической наукой много новых проблем. Приобрели большое значение и актуальность вопросы, раньше не привлекавшие должного внимания, особенно вопросы военной истории нашей родины, истории русской армии, флота и военного искусства.

Товарищ Сталин в своих выступлениях и приказах в годы Отечественной войны указал те направления, по которым должно итти изучение опыта войны и важнейших проблем военного искусства.

Приказ Народного Комиссара обороны № 8 от 5 марта 1945 г. о работе журналов «Военная мысль» и «Военный вестник» дает программу, определяющую дальнейшее развитие советской научно-исследовательской мысли во всех областях военного дела, в том числе и в области военно-морской истории и истории военно-морского искусства.

В соответствии с общим ростом интереса к военному прошлому нашей страны резко возросла потребность в изучении и популяризации разностороннего многовекового опыта войн, которые вела Россия на море. Освоение этого опыта, и в особенности использование уроков Великой Отечественной войны, служит делу дальнейшего строительства и развития Военно-Морского флота.

По указанию Народного Комиссара Военно-Морского флота адмирала флота Н. Г. Кузнецова осуществлен ряд мероприятий, направленных на укрепление и расширение военно-исторической работы.

Среди этих мероприятий особенно большое значение имеет расширение функций Исторического отдела ВМФ и превращение его в единый центр, руководящий всей научно-исследовательской работой в области военно-морской истории.

Для выполнения больших задач, стоящих перед военно-морской исторической наукой, уже в самое ближайшее время необходимы значительные кадры квалифицированных военно-морских историков, в которых уже давно испытывается весьма острая потребность. Созданные в ноябре 1944 г. Высшие исторические классы ВМФ должны отчасти удовлетворить эту потребность и дать флоту офицеров, подготовленных к преподаванию военно-морской истории в военно-морских учебных заведениях и ведению историографической и научно-исследовательской работы.

Необходимость широкой постановки дела научного изучения и популяризации славной военной истории нашей страны вызвала потребность в научно-исследовательском учреждении, способном объединить и наладить совместную плодотворную работу в данной области гражданских и военных историков. В связи с этим Президиум Акаде-

мии наук СССР в декабре 1943 г. принял постановление о создании при Институте истории Академии наук СССР сектора военной истории. В создании Военно-исторического сектора приняли участие Народный Комиссариат Обороны, Народный Комиссариат Военно-Морского флота и ряд военных и научных учреждений.

Военно-исторический сектор был создан в составе двух групп (секций): истории армии и истории флота. Группа истории армии, в настоящее время возглавляемая гвардии генерал-лейтенантом А. В. Сухомлиным, проделала под руководством проф. К. В. Базилевича значительную работу по подготовке к изданию двухтомного труда «Очерки по истории русского военного искусства», написанного коллективом сотрудников Института истории и военных специалистов Красной армии. В 1944—1945 гг. ею был организован ряд научных докладов и привлечен к их обсуждению значительный актив гражданских и военных историков, представителей военных академий и ряда других учреждений Красной армии. Следует отметить значительную работу в области популяризации героического военного прошлого нашей родины, которому были посвящены лекции в частях Красной армии, на предприятиях и в учреждениях, по радио, а также опубликованные в периодической печати статьи и очерки.

В настоящее время группа истории армии значительно расширяет круг изучаемых проблем, привлекая к их разработке видных военных специалистов, часть которых войдет в штат сектора или будет привлечена по совместительству путем прикомандирования к Институту истории. Намечается организация групп: истории русской армии и военного искусства, истории артиллерии и стрелкового вооружения, истории кавалерии, истории авиации и других.

Таковы в основном формы и содержание работы группы истории армии.

Группа истории флота Военно-исторического сектора образовалась из представителей НКВМФ, прикомандированных к Институту и назначенных на должности заместителя руководителя и ученого секретаря Сектора. В настоящее время представители НКВМФ в Институте истории вошли в состав Исторического отдела ВМФ и Совета при его начальнике.

Деятельностью группы истории флота, как и в целом Историческим отделом ВМФ, непосредственно руководит Заместитель Народного Комиссара ВМФ адмирал флота И. С. Исаков, который принимает также участие в практической работе группы в качестве консультанта, автора и редактора отдельных трудов.

Таким образом установлены необходимые организационные предпосылки для осуществления тесной связи между НКВМФ и Институтом истории и иными учреждениями Академии наук СССР.

Деятельность группы истории флота Военно-исторического сектора с самого начала была направлена на разрешение следующих задач:

1) привлечение Института истории и специалистов-историков к делу изучения и популяризации героического прошлого отечественного флота;

2) подготовка издания «Очерков истории Военно-Морского флота СССР»;

3) сбор, изучение и публикация архивных и иных материалов и источников для истории отечественного флота;

4) подготовка и издание справочников по военно-морской истории;

5) подготовка и издание монографических исследований и научно-популярных трудов по наиболее интересным и актуальным проблемам истории отечественного флота.

Наряду с этим группа истории флота призвана проводить работу по консультированию различных учреждений, организаций и отдельных лиц.

Следует отметить, что Институт истории охотно поддерживает начинания Сектора и оказывает необходимую помощь и содействие в его деятельности. Благодаря объединению сил гражданских и военных историков за относительно небольшой срок группе истории флота удалось выполнить ряд работ значительного объема и сложности. Так, к написанию очерков по истории отечественного флота наряду с научными работниками Института истории были привлечены также военные моряки и специалисты из других институтов Академии наук.

Опубликование труда «Очерки истории Военно-Морского флота СССР» позволит частично заполнить ощутительный пробел в нашей военно-морской исторической литературе. В написании первого тома этого труда (около 40 авторских листов), охватывающего период с древнейших времен до конца XIX в., приняли участие профессора К. В. Базилевич и М. Н. Тихомиров, доктор исторических наук проф. Н. М. Дружинин, доктор исторических наук проф. А. И. Андреев, кандидаты исторических наук С. А. Никитин, П. К. Алефиренко и другие.

Во второй том (до 35 авторских листов), охватывающий период от русско-японской войны 1904—1905 гг. до начала Великой Отечественной войны, войдут главы, написанные проф. А. И. Андреевым, капитаном 1 ранга П. Д. Быковым, генерал-майором С. Ф. Найда, капитаном 1 ранга Э. Я. Келлэ и кандидатом исторических наук Г. М. Деренковским.

В настоящее время редакционная коллегия закончила работу над последними главами первого тома, который уже сдан в Военно-морское издательство. В 1946 г. должен быть сдан в производство и второй том.

Издание «Очерков истории Военно-Морского флота СССР» является лишь началом большой работы по созданию общих трудов и учебных пособий по военно-морской истории, намечаемой Историческим отделом ВМФ.

Еще в прошлом столетии прекратились систематическое выявление и публикация материалов и источников для истории русского флота, осуществлявшиеся трудами А. П. Соколова, С. Н. Елагина, Ф. Ф. Веселаго, С. Ф. Огородникова и других. Далеко еще не использованные и не утратившие своего значения архивные публикации этих известных морских историков в виде «Материалов для истории русского флота» прекратились на XVIII томе и хронологически доведены лишь до начала XIX в. Между тем, весьма настоятельна потребность в новых материалах, равно необходимых историкам, преподавателям, пропагандистам, писателям и всем, кто связан с работой по военно-морской истории.

В силу этого группа истории флота приступила к выявлению и публикации новых материалов для истории флота. В первую очередь было решено издать серию сборников материалов, посвященных прославленным русским флотоводцам. В результате значительной работы,

проведенной группой истории флота совместно с Центральным архивом Военно-Морского флота и Главным архивным управлением НКВД. в 1945 г. Военно-морским издательством выпущен первый из этой серии сборник документов, посвященный адмиралу П. С. Нахимову. Находится в производстве и в скором времени выйдет в свет сборник, посвященный вице-адмиралу В. А. Корнилову. В 1946 г. будет также издан сборник документов о жизни и деятельности великого русского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова. Этот сборник предположено издать в двух томах общим объемом свыше 60 печатных листов — так велико число выявленных документов и материалов, огромное большинство которых ранее не публиковалось и представляет исключительную ценность для изучения не только истории русского флота, но и истории внешней политики России и международных отношений во второй половине XVIII века. Подполковником Н. В. Жмакиным, возглавляющим Центральный государственный архив ВМФ, в основном закончена работа по составлению сборника, посвященного адмиралу М. П. Лазареву. Коллектив научных сотрудников Центрального архива ВМФ в настоящее время работает над выявлением материалов для сборников, которые будут посвящены адмиралам Д. Н. Сенявину, С. О. Макарову и другим. Намечена подготовка сборников материалов и документов о жизни и деятельности адмиралов Г. И. Бутакова и В. И. Истомина.

Публикации новых материалов и источников для истории отечественного флота, требующие длительных изысканий и кропотливого исследовательского труда, могут успешно осуществляться только при дружной и согласованной работе ряда учреждений, выполняющих ту или иную часть общей задачи. Об этом убедительно свидетельствует практика подготовки и издания первых документальных публикаций. Эта работа будет еще более успешной, если в ней примут участие и другие учреждения. В частности, Центральный военно-морской музей мог бы обогатить издания иллюстрированным материалом из своих фондов, Центральная военно-морская библиотека — оказать большую помощь в составлении библиографии.

Перспективы и задачи в области публикации материалов и источников по военно-морской истории огромны. По мере накопления опыта, роста кадров научных работников и расширения издательских возможностей можно будет перейти к публикации тематических сборников материалов по отдельным проблемам и темам истории нашего флота, а затем к продолжению капитального труда Ф. Ф. Веселаго и его сотрудников и учеников — «Материалов для истории русского флота».

Перспективы и задачи в области публикации материалов и источников по военно-морской истории огромны.

Помимо центральных и местных архивов, хранящих множество еще невыявленных и неизученных материалов для истории русского флота, значительное количество их находится в самых различных (иногда случайных) собраниях и коллекциях библиотек и музеев. Эти материалы, часто неизвестные и не изученные, могут дать много ценного для исследователя. Поэтому группа истории флота занялась организацией выявления подобных материалов с целью ввести их в оборот научно-исследовательской работы. Значительное количество представляющих большую ценность материалов для истории флота хранится в отделе рукописей Ленинградской ордена Трудового Красного Знамени библио-

теки им. Салтыкова-Щедрина. Обнаружен также ряд интересных документов по истории флота в архиве Государственного Литературного музея Академии наук СССР (Пушкинский дом). Предполагается издать в скором времени указатели по этим материалам, составленные научным сотрудником библиотеки им. Салтыкова-Щедрина А. Н. Михайловой. В Государственном историческом музее (Москва) среди многих других документов обнаружена рукопись, представляющая собой вариант записок современника и сослуживца Ф. Ф. Ушакова — Егора Метаксы и являющаяся ценным источником для биографии флотоводца и изучения состояния и боевой деятельности русского флота в конце XVIII в. Значительное количество материалов о русском флоте хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Всем работающим в области военно-морской истории хорошо известны такие необходимейшие пособия, как «Общий морской список», «Список русских военных судов» Ф. Веселаго, «Повседневная запись замечательных событий в русском флоте» А. Кроткова и другие. Однако эта справочная литература, давно уже ставшая библиографической редкостью, сильно устарела, по многим же вопросам истории флота не имеется вообще никаких справочников. В связи с этим группа истории флота привлекла историков к подготовке некоторых справочных изданий.

В настоящее время заканчивается составление «Боевой летописи русского флота» и «Списка русских военных кораблей». Первый труд, объемом около 30 авторских листов, представляет собой аннотированную хронику боевых действий флота за период с IX в. до окончания гражданской войны в СССР. «Список русских военных кораблей», составленный С. П. Моисеевым, является продолжением известного справочника Ф. Веселаго и содержит подробные данные о всех военных кораблях русского флота за время с 1861 по 1917 г.

В дальнейшем намечается еще составление указателя иконографических материалов по истории русского флота — «Военно-морской флот в изобразительном искусстве». Следует продолжить издание «Общего морского списка». Нужны справочники по истории боевых средств флота, по организации, по кораблекрушениям и авариям и т. д.

Все эти большие задачи выдвигаются жизненными потребностями неуклонно развивающегося Военно-Морского флота нашей родины, и выполнение их будет возможно лишь совместными усилиями растущего коллектива военно-морских историков под руководством Исторического отдела ВМФ.

Одной из основных задач, возложенных на группу истории флота, является, как указывалось, привлечение гражданских историков к созданию монографических исследований и научно-популярных трудов по истории отечественного флота. В работе Сектора участвуют научные сотрудники институтов Академии наук и других учреждений. Среди подготовляемых к изданию трудов следует отметить монографию академика Е. В. Тарле, посвященную биографии адмирала Ф. Ф. Ушакова. Инженер-капитан 1 ранга А. И. Дубравин заканчивает работу над исследованием о Выборгской операции 1710 г. Роли русских моряков в истории географических открытий и исследований посвящена большая работа доктора исторических наук проф. А. И. Андреева, который собрал обширный архивный материал, значительно расширяющий имеющиеся сведения по этому интересному вопросу.

Работа по привлечению гражданских историков к изучению проблем военно-морской истории будет систематически расширяться.

Касаясь повседневной деятельности группы, следует отметить научные заседания, периодически созываемые Сектором совместно с другими институтами Академии наук и с представителями управлений и учреждений НКО и НКВМФ. Особенно большой интерес и оживленное обсуждение вызвал доклад инженер-капитана 1 ранга А. И. Дубравина на тему «Выборгская ледовая операция 1710 г.». В дальнейшем постановка научных докладов будет проводиться регулярно.

Группа истории флота осуществляет консультирование учреждений и отдельных лиц по вопросам военно-морской истории, а также выполнила ряд специальных заданий Народного Комиссариата ВМФ.

Таковы направление и итоги деятельности группы истории флота Военно-исторического сектора за первые полтора года ее существования.

Грандиозные перспективы открываются перед работниками военно-морской исторической науки. «Советский народ хочет видеть свой флот еще более сильным и могучим. Наш народ создаст для флота новые боевые корабли и новые базы. Задача флота заключается в том, чтобы неустанно готовить и совершенствовать кадры моряков, полностью освоить боевой опыт Отечественной войны, еще выше поднять морскую культуру, дисциплину и организованность в своих рядах» (Сталин).

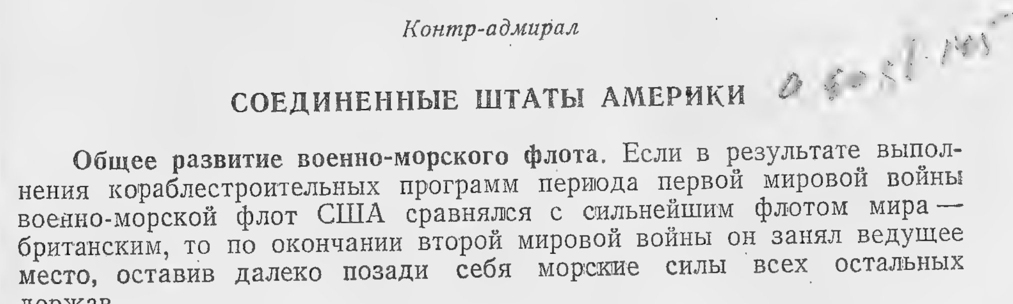
Выполнение поставленных товарищем Сталиным перед флотом задач требует от работников исторической науки неустанной и настойчивой работы по изучению и пропаганде славной истории отечественного флота — работы, направленной к укреплению военно-морского могущества нашего отечества.

Заместитель руководителя
Сектора военной истории Института
истории Академии Наук СССР
доктор военно-морских наук
капитан 1 ранга Н. В. НОВИКОВ

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНОСТРАННЫХ ФЛОТАХ

Проф. Е. Е. ШВЕДЕ

Контр-адмирал



СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Общее развитие военно-морского флота. Если в результате выполнения кораблестроительных программ периода первой мировой войны военно-морской флот США сравнялся с сильнейшим флотом мира — британским, то по окончании второй мировой войны он занял ведущее место, оставив далеко позади себя морские силы всех остальных держав.

Состав современного флота США был впервые зафиксирован знаменитой «двухокеанской» кораблестроительной программой 1940—1946 гг., фактически выполненной, в несколько видоизмененном виде, досрочно — к 1944 г.

После реализации нескольких дополнительных программ американский флот достигает своей наибольшей мощи в 1945 г.[1] Далее происходит так называемая «демобилизация» флота, заключающаяся в том, что его состав «чистится» — исключаются наиболее старые корабли и в строю остается лишь необходимое ядро мирного времени, наличие которого обеспечивает быстрое развертывание флота в военное время. Однако, по заявлению президента Трумэна в День флота 26 октября 1945 г., и после демобилизации «США все еще будут иметь величайший военно-морской флот на земле».

Предложение о минимальном составе американского флота после войны было сформулировано в начале сентября 1945 г. (т. е. уже после капитуляции Японии) в виде законопроекта, который почти без всяких изменений единогласно одобрила Палата представителей 30 октября. Сравнение двух официальных документов—программы 1940 г. и закона о флоте 1945 г., — а также данные о составе флота США к началу и после окончания второй мировой войны дают нам представление о влиянии опыта второй мировой войны, сказавшегося как в росте общей численности крупного океанского флота, так и в изменении удельного веса отдельных классов кораблей в его составе. Соответствующие цифровые данные сведены в табл. 1.

---

[1] Максимального состава флот должен был достигнуть в 1946—1947 гг.; к концу войны выполнение части намеченных дополнительных программ было приостановлено.

Таблица 1

Влияние опыта второй мировой войны на последовательные изменения в составе флота США

	Линейные корабли	Авианосцы						Крейсера				Миноносцы			Подводные лодки	Самолеты морской авиации
		Большие	Средние	Легкие	Эскортные	Итого	Общее число самолетов на авианосцах	Тяжелые крейсера	Крейсера	Легкие крейсера	Итого	Эскадренные	Эскортные	Итого		
„Двухокеанская" программа 1940 г.	35	—	20	—	—	20	1600	—	80		80	378	—	378	180	?
Состав к началу войны (7 декабря 1941 г.)	18	—	8	—	7	15	580	—	18	19	37	205	—	205	108	6000
Состав к концу войны (август 1945 г.)—ориентировочно . . .	26	2	29	9	130	170	6500	2	23	49	74	504	548	1052	263	40000
Минимальный состав по закону 1945 г.	18	3	24	10	79	116	4500	3	31	48	82	367	300	667	199	?

Примечание. Кроме того, к моменту окончания войны в постройке и в проекте находилось (данные ориентировочные): 6 линейных кораблей, 4 тяжелых крейсера, 15 крейсеров, 50 легких крейсеров, более 20 авианосцев, большое количество эскадренных миноносцев и подводных лодок.

Если сравнить наибольший состав флота к концу войны с намечавшимся по программе 1940 г., можно видеть, что наименьшее расхождение с последней получается по классам крейсеров и линейных кораблей и что опыт войны потребовал значительного увеличения численности авианосцев (с диференциацией их на подклассы), эскадренных миноносцев и подводных лодок. Сопоставление состава флота, предусмотренного законом 1945 г., с данными программы 1940 г. показывает сравнительно небольшое расхождение в численности эскадренных миноносцев и подводных лодок, резкое уменьшение численности линейных кораблей и огромный рост числа авианосцев (характерно, что в тексте нового закона на первом месте значатся авианосцы, а уже за ними — линейные корабли).

Постройка весьма значительного числа новых кораблей в сравнительно короткие сроки потребовала полной реорганизации военного кораблестроения, привлечения к строительству военных кораблей свыше 250 частных верфей (расположенных как на морских побережьях, так и во внутренних районах страны — на озерах и реках), изменения техники кораблестроения и резкого увеличения его темпов. Действительно, если до войны на постройку линейного корабля от закладки его до вступления в строй требовалось 45—48 месяцев, то теперь этот срок снизился до 29—33 месяцев; аналогичны цифры для авианосцев — 48 и 20 (весьма высокими темпами отличалась даже постройка грандиозного авианосца «Franklin D. Roosevelt», закладка которого состоялась в декабре 1943 г., спуск на воду 29 апреля 1945 г. и вступление в строй 27 октября 1945 г., т. е. всего постройка длилась 23 месяца); для крей-

серов и больших легких крейсеров сроки составляют соответственно 40 и 24, для эскадренных миноносцев 24—36 и 7—9, для подводных лодок — 27 и 12; срок постройки эскортного миноносца — 4 месяца. Новые методы в кораблестроении, применение которых позволило добиться таких высоких темпов постройки, состоят: 1) в широкой стандартизации судостроительных материалов, отдельных судовых конструкций, машинных установок и оборудования, что создало возможность распределения заказов на их изготовление по многочисленным заводам всей страны, специализировавшимся в выпуске определенного вида продукции; 2) в предварительной секционной сборке корабля, причем отдельные секции строятся и собираются на различных площадках, а иногда и на разных заводах; 3) в применении автоматической электросварки и т. д. То обстоятельство, что все американские корабли, от линейных кораблей и до эскадренных миноносцев, строятся теперь без бортовых иллюминаторов, также значительно упростило постройку.

Кораблестроительная промышленность США справилась с восполнением потерь, обеспечив в то же время значительный рост флота по всем классам кораблей. Это видно из табл. 2.

Таблица 2

Убыль и пополнение военно-морского флота США за время второй мировой войны

(%%— к первоначальной численности кораблей каждого класса)

	Линейные корабли		Авианосцы		Крейсера		Легкие крейсера		Эскадренные миноносцы		Подводные лодки	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Потери . .	2	11	5	62	7	39	3	16	71	35	52	43
Пополнения	10	55	37	462	12	66	33	174	370	180	210	194

Примечание. В данные не включены эскортные авианосцы, тяжелые крейсера и эскортные миноносцы.

Табл. 1 и 2 показывают, что классами кораблей, получившими наибольшее использование, наиболее потерпевшими и потребовавшими наибольших пополнений в течение войны, явились авианосцы, эскадренные миноносцы и подводные лодки и что состав флота мирного времени потребовал существенных изменений во время войны в смысле взаимного соотношения кораблей различных классов. Весьма увеличилась общая «самолетоподъемность» авианосцев по сравнению с довоенной (на 1120%).

Резкое увеличение численности основных классов кораблей потребовало, конечно, и соответствующего роста кораблей специального боевого назначения, а также вспомогательных судов. К концу войны в составе флота США насчитывалось (ориентировочно): торпедных катеров — 400, сторожевых кораблей — около 200, сторожевых кораблей ПЛО — свыше 1000, минных заградителей — 17, тральщиков — свыше 1000, сетевых заградителей — около 100, всякого рода десантных судов — свыше 55 000.

Однако, на основании законопроекта 1945 г., не весь послевоенный флот предполагается полностью обеспечить личным составом: $^1/_3$ флота будет находиться в кампании с полными табелями комплектации экипажей, $^1/_3$ будет укомплектована частично и лишь периодически приводиться в полную боевую готовность, остальные же корабли намечено содержать в резерве, причем личный состав их будет распущен с условием, что он должен находиться в состоянии постоянной готовности.

Известно, что в связи с созданием атомной бомбы на страницах американской печати появились высказывания о нецелесообразности существования военно-морского флота. Относительно подобных суждений президент Трумэн в своем выступлении по случаю Дня флота 26 октября 1945 г. сказал: «сейчас все эти разговоры на сто процентов ошибочны, не существует никакой замены для флота». Ту же мысль высказал также бывший главнокомандующий флотом США адмирал флота Кинг 21 ноября т. г. в комиссии по военным делам палаты представителей: «атомная бомба не исключает необходимости наличия сильного флота в составе вооруженных сил».

Развитие кораблей различных классов. Перейдем к рассмотрению тех изменений, которые внес опыт второй мировой войны в тактико-технические качества кораблей различных классов.

Линейные корабли. Наиболее выпукло влияние опыта войны на этот класс кораблей проявилось в тех переделках, которые были произведены на четырех последних линейных кораблях типа «Washington», в результате чего они составили новый тип — «South Dakota». Изменения, внесенные в первоначальные проекты, касаются главным образом усиления противовоздушной обороны и увеличения живучести. Для первой из этих целей в средней части верхней палубы увеличена площадь, необходимая для размещения дополнительной зенитной артиллерии; пришлось снять все надпалубные надстройки и соединить две дымовые трубы в одну.[1] Основные элементы этих кораблей: водоизмещение около 50 000 т (официально указывается стандартное водоизмещение 35 000 т); скорость хода около 30 узлов; артиллерия: 9 — 406 мм/$_{50}$, 20—127 мм/$_{38}$ универс., 32—40 мм зен., 16—20 мм зен., 50 зен. автоматов; 4 гидросамолета, 2 катапульты; броня пояса 406 мм, палуб — 254 мм (152 мм + 102 мм).

Последующая серия из шести линейных кораблей типа «Iowa», вступившая в строй в 1942—1945 гг., отличается бо́льшими размерами, улучшенным обеспечением живучести и большей скоростью хода. Элементы кораблей этого типа следующие: водоизмещение около 60 000 т (по официальным данным, стандартное водоизмещение 45 000 т); артиллерия — такая же, как на кораблях предыдущего типа, с той разницей, что мелкокалиберная артиллерия усилена (128—40 мм орудий и большее число 20 мм зенитных орудий); скорость хода 33 узла (по некоторым неофициальным данным, 33—35 узлов); мощность механизмов 200 000 л. с.; рабочее давление пара 42,2 кг/см^2, пароперегрев 400°; размеры: 268×33,4×11,0 м (по другим данным ширина 32,9 м); 4 гидросамолета, 2 катапульты; бронирование по сравнению с предыдущим типом усилено (по неофициальным данным, толщина брони пояса,

---

[1] Уместно отметить, что в результате усиления ПВО линейный корабль „South Dakota" 26 октября 1942 г. в течение 25 минут выдержал три последовательные атаки японских самолетов и сбил 20 пикирующих бомбардировщиков и 12 других самолетов.

башен и боевых рубок — до 483 мм, палуб — до 279 мм). Стоимость одного корабля этого типа 92 млн. долларов. Срок постройки «Iowa» от закладки до вступления в строй — 29—33 месяца. Новые линейные корабли не имеют иллюминаторов.

Находившиеся в постройке пять еще более мощных линейных кораблей типа «Montana», очевидно, не будут достроены (весьма вероятно, что их корпуса были использованы для перестройки в крупные авианосцы типа «Midway»).

Авианосцы. Широкое использование авиации во всех боевых действиях военно-морского флота потребовало особенно большого развития класса авианосцев. В США разработаны четыре подкласса авианосцев: большие (линейные), средние (эскадренные), малые (легкие) и эскортные.

Больших авианосцев типа «Midway» было заложено четыре — «Midway», «Franklin D. Roosevelt», «Philippine Sea» и «Reprisol», — но достраивались только первые три, причем «Midway» и «Franklin D. Roosevelt» вступили в строй в 1945 г. Их основные элементы: стандартное водоизмещение 45 000 т (в полном грузу около 60 000 т), число принимаемых самолетов 80 (двухмоторные бомбардировщики «модель 1945 г.»); артиллерия 127 мм калибра; бронирование — как у крейсеров; личный состав — около 4500 чел. Начальник кораблестроительного управления США контр-адмирал Кокрен приводит следующие доводы, оправдывающие постройку столь крупных авианосцев: а) лучшее обеспечение живучести благодаря наличию громадного дополнительного объема для устройства водонепроницаемых отсеков; б) рост на 100% зенитного вооружения (по сравнению с предыдущими типами авианосцев), благодаря чему достигается большая дальность, сосредоточение и убойное действие зенитного огня; в) значительное усиление бронирования; г) обеспечение достаточной прочности полетной палубы для того, чтобы она выдерживала тяжеловесные двухмоторные бомбардировщики; д) возможность посадки на корабль двухмоторных бомбардировщиков благодаря большой длине полетной палубы и применению нового типа тормозного устройства. [1]

Наибольшее число (около 30) построенных в США за время войны авианосцев принадлежит к среднему подклассу (типы «Enterprise» и «Essex») со следующими элементами: стандартное водоизмещение 27 500 т; скорость хода 34 узла; артиллерия: 16 — 127 мм универс., свыше 75—40 мм зен., 16—28 мм зен. орудий, 16 зенитных автоматов; 85—100 самолетов; о бронировании данные не публиковались.

9 легких авианосцев типа «Independence» были переоборудованы из недостроенных больших легких крейсеров. Их элементы: стандартное водоизмещение 12 000 т; скорость хода 32,5 узла; артиллерия: 4 — 127 мм универс., 50 — 40 мм и 16 — 28 мм зен. и многочисленные зен. автоматы; число самолетов — 70. Кроме того, строились два авианосца по 14 500 т; последние, вероятно, в строй не войдут.

Наконец, многочисленные эскортные авианосцы, в большинстве своем перестроенные из корпусов торговых судов, принадлежат к нескольким типам. Они имеют водоизмещение от 8000 до 14 000 т, скорость хода около 16—18 узлов, вооружены несколькими 100 мм и

[1] Напомним, что бомбардировщики, совершившие взлет с палубы среднего авианосца „Wasp“ при атаке Токио, вынуждены были садиться на береговые аэродромы.

многочисленными 40 мм и 20 мм зенитными орудиями, располагают небольшой полетной палубой и принимают по 20—40 самолетов.

Крейсера. Новейшие крейсера США принадлежат к трем подклассам: тяжелые крейсера, крейсера и легкие крейсера.

В кораблестроительных программах числилось 6 тяжелых крейсеров типа «Alasca», из которых два — «Alasca» и «Guam» — уже находятся в строю, а остальные — в постройке. Из числа последних четырех крейсеров, на основании закона 1945 г., достраиваться будет лишь один. Элементы тяжелых крейсеров, по неофициальным данным, следующие: стандартное водоизмещение 27 000 т; артиллерия: 9 — 305 мм,[1] 16 — 127 мм универс. и многочисленные 40 мм и 20 мм зенитные орудия; 4 гидросамолета; скорость хода 35 узлов.

В развитие довоенного типа «Wichita», за время войны в США было заложено свыше 30 крейсеров типа «Baltimore». Из их числа, по закону 1945 г., остаются в строю 20. Элементы крейсеров этого типа: водоизмещение 13 000 т; артиллерия: 9—203 мм, 12—127 мм универс. в 6 двухорудийных башнях, около 20—40 мм, 20—28 мм зенитных орудий и многочисленные зенитные пулеметы; 4 гидросамолета, 2 катапульты; бронирование пояса 152 мм, палубы — 127 мм, главной артиллерии — 152 мм; скорость хода 33 узла. Крейсера не имеют бортовых иллюминаторов.

Легкие крейсера принадлежат к двум типам — большому и малому, причем наибольшее число заложенных за время войны относится к большому типу (свыше 70) и сравнительно немного — к малому (6). Элементы больших легких крейсеров типа «Cleveland»: стандартное водоизмещение 10 000 т; артиллерия: 12—152 мм, 12—127 мм универс., многочисленные 40 мм и 20 мм зен. орудия; 4 гидросамолета и 2 катапульты; бронирование пояса — 127 мм, палубы — 127 мм, артиллерии — 127 мм; скорость хода 34 узла.

Малые легкие крейсера типа «Flint» (иногда называемые крейсерами ПВО) строились лишь в незначительном количестве. Их элементы следующие: стандартное водоизмещение 6000 т; артиллерия: 16—127 мм универс., 12—28 мм зен. орудий; 8—533 мм торпедных труб (2 четырехтрубных аппарата); бронирование пояса 89 мм, палубы — 51 мм; скорость хода — 38 узлов; 3 гидросамолета и катапульты, видимо, сняты на основании боевого опыта.

Легкие крейсера также не имеют бортовых иллюминаторов.

Эскадренные миноносцы военной постройки принадлежат к трем типам. Наиболее крупные — корабли последней серии типа «Borie» (водоизмещение 2200 т; артиллерия: 6—127 мм орудий на спаренных установках, около 10 зен. орудий 40 мм и 28 мм калибра, 10—533 мм торпедных труб; скорость хода 38 узлов). Несколько меньше эскадренные миноносцы типа «Fletcher» (водоизмещение 2100 т; артиллерия: 5—127 мм орудий на ординарных установках, 10—28 мм зен. орудий; 10—533 мм торпедных труб; скорость хода 38 узлов). Наименьшие размеры имеет тип «Railey» (водоизмещение 1700 т; артиллерия: 4—127 мм, 4—40 мм и 4—20 мм зен. орудия; 5—533 мм торпедных труб; скорость хода 38 узлов). Эскадренных миноносцев первого из перечисленных типов насчитывается свыше 50, второго — около 200 и

[1] В печати продолжают появляться сведения о другом варианте с 6 — 356 мм орудиями.

третьего — около 100. Все эскадренные миноносцы не имеют иллюминаторов.

Подводные лодки. За время войны было заложено свыше 250 лодок. Все они принадлежат к большому типу, имеющему следующие элементы: надводное водоизмещение 1525 т; артиллерия: 1—76 мм орудие, 2 зен. пулемета; 10—533 мм торпедных труб; надводная скорость хода 20 узлов.

Личный состав. Численность личного состава флота США составляла перед второй мировой войной 125 285 чел., в 1941 г. — 265 000, в 1942 г. — 1 000 000 чел. (в том числе 200 000 чел. морской пехоты и 110 000 чел. береговой обороны), в 1943 г. — 1 500 000 чел. В последующие годы произошло резкое увеличение численности личного состава, вызванное мощным ростом военно-морского флота, и к концу войны личный состав достиг небывалого количества — 3 389 000 чел.

На основании закона 1945 г. численность личного состава уменьшена до 500 000 матросов и 40 000 офицеров. Это число в 4 раза больше соответствующих цифр, относящихся к предвоенному периоду.

Общие потери в личном составе флота за время войны: 46 458 убитыми, 60 986 ранеными, 10 985 пропавшими без вести и 4225 пленными.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Общее развитие военно-морского флота. В Великобритании не имелось перед началом второй мировой войны плана развития военно-морского флота на ряд лет вперед. Из года в год состав флота пополнялся на основании ежегодных текущих кораблестроительных программ. В результате, с началом войны пришлось утвердить импровизированные программы, предусматривавшие главным образом пополнение легких и подводных сил. В ходе войны были дополнительно утверждены программы военного времени.

Судя по цифрам, приведенным ниже, британская судостроительная промышленность справилась с восполнением потерь почти по всем классам кораблей, однако ей не удалось обеспечить развитие флота в таких масштабах и с таким размахом, какие характерны для военно-морского строительства в США. Без участия США, а также британских доминионов и колоний, метрополия не смогла бы стабилизировать численность легких сил и тем более обеспечить по некоторым классам кораблей (эскортные авианосцы, эскадренные миноносцы, эскортные миноносцы, сторожевые корабли) увеличение численности корабельного состава.

Если численность флота США определена законом 1945 г. в 1082 боевых корабля основных классов, то в составе британского флота на 31 августа 1945 г. числилось только 484 корабля. Таким образом мы стоим перед весьма значительным фактом: Великобритании пришлось передать свое былое мировое превосходство на морях Соединенным Штатам Америки. Уже после первой мировой войны Великобритания вынуждена была отказаться от пресловутой формулы «two power standard», означавшей, что численность британского флота должна превосходить суммарную численность двух следующих за ней флотов. На смену этой формуле пришла другая — «second to none», символизировавшая равенство со следовавшим по силе флотом, т. е. с флотом США. После второй мировой войны и эта формула оказалась отброшенной.

Общее развитие британского флота за время второй мировой войны, а также убыль и пополнение флота по отдельным классам кораблей показаны в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Развитие военно-морского флота Великобритании за время второй мировой войны

	Линейные корабли	Авианосцы				Крейсера			Миноносцы			Подводные лодки
		Средние	Легкие	Эскорт-ные	Итого	Крей-сера	Легкие крейсера	Итого	Эскад-ренные	Эскорт-ные	Итого	
Состав к началу войны (2 сентября 1939 г.)	15	7	—	—	7	18	47	65	186	—	186	65
Наибольший состав во время второй мировой войны (1944—1945 гг.) ориентировочно	17	8	4	50	58	13	47	60	290	100	390	200
Состав к концу войны (31 августа 1945 г.)	15	8	4	50	58	10	47	57	111	100	211	?

Примечание. В используемых данных о составе флота к концу войны, опубликованных в британской прессе, очевидно учтены уже послевоенные сокращения флота.

Таблица 4

Убыль и пополнение военно-морского флота Великобритании за время второй мировой войны

($^0/_0{}^0/_0$ — к первоначальной численности кораблей каждого класса)

	Линейные корабли		Авианосцы		Крейсера		Легкие крейсера		Эскадренные миноносцы		Подводные лодки	
	Число	$^0/_0$	Число	$^0/_0$	Число	$^0/_0$	Число	$^0/_0$	Число	$^0/_0$	Число	$^0/_0$
Потери	5	33	5	71	7	39	25	53	100	54	70	108
Пополнения	7	47	6	85	—	—	25	53	204	110	200	308

За время войны было построено весьма большое число кораблей специального боевого назначения и вспомогательных судов. К 1945 г. в строю британского флота числилось: мониторов — 4, торпедных катеров — свыше 200, сторожевых кораблей — 700 (300 фрегатов, 300 корветов, 100 шлюпов), сторожевых кораблей ПЛО — 800, тральщиков — 400, траулеров — 2000, минных заградителей — 20, сетевых заградителей — 50.

Развитие основных классов кораблей. Проанализируем элементы новейших британских кораблей основных классов, отражающие опыт второй мировой войны.

Линейные корабли. В 1944—1945 гг. вступили в строй 4 английских линейных корабля типа «Lion», имеющие следующие эле-

менты: водоизмещение более 45 000 т; скорость хода 30 узлов; артиллерия: 9—406 мм, 16—132 мм универс., 48—40 мм и 80—20 мм зен. орудий; бронирование пояса 431 мм; размеры: 238 (по ватерлинии) × ×32,0×9,1 м; 2 гидросамолета, 1 катапульта.

Авианосцы. Новейшие британские авианосцы представляют собою дальнейшее развитие среднего типа «Ark Royal». Элементы новейшей серии типа «Indomitable» следующие: стандартное водоизмещение 23 000 т; артиллерия: 16—114 мм универс., 48—40 мм и 32 мм зен. орудий; 70 самолетов, 2 катапульты; бронирование пояса 102 мм; скорость хода 32 узла.

В конце войны были введены в строй 4—5 легких авианосцев типа «Glory», представляющие собой уменьшенный тип средних авианосцев. Легкие авианосцы принимают по 33 самолета, их скорость хода — 25 узлов. Эти корабли весьма оправдали себя на опыте войны. Они использовались для двух целевых назначений: совместных действий с флотом и конвоирования транспортов.

Британские эскортные авианосцы в своем большинстве построены в США и однотипны с американскими эскортными авианосцами.

Крейсера и легкие крейсера. За время войны в состав британского флота не введено ни одного крейсера. Легкие крейсера, как и во флоте США, принадлежат к двум типам — большому и малому.

Новейшие британские большие легкие крейсера типа «Ceylon» отличаются от довоенных типов тем, что на них уменьшено число орудий главного калибра, снята одна из кормовых башен и за этот счет увеличено зенитное вооружение. Основные элементы легких крейсеров типа «Ceylon»: стандартное водоизмещение 8000 т; артиллерия: 9—152 мм (2 башни на носу, 1 на корме), 10—100 мм зен., 16—40 мм и большое количество 20 мм и 13 мм зен. орудий; 6—533 мм торпедных труб; самолетов и катапульт, повидимому, не имеется; скорость хода 33 узла; бронирование пояса 114 мм, артиллерии — 51 мм.

Легкие крейсера малого типа «Argonaut» имеют стандартное водоизмещение 5450 т; артиллерия: 10—132 мм универс., 16—40 мм зен., большое число 20 мм и 13 мм зенитных орудий; 6—533 мм торпедных труб; самолеты и катапульты, повидимому, сняты; бронирование пояса 51 мм, палубы — 51 мм, артиллерии — 51 мм; скорость хода 33 узла. На некоторых из этих крейсеров одна из носовых 132 мм башен снята, и общее число 132 мм орудий составляет 8, за счет чего увеличено число зенитных орудий.

Эскадренные и эскортные миноносцы. За время войны введены в строй многочисленные эскадренные миноносцы типов «L», «M», «N», «O», «P», «Q» и «R».

Типы «L», «M», «N» и «O» имеют следующие данные: стандартное водоизмещение от 1700 до 1920 т; артиллерия: 6—120 мм универс. (на спаренных установках), 1—102 мм зен., 4—40 мм и 8—13 мм зен. орудий; от 4 до 5—533 мм торпедных труб; скорость хода 36—36,5 узла. Характерной особенностью этих эскадренных миноносцев является то, что на них уменьшено торпедное вооружение — снят один торпедный аппарат, вместо которого поставлено 102 мм зенитное орудие. Этого потребовал опыт использования эскадренных миноносцев на морских коммуникациях.

Эскадренные миноносцы типов «Q», «R», «S», «T», «U», «V» и «W» обращают на себя внимание упрощенностью постройки. В бри-

танском флоте они носят обозначение «миноносцы широкого потребления» («utility type»). Элементы этих кораблей: стандартное водоизмещение 1700 т; артиллерия: 4—120 мм, 1—102 мм и 8—40 мм зен. орудий; 5—533 мм торпедных труб.

Новейшие эскортные миноносцы (сторожевые корабли) типа «Blencathra» водоизмещением около 1200 т имеют на вооружении 6—100 мм зенитных орудий, четырехствольные зенитные автоматы и 2—533 мм торпедные трубы.

Подводные лодки. Новейшие британские лодки принадлежат к двум основным типам: 1) большие лодки (надводное водоизмещение 1100 т; вооружение: 1—102 мм зен. орудие, 2 зен. автомата, 10—533 мм торпедных труб, из них 6 носовых и 4 палубных); 2) средние лодки типов «S» и «U» с надводным водоизмещением около 600 т. Кроме того, имеются карликовые лодки с надводным водоизмещением около 30 т.

Флоты британских доминионов и колоний. За время второй мировой войны значительно возросла численность кораблей этих военно-морских флотов.

В состав флота Канады входят два строящихся легких крейсера (по 6000 т), 9 эскадренных миноносцев большого типа (2200 т) и несколько строящихся, 10 эскадренных миноносцев по 1375 т, 4 эскортных миноносца, 70 фрегатов (по 1445 т), 115 корветов (по 725 т), 55 сторожевых катеров ПЛО, 55 тральщиков (по 750 т), 33 катерных тральщика.

Флот Австралии увеличился за счет легких сил. В его состав входят: крейсера «Australia» и «Shropshire», строящийся легкий крейсер водоизмещением 6000 т, легкие крейсера «Horbart» (6890 т) и «Adelaide» (5100 т), 13 эскадренных миноносцев (1690—1870 т), 2 эскадренных миноносца старого типа, 5 фрегатов, 1 сторожевой корабль, 2 минных заградителя, 55 тральщиков.

Флот Индии состоит из четырех сторожевых кораблей и 16 тральщиков.

Флот Новой Зеландии включает легкие крейсера «Achilles», «Ajax», «Leander» (7030 т) и 3 корвета.

Заново создан южно-африканский флот в составе легкого крейсера, 8 тральщиков, нескольких сторожевых кораблей ПЛО.

Таким образом, общий состав флотов доминионов и колоний (2 крейсера, 9 легких крейсеров, 40 эскадренных миноносцев, 75 фрегатов, 123 корвета, 167 тральщиков, 2 минных заградителя и большое число противолодочных сторожевых кораблей) значительно превзошел их довоенный состав.

Потери британского флота во время войны. Общие потери британского флота составили 750 военных кораблей различных классов.

Потери в личном составе определяются следующими цифрами: офицеры — 4950 убитых, 1657 раненых, 175 пропавших без вести; матросы — 44 355 убитых, 12 999 раненых, 1420 пропавших без вести. Общие потери в личном составе (убитые и пропавшие без вести) — свыше 50 000 чел.

Организация флота во время войны. В условиях мирного времени многочисленные корабли британского флота распределялись по девяти так называемым морским станциям (метрополия, Средиземное море, Ост-Индия, Южная Африка, Китай, Австралия, Новая Зеландия, Вест-Индия и Южная Америка). Наиболее крупные соединения, вклю-

чавшие линейные корабли, были тогда сосредоточены в водах метрополии и в Средиземном море. Прочие соединения в основном включали крейсера, легкие крейсера и сторожевые корабли и являлись теми ячейками, которые в военное время должны были развернуться за счет включения в их состав крейсеров и легких крейсеров резерва и мобилизованных вспомогательных крейсеров. Основное ядро флота располагалось в восточном полушарии, обеспечивая коммуникации метрополии с Индией, Австралией, Новой Зеландией и Южной Африкой.

Опыт второй мировой войны показал, что такая дислокация в общих чертах была правильной, конечно, за некоторыми исключениями. Союз с США дал возможность снять соединения с ряда перечисленных выше станций (из Северной и Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии) и распределить их по другим районам.

Во время войны сохранились два основных соединения — Отечественный и Средиземноморский флоты, в добавление к которым, в зависимости от оперативно-стратегической обстановки, создавались новые соединения по принципу различных «направлений», как, например, «Морские силы на западных подходах к Великобритании», «Южно-Атлантические силы», «Морские силы в Северной Африке» и т. д.; по мере минования надобности в таких соединениях они расформировывались. В последнюю фазу войны были созданы два крупных соединения, предназначенные для взаимодействия с флотом США: 1) Тихоокеанский флот, базировавшийся на Сидней, в составе линейных кораблей «Howe», «Duke of York», «King Georg V», авианосцев «Illusrious», «Indefatigable», «Indomitable», «Victorious», легких крейсеров «Argonaut», «Black Prince», «Euryalus» и легких сил, и 2) Восточный флот, состоявший из линейных кораблей «Queen Elizabeth», «Valiant», «Renown», нескольких крейсеров и эскадренных миноносцев (во время войны в состав этого флота входил также французский линейный корабль «Richelieu» и ряд других кораблей флотов Франции, США и Нидерландов).

После окончания войны Тихоокеанский флот перебазировался на Гонконг и Сингапур.

Переоборудование военно-морских баз. Перенос базирования британских линейных кораблей в конце войны на Тихоокеанский театр потребовал переоборудования ряда военно-морских баз и снабжения их сухими доками больших размеров.

Так, в начале 1945 г. закончено сооружение нового сухого дока в Сиднее, вмещающего самые крупные военные корабли; в сентябре 1945 г. в Кэптауне сдан в эксплоатацию самый большой в мире сухой док, вмещающий пассажирский пароход «Queen Elizabeth» (вместимость 85 000 т, длина 314 м). Кроме того, закончена постройка ряда сухих доков меньшего размера, например в Коломбо сооружен док для малых легких крейсеров.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Справочники: 1) «Jane's Fighting Ships, 1943—1944»; 2) шведский справочник «Marin Kalender, 1945»; 3) Critchell Rimington « Fighting Fleets, 1944».

Журналы: «Our Navy», «The Navy», «Sveriges Flotta», «U. S. Navale Institute Proceedings» за 1945 г.

Иностранная информация, помещенная в газетах «Правда» и «Красный флот».

РАБОТА КОТЛА НА ПЕРЕМЕННОМ РЕЖИМЕ

Г. А. АБАГЯНЦ

Инженер-капитан 1 ранга

ОПЫТ эксплоатации котельных установок кораблей как в мирное время, так и во время войны показал, что работа котла на полной нагрузке со спесификационными параметрами и характеристиками представляет собой редкое исключение. Большей частью котельная установка работает на малых нагрузках, с параметрами, отличными от спесификационных как по газовой стороне, так и по паровой (в зависимости от режима работы установки и квалификации обслуживающего состава). Поэтому с точки зрения рациональной эксплоатации котла представляет интерес вопрос о том, как меняются те или иные величины, характеризующие экономичность работы котла или паротурбинной установки в целом, при нагрузках и параметрах, отличных от спесификационных, или, как иногда говорят, при переменном режиме.

Переменный режим работы котла определяется изменением следующих величин: 1) расхода топлива; 2) RO_2 в продуктах горения; 3) температуры питательной воды; 4) отбора насыщенного пара; 5) влагосодержания насыщенного пара, поступающего в пароперегреватель.

Определим характеристики работы котла при изменении перечисленных выше величин. В целях облегчения анализа мы будем предполагать, что из пяти перечисленных величин, характеризующих переменность режима котла, меняется лишь одна величина, а прочие остаются без изменения. В действительности же бывают случаи одновременного изменения либо всех пяти величин либо определенной группы их. Однако это обстоятельство никаких принципиальных изменений в анализ явления не внесет, ибо каждая из перечисленных величин оказывает влияние на характеристики работы котла независимо от влияния другой величины. Если, например, как это будет показано ниже, коэфициент полезного действия котла с увеличением производительности уменьшается, а с увеличением RO_2 увеличивается, то при некоторых нагрузках суммарное влияние этих факторов позволит работать котлу при неизменном к. п. д.

Характеристики работы котла при изменении расхода топлива

Здесь мы предполагаем, что в процессе работы котла меняется только расход топлива, все же остальные величины (и в частности RO_2) остаются без изменения.

Рассмотрим однопроточный котел с пароперегревателем, расположенным в хвостовой части котла. Все выводы и следствия, которые выявятся в результате анализа этого котла, будут справедливы и для котлов с любой компановкой поверхностей нагрева и с любым расположением пароперегревателя в конвективном пучке, за исключением котлов с регулируемым перегревом пара и радиационными пароперегревателями.

На рис. 1 нанесены кривые изменения температур в топке и в газоходах котла в зависимости от расхода топлива. По оси ординат отложены температуры, а по оси абсцисс расход топлива (B — расход топлива на полной нагрузке). Из рис. 1 следует, что с увеличением расхода топлива температура газов за любым пучком, в частности и уходящих ($t_{ух}$), возрастает. Однако темп возрастания температур в генераторной части отличен от темпа возрастания в пучке пароперегревателя. В генераторной части разность температур между температурой газов, покидающих топку, и газов, покидающих газоход конвективного пучка генераторной части, т. е. $t_т - t'$, уменьшается сравнительно медленно. Что же касается пучка пароперегревателя, то здесь по мере увеличения расхода топлива разность температур между температурой газов, вступающих в газоход пароперегревателя, и газов, покидающих этот газоход (на рис. 1 кривая $t_{ух}$), т. е. $t' - t_{ух}$, непрерывно возрастает. Это обстоятельство имеет существенное значение, ибо, как это будет показано ниже, объясняет характер изменения температуры перегретого пара.

Теперь рассмотрим характер изменения теплосодержания газов по газоходам в зависимости от изменения температур. Предварительно найдем связь между температурой газов и их теплосодержанием.

Как известно, теплосодержание газов определяется из выражения:

$$J = V_г \, C_г \, t_г \, \frac{ккал}{кг},$$

где: J — теплосодержание продуктов горения; $V_г$ — объем продуктов горения, приведенный к нормальным условиям при сжигании 1 кг топлива; $C_г$ — приведенная к нормальным условиям теплоемкость при постоянном давлении.

От температуры газов зависит только $C_г$, поэтому J с увеличением температуры возрастает, а с уменьшением — падает.

На рис. 2 нанесены графики изменения теплосодержания газов от изменения нагрузки. Начальное теплосодержание газов выражается формулой:

$$J_0 = {}^{н}K_р + Q_ф - Q_3 \, \frac{ккал}{кг},$$

где: ${}^{н}K_р$ — низшая теплотворная способность топлива; $Q_ф$ — физическое (внешнее) тепло топлива и воздуха, отнесенное к 1 кг топлива; Q_3 — химический недожог (потери на $CO + H_2$).

J_0, представляющее собой располагаемое топкой тепло на 1 кг топлива, не зависит от нагрузки котла и поэтому на рис. 2 изобразится отрезком прямой, параллельной оси абсцисс. Теплосодержание газов $J_т$, покидающих топку, возрастает с увеличением нагрузки, ибо, как это следует из рис. 1, температура газов $t_т$ растет. Отсюда следует, что с увеличением расхода топлива разность $J_0 - J_т$ уменьшается, а это значит, что с увеличением расхода доля тепла, воспринимаемая радиационными поверхностями котла, или, как говорят, коэфициент

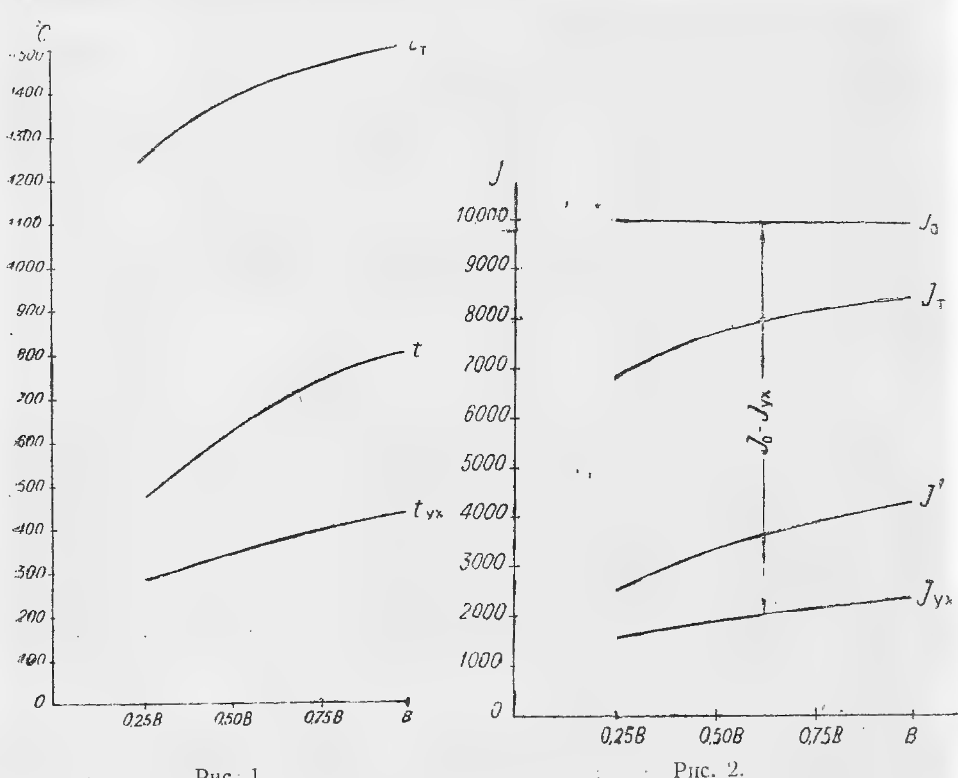


Рис. 1.
$t_т$ — температура газов, покидающих топку; t' — температура газов перед пароперегревателем; $t_{ух}$ — температура уходящих газов.

Рис. 2.
J_0 — начальное теплосодержание газов; $J_т$ — теплосодержание газов, покидающих топку; J' — теплосодержание газов перед пароперегревателем; $J_{ух}$ — теплосодержание уходящих газов.

прямой отдачи, тоже уменьшается. Что же касается общего количества тепла, воспринимаемого всей радиационной поверхностью в час, то оно возрастает. Действительно, часовое количество тепла, переданное лучеиспусканием, определяется из выражения:

$$Q_л = H_р \, C \left[\left(\frac{t_т + 273}{100} \right)^4 - 750 \right] \frac{\text{ккал}}{\text{час}},$$

где: $H_р$ — радиационная поверхность нагрева котла в метрах; C — константы излучения; $Q_л$ — количество тепла, переданное лучеиспусканием.

Если принять, что константа излучения C не зависит от температуры, то $Q_л$ будет увеличиваться с увеличением $t_т$, причем пропорционально четвертой степени, т. е. весьма интенсивно. Таким образом, хотя с увеличением расхода топлива и возрастает тепло, воспринятое радиационными поверхностями, тем не менее вследствие уменьшения коэфициента прямой отдачи происходит перемещение теплового потока от радиационных поверхностей к конвективным. В генераторной части конвективного пучка разность $J_т - J'$ меняется сравнительно мало.

Что же касается пароперегревателя, то здесь происходит резкое (по сравнению с генераторной частью) увеличение разности $J' - J_{ух}$. Это означает, что с увеличением нагрузки пароперегреватель получает тепла пропорционально больше, чем генераторный пучок. Поэтому, хотя количество пара, вырабатываемое котлом, с увеличением расхода и возрастает (а следовательно, через пароперегреватель проходит большее количество пара), тем не менее, вследствие указанного выше обстоятельства, каждый килограмм пара в пароперегревателе будет получать большее количество тепла и температура перегретого пара с увеличением нагрузки будет возрастать. То обстоятельство, что пароперегреватель получает пропорционально большее количество тепла, чем генераторная часть, объясняется тем, что с увеличением нагрузки темп возрастания коэфициента теплопередачи в газоходе пароперегревателя $K_п$ выше, чем темп возрастания коэфициента теплопередачи в газоходе генераторной части $K_г$.

Докажем это. Как известно, коэфициент теплопередачи для пароперегревателя определяется по формуле:

$$K_п = 10\sqrt[3]{w^2}\ \frac{ккал}{м^2\ час\ ^\circ C}, \quad (1)$$

где w — средняя скорость газов.

Чтобы определить темп изменения $K_п$, продиференцируем выражение (1) по w. Получим:

$$\frac{dK_п}{dw} = \frac{10 \cdot 2}{3\sqrt[3]{w}} = \frac{20}{3\sqrt[3]{w}}. \quad (2)$$

Коэфициент теплопередачи для генераторной части будет

$$K_г = 15\sqrt{w}\ \frac{ккал}{м^2\ час\ ^\circ C}, \quad (3)$$

и соответственно

$$\frac{dK_г}{dw} = \frac{15}{2\sqrt{w}}. \quad (4)$$

Покажем на примере, что темп возрастания $K_п$ выше, чем $K_г$. Примем скорость $w = 27$ м/с. Тогда

$$\frac{dK_п}{dw} = \frac{20}{3\sqrt[3]{27}} = 2{,}22 \quad и \quad \frac{dK_г}{dw} = \frac{15}{2\sqrt{27}} = 1{,}45.$$

Теперь рассмотрим потери, приняв ради простоты величину химического недожога Q_3 одинаковой при любом расходе топлива. Согласно рис. 3, использованный перепад в котле определится разностью $J_0 - J_{ух}$, причем с увеличением расхода эта разность уменьшается.

Если принять средний коэфициент удержания тепла одинаковым при всех нагрузках котла, то полезно использованное тепло в котле будет

$$Q_1 = \eta_{ср} B_i (J_0 - J_{ух})\ \frac{ккал}{час}, \quad (5)$$

где: $\eta_{ср}$ — коэфициент удержания; B_i — переменный расход топлива; Q_1 — количество тепла, воспринятое котлом.

Потери во внешнюю среду будут:

$$(1 - \eta) B_i (J_0 - J_{ух}),$$

или, отнеся эту величину к 1 кг топлива,

$$Q_5 = (1 - \eta)(J_0 - J_{ух}). \quad (6)$$

Так как с увеличением нагрузки $J_{г} - J_{ух}$ уменьшается, то из формулы (6) следует, что потери Q_5 с увеличением нагрузки тоже уменьшаются.

В итоге получается следующее: с увеличением нагрузки увеличиваются потери с уходящими газами, но вместе с тем потери во внешнюю среду уменьшаются. Нетрудно понять, что эти две взаимнопротивоположные тенденции в сумме должны дать при каких-то нагрузках минимум потери тепла и, следовательно, максимум полезно использованного тепла или максимум к. п. д. Как показали подсчеты, этот максимум к. п. д. лежит в пределах 25—35% от полной нагрузки котла. При этом, в зависимости от производительности котла, принятых потерь от охлаждения кожухов и компановки поверхностей нагрева, этот максимум может быть либо ярко выраженным, либо весьма вялым, либо может вовсе отсутствовать.

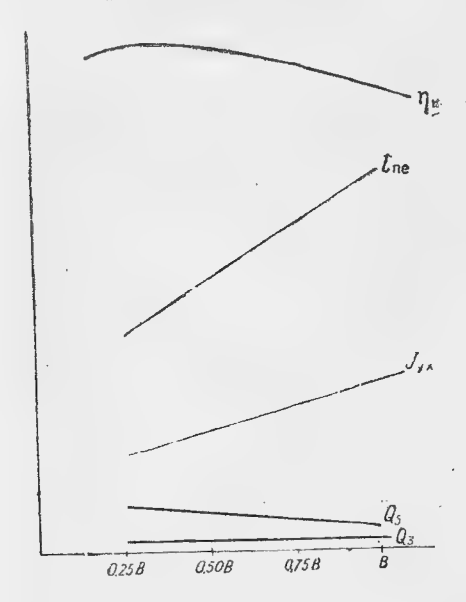


Рис. 3.
$\eta_к$ — к. п. д. котла; $t_{пе}$ — температура перегретого пара; $J_{ух}$ — теплосодержание уходящих газов; Q_5—потери во внешнюю среду; Q_3—потери от химического недожога.

На рис. 3 представлен сводный график характеристики котла при переменных расходах топлива. В среднем максимум к. п. д. котла на 4—7% выше, чем к. п. д. при полной нагрузке. Разбег температуры перегретого пара составляет около 40—60° С. В области высоких температур газов (например, когда пароперегреватель расположен в середине газохода) этот разбег меньше и колеблется в пределах 25—35° С. Таким образом, чем ближе к топке расположен пароперегреватель, тем меньше разбег температуры перегретого пара. Если же перегреватель расположен в самой топке и, следовательно, воспринимает тепло от лучеиспускания факела, то в этом случае с увеличением нагрузки температура перегретого пара понижается. [1]

Характеристика работы котла при переменном значении RO_2 в продуктах горения

Рассмотрим случай, когда в процессе работы котла меняется только содержание RO_2 в продуктах горения. Как известно, значение RO_2 зависит от величины коэфициента избытка воздуха α, т. е. с увеличением этого избытка RO_2 уменьшается, а с уменьшением его — повышается. Количественную связь между коэфициентом из-

[1] Приведенные соображения относительно характеристики изменения температуры перегретого пара подтверждаются расчетами и могут быть теоретически обоснованы.

бытка и содержанием RO_2 в продуктах горения можно определить из приближенной формулы:

$$\alpha = \frac{15,5}{RO_2}.$$

Чтобы не усложнять анализа характеристик котла, не будем рассматривать здесь случаи, когда $\alpha < 1$, и примем, что химический недожог во всех случаях отсутствует.

Прежде чем перейти непосредственно к изложению содержания вопроса, найдем связь между теплосодержанием газов и их температурой. На диаграмме Jt (рис. 4) нанесены кривые теплосодержания дымовых газов в зависимости от температур при различных значениях R_2. Из рассмотрения кривых следует, что при одном и том же теплосодержании температура газов тем выше, чем больше процентное содержание RO_2 (точки *а*, *б*, *в*). Это обстоятельство объясняется уменьшением объема продуктов горения с увеличением RO_2. Действительно, теплосодержание вычисляется из формулы $J = V_г C_г t_г$. С увеличением RO_2 уменьшается коэфициент избытка воздуха, а следовательно, уменьшается и $V_г$.

Отсюда следует, что при одном и том же значении J с увеличением RO_2 температура газов $t_г$ должна возрастать. Из этой же формулы следует, что при $t_г = \text{const}$ теплосодержание газов тем больше, чем меньше процентное содержание RO_2 в продуктах горения, ибо с уменьшением RO_2 растет α, а следовательно, увеличивается и $V_г$ (зависимость J от RO_2 при $t_г = \text{const}$ на графике определяется точками *г*, *д*, *е*). На последнее обстоятельство необходимо обратить внимание по следующим соображениям. Если, как это видно из сказанного выше, с увеличением расхода топлива B, при неизменном значении RO_2 температура дымовых газов возрастает, то можно утверждать, что возрастает и $J_{ух}$, т. е. увеличиваются потери тепла с отходящими газами, а следовательно, к. п. д. котла уменьшается. Иначе говоря, температура уходящих газов при $RO_2 = \text{const}$ является показателем экономичности работы котла. Если же расход топлива остается без изменения, а меняется RO_2, то о величине потерь нельзя судить непосредственно по величине температуры уходящих газов. Как это следует из рис. 4 (точки *г*, *д*, *е*) температура газов может остаться без изменения, тем не менее, если RO_2 в продуктах горения будет уменьшаться, потери с уходящими газами, которые определяются значениями теплосодержания, будут возрастать. В практической деятельности необходимо иметь в виду, что температура уходящих газов сама по себе не может характеризовать меру экономичности работы котла. В каждом отдельном случае, чтобы судить о потерях с уходящими газами, необходимо, кроме температуры уходящих газов, принимать во внимание и содержание RO_2 в продуктах горения. Попутно отметим, что приведенные соображения относятся не только к температуре уходящих газов, но и к температурам в любой точке газового тракта. Изменение теплосодержания газов в топке и в газоходах представлено на рис. 5. Начальное теплосодержание газов J_0 в зависимости от RO_2 представлено в виде прямой, параллельной оси абсцисс. Это означает, что J_0 не зависит от RO_2. Строго говоря, это не соответствует действительности, ибо J_0 зависит, кроме теплотворной способности топлива, и от физического тепла воздуха, которое увеличивается с уменьшением RO_2. Однако это увеличение столь незначи-

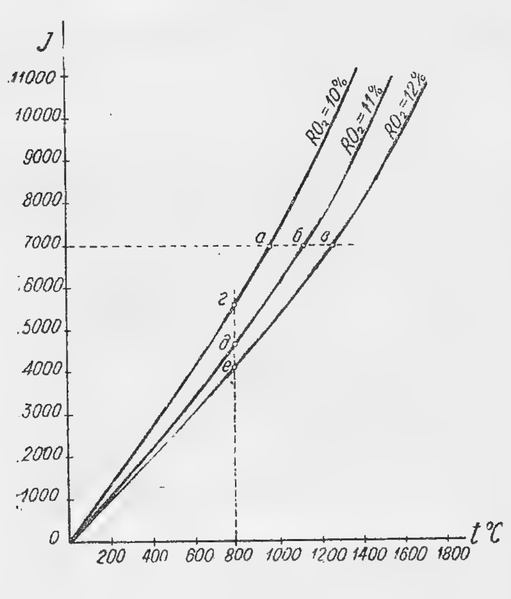


Рис. 4.

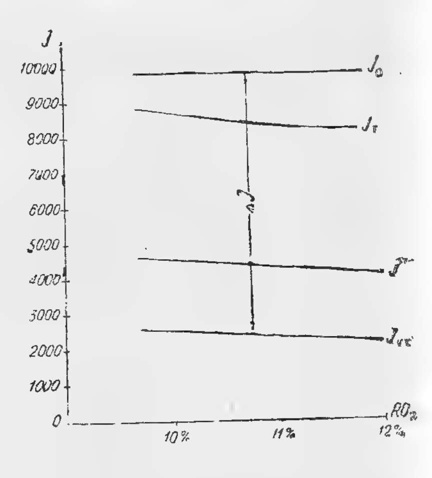


Рис. 5.
J_0 — начальное теплосодержание газов; $J_т$ — теплосодержание газов, покидающих топку; J' — теплосодержание газов перед пароперегревателем; $J_{ух}$ — теплосодержание уходящих газов.

тельно (по сравнению с абсолютным значением $^нK_р$), что им можно пренебречь. Так, например, начальное теплосодержание газов при RO_2=10, 11, 12% соответственно составляет 9918, 9909, 9902 (т. е. влияет на третий или четвертый знаки). Из этого же рисунка следует, что с увеличением RO_2 теплосодержание уходящих газов $J_{ух}$ уменьшается, а полезно используемое тепло возрастает. На графике полезно использованный перепад изображается отрезком ΔJ. Если принять средний коэфициент удержания тепла $\eta_{ср}$ по всему котлу не зависящим от RO_2, то количество тепла, переданное котлу, определится из выражения:

$$Q_1 = \eta_{ср} B \Delta J \quad \frac{ккал}{час},$$

где: Q_1 — количество тепла, полезно использованное в котле, т. е. пошедшее на изготовление пара и перегрев этого пара в пароперегревателе; B — часовой расход топлива; ΔJ — полезно использованный теплоперепад, а к. п. д. котла будет:

$$\eta_к = \frac{\eta_{ср} B \Delta J}{B ^нK_р} = \frac{\eta_{ср} \Delta J}{^нK_р}.$$

Из последнего выражения следует, что с увеличением RO_2 к. п. д. котла возрастает. Произведенные подсчеты по многим водотрубным котлам показывают, что при увеличении RO_2 на 1% к. п. д. котла в среднем увеличивается на 2—2,5%. Что же касается температуры перегретого пара, то с увеличением RO_2 температура будет падать. Объясняется это тем, что с увеличением RO_2, вследствие уменьшения общего количества газов, омывающих конвективные пучки, коэфициент теплопередачи как для генераторной части, так и для перегревателя уменьшается. Однако, как указывалось выше, темп изменения $K_п$ выше, чем $K_г$, поэтому количество тепла, переданного пароперегревателю, будет пропорционально меньше, чем количество тепла, переданного

генераторной части, следовательно, каждый килограмм пара, проходящий через пароперегреватель, будет получать меньшее количество тепла, вследствие чего температура перегретого пара будет ниже.

Влияние RO_2 на температуру перегретого пара весьма значительно. Так, при изменении RO_2 на 1% температура перегретого пара изменяется на 15—20° С.

На рис. 6 представлен сводный график изменения характеристик котла в зависимости от изменения RO_2. Здесь следует обратить внима-

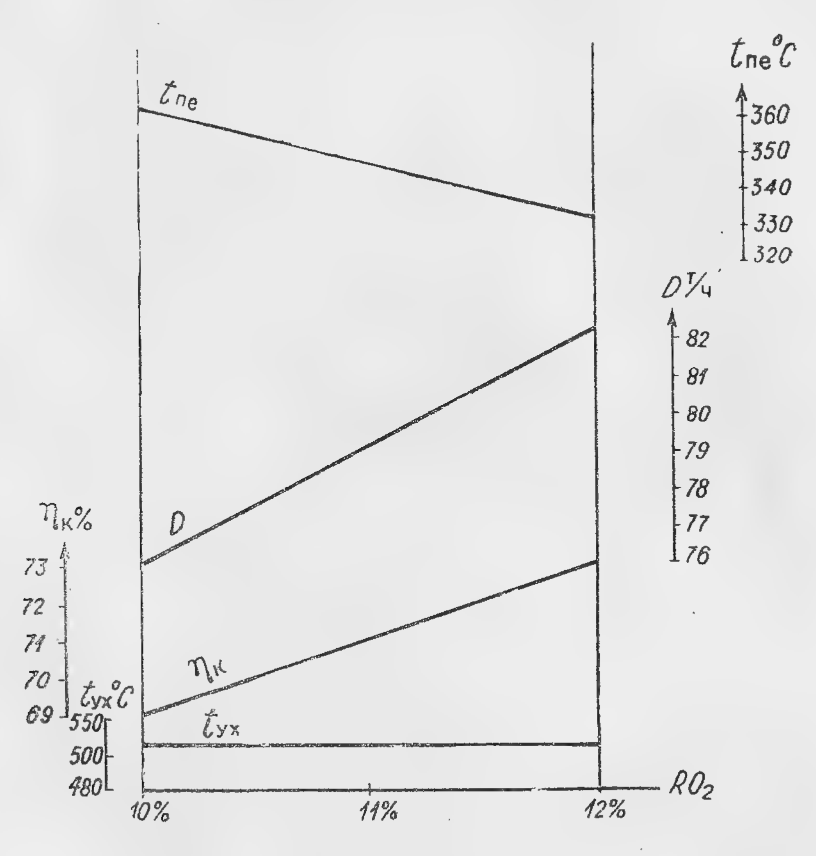


Рис. 6.
$t_{пе}$ — температура перегретого пара; D — паропроизводительность котла; $\eta_к$ — к. п. д. котла; $t_{ух}$ — температура уходящих газов.

ние на то, что с увеличением RO_2 паропроизводительность котла возрастает. Объясняется это увеличением к. п. д. котла. Температура же уходящих газов остается практически без изменения. Это обстоятельство уже было обосновано выше.

Из всего изложенного следует, что величина RO_2 оказывает существенное влияние как на экономичность работы котла, так и на параметры пара. Поэтому непрерывное наблюдение за содержанием RO_2 в дымовых газах и поддержание его значения на спесификационном уровне является необходимым условием рациональной эксплоатации

котельных установок. Как известно, процентное содержание RO_2 в продуктах горения определяется либо прибором Орса либо показаниями электрогазоанализатора.

Хотя показания прибора Орса достаточно надежны, тем не менее этот прибор с точки зрения эксплоатации его на кораблях флота обладает рядом существенных недостатков, а именно: 1) анализ дымовых газов можно производить только периодически, почему исключается возможность непрерывного наблюдения за содержанием RO_2; 2) процесс анализа отнимает много времени; 3) наличие большого количества стеклянных деталей делает прибор ненадежным в корабельных условиях; 4) требуется периодическая замена реактивов; 5) прибор непортативен.

Таким образом, ведение рационального топочного режима, требующего непрерывной фиксации процентного содержания RO_2, с помощью прибора Орса невозможно. Однако за прибором Орса остается его главное преимущество: с его помощью проверяется точность показаний электрических газоанализаторов. С этой точки зрения прибор Орса является незаменимым. В том случае, когда электрические газоанализаторы, непрерывно фиксирующие содержание RO_2 в продуктах горения, либо не работают либо отсутствуют на данном корабле, можно вести топочный режим при оптимальных значениях избытка воздуха, пользуясь одним из методов, которые характеризуются ниже.

Оценка степени совершенства горения по окраске продуктов горения. Существует весьма распространенное мнение, что наличие «легкого» дымка является признаком совершенного горения. Это представление относительно и не совсем верно. Если подходить к оценке окраски дымовых газов с теоретической точки зрения, то, начиная с $\alpha = 1$ (когда $RO_2 = 15{,}5\%$ для флотского мазута) до $\alpha = 4$ (когда $RO_2 \approx 4\%$), продукты горения не имеют никакой окраски. Действительно, при полном горении отходящие газы состоят из RO_2, O_2, N_2 и сильно перегретых паров воды. Так как перечисленные компоненты бесцветны, то и продукты горения не должны иметь окраску. Если же они имеют окраску, то это означает, что вследствие несовершенства процессов горения в топке выделяется сажа (чистый углерод), которая в зависимости от количества дает либо «легкую» окраску либо черную.

Степень совершенства топочного процесса в основном зависит от комплекса: воздухонаправляющее устройство — форсунка, причем идеальным комплексом будет такой, который позволит сжигать топливо с $\alpha = 1$ и давать совершенно бесцветные продукты горения. А так как идеальных комплексов нет, то в действительности бездымное горение протекает с коэфициентом избытка воздуха, бóльшим единицы. При этом для каждой конструкции форсунки в сочетании с ее воздухонаправляющим устройством существует такое минимальное значение $\alpha > 1$, ниже которого происходит дымообразование.

Поэтому признаком оптимальности топочного режима может служить момент возникновения окраски дымовых газов, если только окраска не вызвана неисправностью или загрязнением топочных устройств.

Совершенно иначе обстоит дело, когда к котельным установкам кораблей, в силу ряда специфических условий, предъявляется требование полной бездымности горения. В этом случае совершенно исключается возможность визуальной оценки степени совершенства топоч-

ного процесса, ибо продукты горения не имеют окраски в весьма широком диапазоне изменения α (до 4, тогда RO_2 падает от 3,8 до 4% и к. п. д. котла может уменьшиться до 15—18%). Отсюда следует, что рациональное ведение топочного процесса «на-глаз», когда требуется бездымный режим работы котла, совершенно неприемлем.

Оценка степени совершенства горения по числу оборотов турбовентилятора. Известно, что количество подаваемого турбовентилятором воздуха прямо пропорционально количеству сжигаемого топлива. Известно также, что количество подаваемого воздуха связано с числом оборотов турбовентилятора. Поэтому можно опытным путем найти такую количественную связь между расходом топлива или (что то же самое) числом включенных форсунок и числом оборотов вентилятора, при котором RO_2 в продуктах горения будет иметь оптимальное значение. Однако этот способ нельзя считать достаточно точным, ибо в силу ряда причин зависимость между числом оборотов турбовентилятора и количеством подаваемого в топку воздуха может колебаться.

Оценка степени совершенства горения по давлению воздуха в кочегарке. Этот способ отличается от предыдущего тем, что здесь рекомендуется для различных величин расхода топлива найти такие значения давления воздуха в кочегарке, при которых RO_2 в продуктах горения будет иметь оптимальные значения. Практически эту зависимость в виде кривой или таблицы можно определить следующим образом. Пусть на котле смонтированы семь форсунок. Включают две форсунки и изменением количества воздуха добиваются максимально возможного значения RO_2 при бездымном горении. Величина RO_2 определяется химическим газоанализатором. Найдя оптимальное значение RO_2, фиксируют давление в кочегарке по тягомеру. Аналогичным путем определяется давление в кочегарке для трех, четырех, пяти, шести и семи форсунок и строится кривая или составляется таблица зависимости числа действующих форсунок от давления воздуха в кочегарке. Этот способ обладает тем преимуществом, что здесь количество подаваемого в топку воздуха не связано ни с числом оборотов турбовентилятора ни с потерями воздуха через различные неплотности в кочегарке. В дальнейшем при эксплоатации котла обслуживающий состав регулирует подачу воздуха, пользуясь составленным графиком. Совершенно очевидно, что этим графиком можно пользоваться лишь в том случае, если сохраняются все те условия (давление нефти, величина открытия регистров), которые были приняты при его составлении.

Влияние температуры питательной воды на температуру перегретого пара

Найдем количественную связь между температурой питательной воды и температурой перегретого пара. Предварительно установим следующее. Количество тепла, переданное газами в котле, определяется формулой

$$Q = KH\Delta t_{ср} \quad \frac{ккал}{час},$$

где: K — коэфициент теплопередачи; H — поверхность нагрева; Δt — средний логарифмический напор температур.

Если речь идет о данной поверхности нагрева, то количество переданного тепла будет зависеть только от K и $\Delta t_{ср}$. Нужно учесть,

что $\Delta t_{ср}$ при данном давлении зависит от температуры газов, омывающих пучок трубок и жидкость, двигающуюся по водогрейным трубам (поскольку температура воды или пароводяной смеси в генераторной части зависит от давления). Далее, коэфициент теплопередачи как для генераторной части, так и для пароперегревателя зависит только от скорости газов. Таким образом количество тепла, переданного конвективным пучкам (с достаточной для практики точностью приведенные выше соображения могут быть отнесены и к пароперегревателю) при неизменном давлении пара в котле, определяется исключительно газовой стороной. Независимо от того, движется ли по трубкам генераторной части горячая вода либо пароводяная смесь и движется ли эта жидкость в малом либо в большом количестве, количество тепла, переданное газом пучку, будет одним и тем же. Следовательно, если в котел подается холодная вода, то количество образовавшегося пара будет меньше, чем если бы котел питался горячей водой. Или иначе, так как при всех условиях газы передают одно и то же количество тепла, то чем выше температура питательной воды, тем меньше тепла пойдет на образование 1 кг пара и тем больше, следовательно, будет количество выработанного пара. После этих предварительных соображений перейдем к рассмотрению количественной связи между температурой питательной воды и температурой перегретого пара. Пусть при установившемся режиме работы котла генераторному пучку передается в час $Q_1^г$ кал. тепла. Пусть, далее, температура питательной воды будет $t'_{пв}$. Тогда количество пара, выработанное пучком, будет

$$D_1 = \frac{Q_1{}^г}{i'' - t'_{пв}} \quad \frac{кг}{час},$$

откуда:

$$Q_1{}^г = D_1(i'' - t'_{пв}), \tag{1}$$

где: D_1 — количество выработанного котлом пара (насыщенного), i'' — теплосодержание насыщенного пара.

Теперь допустим, что температура питательной воды в силу ряда обстоятельств изменилась и стала $t''_{пв}$. Так как количество переданного тепла остается без изменения, то количество выработанного пара изменится и будет D_2, причем

$$D_2 = \frac{Q_1^г}{i'' - t''_{пв}},$$

откуда

$$Q_1^г = D_2\,(i'' - t''_{пв}). \tag{2}$$

По условиям задачи левые части уравнений (1) и (2) равны, поэтому равны и правые части. Приравняв, получим:

$$D_1\,(i'' - t'_{пв}) = D_2(i'' - t''_{пв}), \quad \text{или} \quad \frac{D_1}{D_2} = \frac{i'' - t''_{пв}}{i'' - t'_{пв}}. \tag{3}$$

В пароперегревателе в первом случае D_1 кг пара получают $Q_1{}^п$ кал тепла, а во втором случае то же самое количество тепла передается D_2 кг пара. Отсюда для первого случая

$$Q_1^п = D_1(i_1 - i''), \tag{4}$$

а для второго

$$Q_1^п = D_2\,(i_2 - i''), \tag{5}$$

[1] Считаем, что температура питательной воды численно равна теплосодержанию.

где: i_1 — теплосодержание перегретого пара при перегреве D_1 кг пара, а i_2 — тоже при перегреве D_2 кг пара. Очевидно, i_1 и i_2 будут иметь различные значения, ибо при одной и той же величине $Q_1^{п}$ количества подлежащего перегреву пара будут соответственно D_1 и D_2.

Из выражений (4) и (5) имеем:

$$D_1(i_1 - i'') = D_2(i_2 - i''),$$

или:

$$\frac{D_1}{D_2} = \frac{i_2 - i''}{i_1 - i''}. \qquad (6)$$

Числитель и знаменатель выражений (6) представляют собой теплоту перегрева, поэтому

$$i_2 - i'' = C_p(t_2 - t_н) \text{ и } i_1 - i'' = C_p(t_1 - t_н),$$

где: t_1 и t_2 — температуры перегретого пара соответственно при проходе через перегреватель D_1 и D_2 кг пара, а $t_н$ — температура насыщенного пара.

Учитывая последнее, выражение (6) перепишется так:

$$\frac{D_1}{D_2} = \frac{C_p(t_2 - t_н)}{C_p(t_1 - t_н)}.$$

С достаточной для практики точностью теплоемкости можно принять одинаковыми. В результате последнее выражение представится в следующем виде:

$$\frac{D_1}{D_2} = \frac{t_2 - t_н}{t_1 - t_н}. \qquad (7)$$

Решив совместно уравнения (7) и (3), получим:

$$\frac{i'' - t''_{пв}}{i'' - t'_{пв}} = \frac{t_2 - t_н}{t_1 - t_н},$$

откуда искомая температура перегретого пара при изменении температуры питательной воды от $t''_{пв}$ до $t'_{пв}$ будет:

$$t_2 = (t_1 - t_н)\frac{i'' - t''_{пв}}{i'' - t'_{пв}} + t_н.$$

Из этого выражения следует, что с увеличением температуры питательной воды температура перегретого пара падает и, наоборот, с уменьшением — повышается. Для количественной оценки влияния температуры питательной воды приводим пример.

Пусть расчетные параметры пара в котле будут:

$$P_к = 28 \text{ ата};\ t_{пе} = 350°\ С;\ t'_{пв} = 120°\ С.$$

По таблицам водяных паров при принятом давлении $i'' = 669 \frac{ккал}{кг}$.

$$t_н = 229°\ С.$$

Допустим, что температура питательной воды понизилась до $t''_{пв} = 80°$ С. Тогда температура перегретого пара будет:

$$t_2 = (350 - 229)\frac{669 - 80}{669 - 120} + 229 \approx 360°С.$$

Из этого примера следует, что в общем случае при изменении t_2 на 4° С температура перегретого пара меняется приблизительно на 1° С.

Влияние величины отбора насыщенного пара на температуру перегретого пара

На температуру перегретого пара оказывает влияние количество отбираемого из парового коллектора насыщенного пара, ибо чем больше пара отбирается из парового коллектора, тем меньше количество пара, поступающего в пароперегреватель, а следовательно, при одном и том же тепловосприятии поверхности нагрева пароперегревателя,— тем большее количество тепла воспринимает каждый килограмм пара, в результате чего температура перегретого пара увеличивается.

Найдем связь между температурой перегретого пара и величиной отбора. Пусть отбора пара нет и весь пар, вырабатываемый котлом, идет на перегрев. Тогда баланс тепла в пароперегревателе будет:

$$Q_п = D(i_1 - i'') = D\,\Delta i = D\,C_р\,(t_1 - t_н). \tag{1}$$

Пусть, далее, из парового коллектора отбирается $D_{отб}$ кг пара. Тогда в пароперегреватель поступит $D-D_{отб}$ кг пара и баланс его будет

$$Q_п = (D - D_{отб})(i_2 - i'') = (D - D_{отб})\,C_р\,(t_2 - t_н). \tag{2}$$

Приравняв (1) и (2) (тепловосприятие пароперегревателя практически не меняется), получим:

$$D\,C_{р1}(t_1 - t_н) = (D - D_{отб})\,C_{р2}\,(t_2 - t_н),$$

или, приняв $C_{р1} = C_{р2}$,

$$t_2 = \frac{D}{D - D_{отб}}(t_1 - t_н) + t_н\,. \tag{3}$$

Решим пример, пользуясь данными предыдущего примера.

$$D = 80 \text{ т}; \; D_{отб} = 20 \text{ т}.$$

$$t_2 = \frac{80}{80-20}(350 - 229) + 229 \approx 390^\circ \text{C}.$$

Из этого примера следует, что с отбором насыщенного пара требуется осторожность, ибо температура перегретого пара сильно возрастает.

Влияние влажности насыщенного пара на температуру перегретого пара

В ряде случаев (чрезмерно высокий уровень воды в паровом коллекторе, вскипание воды в котле, резкое увеличение нагрузки котла) влажность пара, поступающего из парового коллектора в пароперегреватель, возрастает. В результате часть поверхности нагрева пароперегревателя работает как генератор и не участвует в перегреве пара. При этом, естественно, температура перегретого пара понижается. Количественную связь между температурой перегретого пара и влажностью этого пара можно определить, исходя из следующих соображений.

Пусть расчетная влажность пара будет x_1. Тогда баланс пароперегревателя будет

$$Q_п = D[i_1 - (i' + r x_1)], \tag{1}$$

где: D — количество пара, вступившего в пароперегреватель; i_1 — теплосодержание перегретого пара; i' — теплосодержание жидкости; r — теплота парообразования.

Допустим, что в силу ряда причин сухость пара стала x_2. Баланс пароперегревателя при новом значении сухости пара будет

$$Q_п = D\,[(i_2 - (i' + r x_2)]. \qquad (2)$$

Приравняв (1) и (2), получим:

$$i_1 - i' - r x_1 = i_2 - i' - r x_2, \quad \text{или:} \quad i_1 - i_2 = r(x_1 - x_2). \qquad (3)$$

Зная, что $i_1 - i_2 = C_р\,(t_1 - t_2)$, и подставив последнее выражение в уравнение (3), получим:

$$C_р\,(t_1 - t_2) = r\,(x_1 - x_2),$$

откуда искомое значение t_2 будет:

$$t_2 = t_1 - \frac{r(x_1 - x_2)}{C_р}.$$

Выводы

1. За редким исключением, котельная установка корабля работает на переменном режиме, и поэтому в целях рациональной эксплоатации установки необходимо иметь полное представление о характере изменения параметров и характеристик как по газовой, так и по паровой сторонам котла, чтобы рядом мероприятий добиться наибольшей экономичности работы котла и турбокотельной установки в целом.

2. Хотя с уменьшением нагрузки котла к. п. д. увеличивается, из этого вовсе не следует, что при любых условиях и режимах в целях уменьшения нагрузки на котел экономичнее включать все котлы на главную магистраль с равномерно распределенной нагрузкой. Известно, что с увеличением числа действующих котлов при одной и той же мощности, развиваемой главной турбиной, увеличивается расход пара на работу вспомогательных механизмов. Поэтому в ряде случаев экономический эффект, полученный в установке в результате уменьшения нагрузки на один котел, либо может быть полностью поглощен увеличением расхода тепла на работу вспомогательных механизмов, либо же этот расход перекроет выигрыш тепла в котле и тогда турбокотельная установка в целом будет работать с низким значением к.п.д.

Из изложенного следует, что инженерно-технический состав корабля может чисто экспериментальным путем для каждого режима работы установки определить такую комбинацию из числа действующих котлов и их нагрузки, при которой к. п. д. этой установки будет оптимальным.

3. С уменьшением нагрузки котла температура перегретого пара понижается. Это обстоятельство влечет за собой уменьшение теплоперепада в турбине и, как следствие, понижение ее термического к. п. д. Поэтому поддержание температуры перегретого пара на спесификационном уровне там, где это допускает конструкция котла, является совершенно необходимым.

Целесообразность регулирования температуры перегретого пара путем уменьшения подогрева питательной воды или увеличения избытка воздуха должна быть доказана опытным путем, ибо в первом случае ухудшается (правда, незначительно) к. п. д. всего цикла, а во втором случае уменьшается к. п. д. котла. Поэтому возможны такие

режимы работы котла, при которых эффект от повышения термического к. п. д. турбины не покроет потери, связанные с увеличением α или уменьшением температуры питательной воды.

4. Сохранение оптимального значения RO_2 при всех режимах и при всех условиях является необходимым условием рациональной эксплоатации котельной установки. Поэтому эксплоатация котла без приборов, непрерывно фиксирующих RO_2 в продуктах горения, или же эксплоатация котла без непрерывного контроля за содержанием RO_2 является при наличии газоанализаторов признаком полного пренебрежения к вопросам, связанным с рациональной эксплоатацией теплосиловых установок.

5. Если в силу ряда причин отсутствуют газоанализаторы, непрерывно фиксирующие RO_2, то должна быть составлена таблица либо вычерчен график зависимости давления воздуха в кочегарке от расхода топлива или от числа действующих форсунок с тем, чтобы личный состав, обслуживающий котел, регулировал бы подачу воздуха с помощью этого графика или таблицы.

6. Большой процент отбора насыщенного пара влечет за собой повышение температуры перегрева. В ряде случаев при чрезмерно высоком отборе возможен пережог трубок пароперегревателя.

7. Повышение влажности насыщенного пара влечет за собой понижение температуры перегретого пара и, как следствие, понижение к. п. д. турбины. Кроме того, высокая влажность насыщенного пара, способствуя солеотложению и накипеобразованию в пароперегревателе, при определенных условиях может привести к пережогу котельных трубок, а в общем случае к интенсификации коррозийных процессов. Поэтому, чтобы предупредить повышение влажности, рекомендуется держать уровень воды в котле как можно ниже, особенно при больших нагрузках. Далее, без особой надобности не следует резко увеличивать нагрузку котла, во избежание резкого повышения уровня воды в котле и возможного заброса воды в пароперегреватель. На увеличение влажности пара оказывает влияние и высокое солесодержание котловой воды.

Новости иностранной техники

АМЕРИКАНСКИЕ ТАНКОДЕСАНТНЫЕ СУДА „L. S. T."

Настоящая статья имеет своей целью дать возможно полное описание танкодесантного суда «L. S. T.», сыгравшего исключительно большую роль в десантных операциях союзников, и в частности при вторжении на континент Европы, показать его основные тактические и технические особенности.

«L. S. T.» — Landing Ship Tank — предназначены для транспортировки на значительные расстояния большого количества танков и механизированных средств с последующей выгрузкой их непосредственно с марша своим ходом на мало оборудованное или даже совершенно не оборудованное побережье. Они весьма удачно сочетают в себе функции транспортов среднего тоннажа и высадочных средств для танков и механизированных средств, а поэтому с точки зрения тактического применения с полным правом могут быть названы транспортами — высадочными средствами для танков и механизированных средств.

Основными задачами «L. S. T.» являются: 1) высадка основных сил десанта в операциях крупного масштаба (оперативные и стратегические десанты), а при благоприятной обстановке — высадка непосредственно с марша головных частей десанта; 2) скрытый переход морем в течение темного времени суток и внезапная высадка небольших тактических и диверсионных десантов. Дополнительными задачами могут быть: высадка тылов и обеспечение питания десанта; эвакуация технически оснащенных войск; ложные маневры; поддержка сухопутных частей огнем и перевозками и т. д.

Транспорт—высадочное средство—имеет следующие основные положительные тактические качества: 1) позволяя произвести высадку непосредственно с марша, исключает один из неприятнейших, с тактической и технической точек зрения, этапов десантной операции — перегрузку десанта с транспортов на высадочные средства, повышая быстротечность и стремительность операции и давая возможность быстро развернуть танки во время боя за высадку; 2) сокращает время пребывания десанта под ударами противника в тот наиболее критический момент, когда он готовится к основному этапу операции — высадке, являясь в то же время сам по себе беспомощным против атак противника с моря, воздуха и берега; 3) значительно сокращает, а иногда и исключает совершенно, работы по техническому оборудованию пунктов высадки; 4) производя массовые перевозки техники, облегчает задачу проведения десантных операций крупного масштаба.

С технической стороны создание такого корабля является одной из труднейших проблем. Перед кораблестроителями встала задача увязки малой осадки корабля, необходимой для подхода к берегу, с большим водоизмещением, умеренной остойчивостью, исключающей порывистую и стремительную качку, и надлежащими мореходными качествами, обеспечивающими океанские переходы. В дополнение к этому необходимо было разрешить вопрос конструктивного оформления устройства, которое обеспечило бы выгрузку танков и механизированных средств своим ходом на берег, не говоря уже о специфике размещения тяжелых и крупногабаритных грузов и о сложности балластировки и диферентовки корабля, имея в виду сильно разнящиеся между собой случаи нагрузки его. Американские конструкторы исключительно смело и оригинально подошли к решению этих сложнейших кораблестроительных проблем, создав впервые в истории кораблестроения качественно новый корабль для десантных целей — танкодесантное судно „L. S. T."

Внешний вид и основные тактико-технические элементы. По внешнему виду танконосец «L. S. T.» напоминает обычное гладкопалубное грузовое судно с небольшой кормовой надстройкой. По своим размерениям он также близко подходит к грузовым судам среднего тоннажа. Его наибольшая длина составляет 100 м, наибольшая ширина — 15,3 м. Водоизмещение порожнем — 1500 т, а в полном грузу доходит до 4100 т. Таким образом, дедвейт судна или его полная грузоподъемность

равняется 2600 т, тогда чистая грузоподъемность будет порядка 2000 т. Судя по размерениям и водоизмещению, средняя осадка танконосца в полном грузу будет весьма значительной — около 3,2—3,4 м. Следовательно, для уменьшения осадки носом, с целью обеспечения близкого подхода к берегу для выгрузки танков самоходом, нужно создать значительный диферент на корму. Последний обеспечивается конструкцией (строительный диферент) и балластировкой судна, так что осадка носом при полном водоизмещении составляет около 2 м. Танки без специальной подготовки, безусловно, не могут форсировать такую глубину воды, а потому следует или выбирать для высадки берег с большим уклоном дна или же не догружать судно.

Союзники установили для этих судов так называемое полное, или океанское, водоизмещение и специальное «высадочное» водоизмещение, при котором не использована полностью его грузоподъемность, но значительно уменьшена осадка носом. Последнее резонно для головных судов, подходящих к берегу первыми, а последующие из них целесообразно грузить полностью, производя частичную разгрузку на рейде. Это подтверждается практикой использования этих судов; причем эта операция учитывается при нагрузке судна специфическим размещением соответствующих грузов и приемом на борт высадочных средств.

С учетом промежутков между танками, обеспечивающих удобство раскрепления их в трюме и возможность маневрирования, габариты танкового трюма позволяют разместить в нем около 40 средних танков типа «Шерман» весом 29,5 т. Остаток грузоподъемности судна, получающийся при такой нагрузке — порядка 800 т, — пойдет на палубные и другие десантные грузы. Палубный груз состоит обычно из автомашин, которые в груженом состоянии размещаются непосредственно на палубе и надежно закреплены с помощью подкладок и цепей, и малых высадочных средств типа катеров для высадки бойцов «L. C. V.» или «L. C. V. P.». Последние находятся на шлюпбалках, и число их доходит до 6. Вместо автомашин на верхнюю палубу может быть принята танкодесантная баржа «L.C.T.» марки 5 или 6 или баржи «L. C. M.».

В качестве главных механизмов на танконосцах установлены два дизельных агрегата фирмы «Дженерал моторс», каждый из которых состоит из двух шестицилиндровых дизелей, смонтированных V-образно на общей станине. Мощность каждого агрегата — 900 л. с., при 750 оборотах в минуту. Они расположены тандем, и бортовые дизеля каждого агрегата через редуктор «Фальк» с передаточным числом 1 : 2,5 работают на гребной винт своего борта. В силовую передачу от двигателей на вал входит, кроме того, пневматическая муфта сцепления «Эфлекс». Последняя эффективно обеспечивает также реверс, что весьма важно для маневрирования судна в условиях прибрежной полосы.

Небольшая мощность дизелей не может обеспечить высокую скорость хода, и максимальный ход танконосцев при полной нагрузке определяется 11 узлами. Тактически, безусловно, желательно повышение скорости на 4—6 узлов. Дизельная установка, занимая мало места на корабле, позволила в то же время при небольших запасах топлива обеспечить большую дальность плавания: 6000 миль при крейсерской скорости 9 узлов. Такая дальность плавания отвечает назначению судна, позволяя ему совершать длительные океанские переходы к месту высадки десанта. В случае надобности, она легко может быть увеличена за счет приема топлива в балластные цистерны.

Артиллерийское вооружение «L. S. T.» предназначено в основном для целей самозащиты корабля от атак с воздуха — главным образом пикирующих и низколетящих бомбардировщиков. Оно представлено зенитными автоматами калибром 40 и 20 мм. Число автоматов (как и расположение) варьируется и доходит до двадцати.

Для судов подобного рода, с малой осадкой и тяжелыми грузами, надо опасаться чрезмерной остойчивости, что поведет к резкой и стремительной качке с малым периодом. Оценить остойчивость рассматриваемого типа судов не представляется возможным. Однако, имея в виду сравнительно умеренную величину соотношения между шириной и осадкой, в прямой пропорции от которой находится метацентрический радиус, и сравнительно высокое расположение тяжелых грузов, вряд ли она будет выходить за рамки допустимой величины. Океанские переходы «L. S. T.» с грузом говорят о том, что в отношении качки все обстоит благополучно. При переходах порожнем для увеличения осадки пользуются балластом.

Общее расположение схематично показано на рис. 1.

Танконосец имеет три палубы. Нижняя палуба является танковой. Танковый трюм занимает по высоте два междупалубных пространства, общая высота которых составляет 5,2 м, так что вторая—средняя—палуба идет лишь по бортам и в самой корме (за танковым трюмом). Длина танкового трюма составляет около 90 м, а ширина — порядка 9 м. По бортам от танкового трюма на нижней палубе расположены мастерские, кладовые и склады, а в корму от него — рефрижераторное и рум-

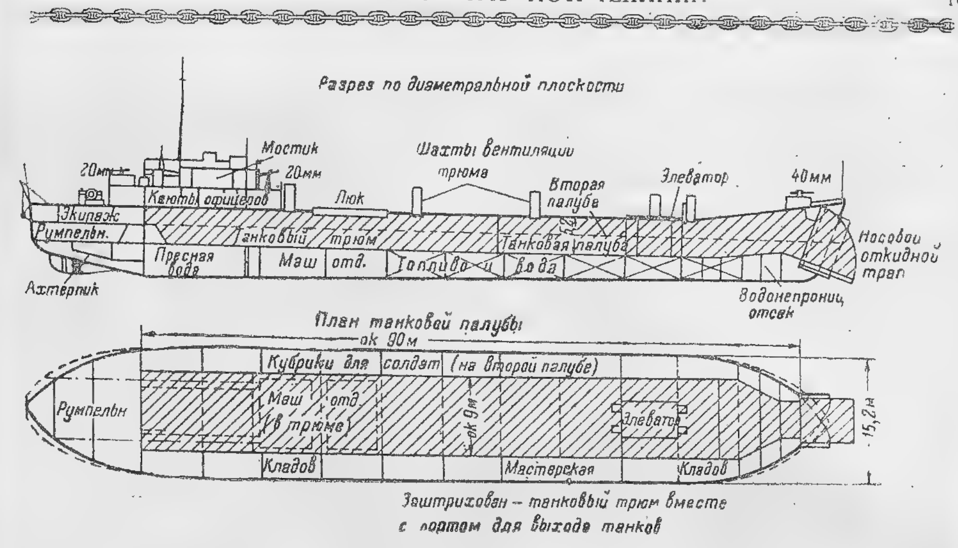


Рис. 1. Схематический чертеж общего расположения танкодесантного судна «L. S. T.»

пельное отделения. Под танковой палубой находится трюм значительной высоты, где расположено машинное отделение (ближе к корме), топливные и балластные цистерны. На бортовых участках средней палубы размещены кубрики для экипажа и помещения для войск, столовые, души и другие служебно-бытовые помещения. Помещения для войск оборудованы откидными койками, расположенными в три яруса. На верхней палубе в корме расположена двухъярусная надстройка. Перед ней имеется большой грузовой люк, а в носу — элеватор (подъемник), сообщающий верхнюю палубу с танковой. В носу, корме, а также и по бортам на части « L. S. T » (видимо, последней постройки) расположено артиллерийское вооружение.

В первом ярусе надстройки расположены каюты офицеров — двух- или четырехместные, кают-компания офицеров, камбуз, умывальник. Второй ярус является закрытым мостиком, здесь же находятся штурманская рубка и радиорубка. На надстройке расположен ходовой открытый мостик.

Для удаления выхлопных газов от работающих моторов танков предусмотрена вентиляция танкового трюма. Вентиляционные шахты выведены на верхнюю палубу и могут быть сняты для более удобного размещения грузов на палубе.

Оборудование танкового трюма весьма просто и включает в себя цепи, растяжки и подкладки для раскрепления танков, а также противопожарные средства.

Цепи уложены вдоль бортов, а в палубном настиле вдоль трюма сделаны специальные гнезда для растяжек. Вид танкового трюма показан на рис. 2.

Погрузка танков в трюм осуществляется или с помощью лифта через верхнюю палубу или же непосредственно самоходом

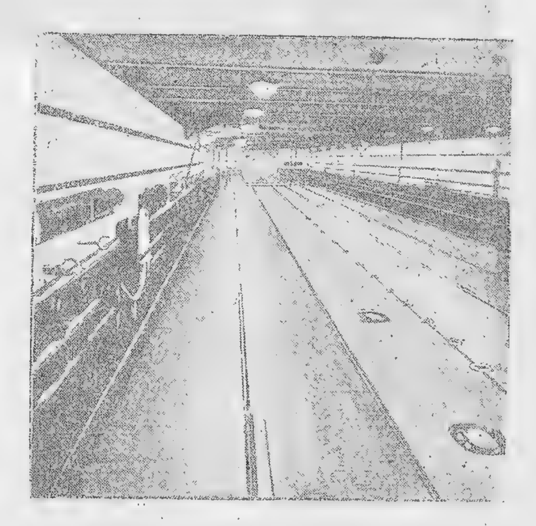


Рис. 2. Вид танкового трюма.

через носовой порт. Автомашины грузятся также самоходом с пирса или с использованием лифта (снизу вверх), а также для этой цели могут быть использованы грузоподъемные средства.

Выгрузка танков своим ходом осуществляется с помощью упомянутого выше носового порта. В десантных танковых баржах это устройство выполнено весьма

просто. Там нос баржи представляет собой плоскую стенку, которая на горизонтальных петлях укреплена своей нижней кромкой на прочной носовой конструкции и в откинутом положении образует помост, по которому идут танки. Откидной трап может быть удлинен за счет заваливающейся плоскости. Такая конструкция проста, но годна лишь для малых судов простейших образований, именно — типа

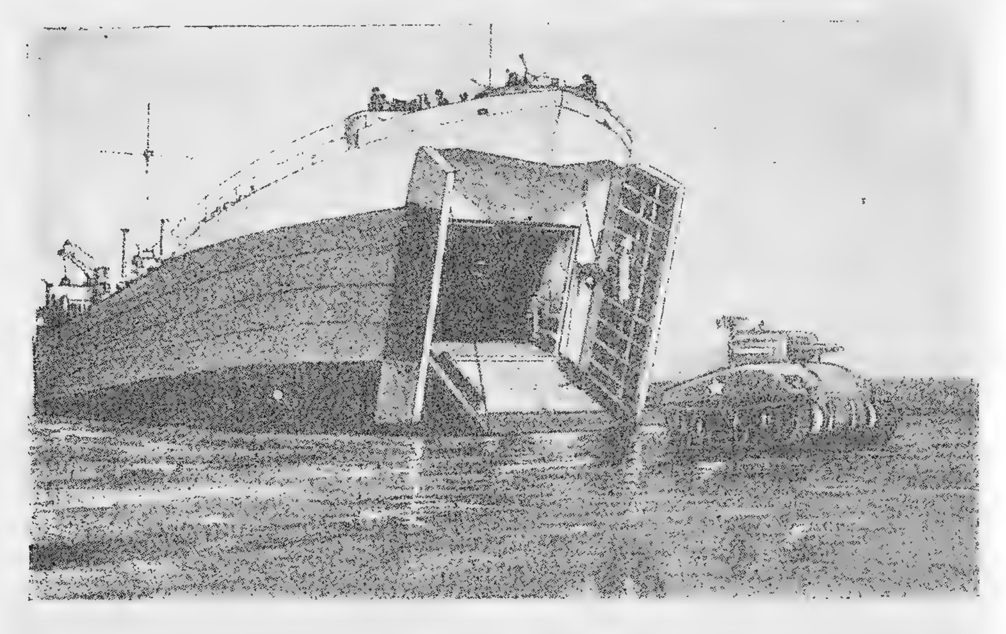


Рис. 3. Выход танка из «L. S. T.».

барж, оперирующих у берегов, а не для мореходных судов, предназначенных для океанских переходов.

Поэтому для танконосца «L. S. T.» американские конструкторы предложили новую, весьма оригинальную конструкцию, представляющую собой следующее. Нос судна вместе с набором и форштевнем несколько выше ватерлинии вырезан, так что образовался большой лацпорт. Этот лацпорт закрывается своеобразной створчатой дверью. Дверь образована двумя половинками (левой и правой), которые подвешены на вертикальных мощных петлях и откидываются с помощью зубчатых секторов к бортам. Половинки двери по своим обводам являются продолжениями носовых судовых обводов, так что в закрытом положении дверей носовые образования судна остаются обычными. Внутри судна сделана несколько наклоненная вперед прочная поперечная переборка, в которую вделан плоский откидной трап, укрепленный на горизонтальных петлях по нижней кромке. Последний при открытых дверях лацпорта на цепях опускается на грунт и служит помостом, по которому выходят танки. По нему же можно выгружать автомашины, расположенные на палубе, для чего их необходимо сначала с верхней палубы спустить на лифте в танковый трюм.

Такая конструкция сохраняет носовые образования обычными, а следовательно, не ухудшает мореходных качеств. Недостатком ее следует считать сложность и уязвимость, ибо при порче петель и деформации дверей трап выходит из строя и грозит большой задержкой или даже срывом выгрузки.

Управление откидыванием дверей лацпорта и опусканием трапа производится из специального поста, расположенного в носу по левому борту. Здесь расположены силовые агрегаты и пульт кнопочного управления. В этом посту находится также ответственный за выгрузку. Через два небольших окна отсюда просматривается вся танковая палуба, и ответственный за выгрузку руководит последней, подавая водителям танков установленные световые сигналы.

Для обеспечения безопасности подхода судна к берегу, предохранения его от разворота в момент выгрузки и постановки лагом, что весьма опасно, служит кормовой якорь. Кроме того, он используется, в случае надобности, для стаскивания судна с мели при

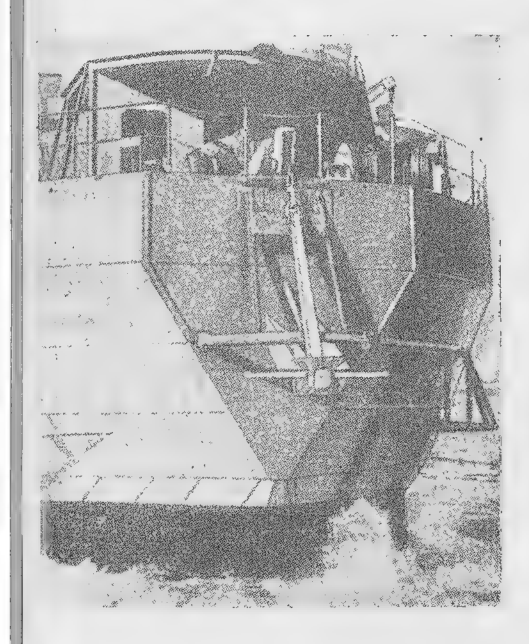


Рис. 4. Вид кормы «L. S. T.».

отходе от берега. В качестве кормового якоря применяется патентованный бесштоковый якорь Денфорта. Вес его — 3000 фунтов (1358 кг). Он хранится по-походному в висячем положении на кормовом транце.

В случае неблагоприятной прибрежной полосы, когда уклон морского дна не позволяет танконосцу подойти близко к берегу, выгрузка техники производится с помощью понтонного моста. Последний состоит из секций и может перевозиться на палубе танконосца. Сборка и наводка его не занимают много времени, однако это уже осложняет процесс разгрузки судна.

Опыт эксплоатации судов «L. S. T.» подтвердил их ценные тактические свойства как танконосцев, а кроме того, показал возможность дальнейшего расширения их функций. Эти суда, помимо прямого их назначения, были использованы в ходе войны и как суда поддержки, и (после небольшого переоборудования) как госпитальные суда, и как ремонтные мастерские, не говоря уже о них, как о грузовых судах. Кроме того, они были оборудованы взлетным устройством и, вместе с танками в трюме, несли некоторое количество самолетов, которые оказывались полезными при подходе к месту высадки и во время боя за высадку.

А. Г.

НОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ КОРАБЕЛЬНЫХ ПЕРЕБОРОК

ОБЩЕПРИНЯТАЯ конструкция поперечных и продольных корабельных переборок представляет собой ряд склепанных или сваренных по стыкам и пазам стальных листов, усиленных вертикальными стойками — ребрами жесткости, расставленными на определенных расстояниях друг от друга. Типичная конструкция обычной поперечной переборки показана на рис. 1, *А*, где буквой обозначены ребра жесткости.

Как сообщает журнал «Motorship», в Швеции предложена новая конструкция переборок, в которой ребра жесткости (*p*) располагаются не вертикально, а веерообразно (рис. 1, *Б*), так что расстояния между ними у днища (*a*) получаются минимальными, а у палубы (*a'*) — максимальными.

Такая конструкция обеспечивает более равномерное распределение давления на стойки по высоте по сравнению с переборками обычной конструкции, так как в районе наибольшего напора воды (у днища) стойки расставлены чаще, а по мере уменьшения давления на переборку расстояние между стойками увеличивается.

Особенно наглядным это станет, если сравнить кривые удельных давлений на стойки для переборок при обычном и веерообразном расположении стоек. Пусть число стоек и их профиль для обеих конструкций будут одинаковыми. Вертикальные стойки расставлены на равных расстояниях *b* друг от друга, а веерообразные — так, что по середине высоты переборки расстояние между ними равно *b* (рис. 1, *Б*), внизу же оно (*a*) значительно меньше, чем *b*, а вверху (*a'*)—значительно больше, чем *b*. Тогда удельное давление на стойку в обеих конструкциях по середине высоты переборки будет одинаковым, в нижней половине — в каждой точке по высоте для переборки с веерообразным расположением стоек оно будет меньше, чем для переборки с вертикаль-

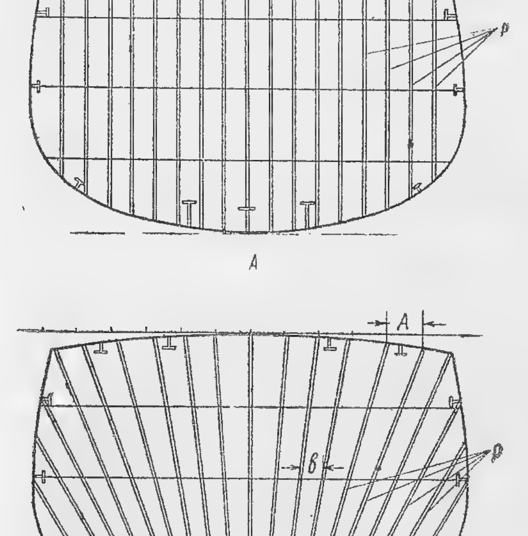


Рис. 1.

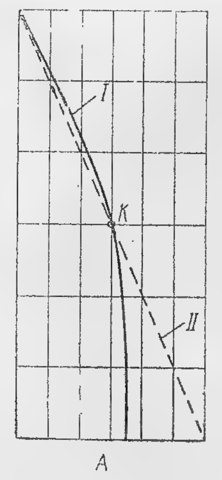


Рис. 2.

ным расположением стоек, а в верхней половине, наоборот, больше. В результате, кривые распределения удельных давлений на стойку выразятся (рис. 2, *А*): для переборки новой конструкции — кривой *I*, а для обычной переборки — прямой *II*, причем обе они будут иметь по середине высоты переборки общую точку (*К*).

Таким образом, в новой конструкции получается как бы перераспределение удельных давлений на стойку по высоте переборки, и материал стойки используется более рационально.

Распределение толщин листов переборки в этой новой конструкции теоретически выражается кривой *III* (рис. 2, *Б*) но, имея в виду постоянство толщины катанных листов судостроительной стали, распределение толщин следует выразить ломаной линией (*IV*) Практически же в

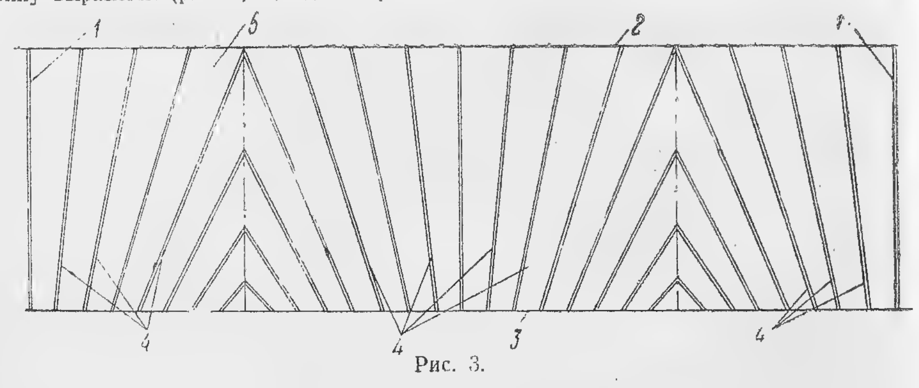


Рис. 3.

этой конструкции все листы переборки берутся одинаковой толщины, благодаря чему верхний пояс получает обычно небольшой запас прочности.

Аналогичная конструкция с веерообразным расположением стоек для продольных переборок показана на рис. 3, где: *1* — поперечные переборки, *2* — палуба, *3* — днище, *4* — стойки и *5* — листы обшивки переборки.

В описанной новой конструкции переборок все листы имеют одинаковые толщины, а все стойки — одинаковый профиль, что значительно упрощает изготовление переборок. Ввиду того, что ряд стоек имеет значительно меньшую длину, чем при их вертикальном расположении, вес переборки уменьшается примерно на 10 процентов.

А. П. АННЕНКОВ
Инженер-капитан

ДОЛГОТНЫЙ МАСШТАБ

(ГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПОПРАВКИ ОТШЕСТВИЯ В ПОПРАВКУ ДОЛГОТЫ)

Н. Н. МАТУСЕВИЧ

Инженер-вице-адмирал

ЕСТЬ один вопрос в графическом решении задачи Сомнера, который, мне кажется, может быть выполнен проще и удобнее, чем это обычно делают. Вопрос касается обращения поправки отшествия в поправку долготы. Не повторяя обычных и известных со школьной скамьи приемов этой операции, укажем следующий, довольно простой и универсальный способ.

Возьмем треугольник OQQ_1 (для удобства чертежа равносторонний), основание a и высоту h которого выберем произвольно (рис. 1).

Проведем прямую PP_1 параллельно основанию на некотором расстоянии z от основания и поставим условие, чтобы длина $PP_1 = p$ изображала в принятом масштабе дугу параллели, если QQ_1 есть дуга экватора, соответствующая той же разности долгот. Это условие позволяет написать пропорцию:

$$\frac{PP_1}{QQ_1} = \frac{\cos\varphi}{1}.$$

С другой стороны, из подобия треугольников OPP_1 и OQQ_1 можно написать:

$$\frac{PP_1}{QQ_1} = \frac{h - z_1}{h}.$$

Сравнивая эти выражения, получим зависимость между z и φ:

$$\frac{h - 2}{h} = \cos\varphi.$$

Отсюда легко найти, что неизвестная z равна:

$$z = h(1 - \cos\varphi) = 2h\sin^2\frac{\varphi}{2}. \qquad (1)$$

Таким образом, если по формуле (1) подсчитать для разных широт соответственные отстояния z и провести ряд линий, параллельных основанию, то отрезки этих линий между боковыми сторонами будут представлять собой в принятом масштабе длины параллелей, соответствующие указанным широтам.

Разделим основание QQ_1 на n равных частей и точки деления соединим с вершиной треугольника O. Проведенные лучи отсекут на разных линиях, аналогичных PP_1, равные отрезки, которые, например $P\beta$, можно принять за длину минуты параллели, если длину Qb принимать за милю расстояний или минуту дуги экватора.

По указанному правилу мы построили масштаб долгот в пределах от экватора до широты 80°, приняв экваториальную минуту (милю

расстояний) произвольно равной 0,5 см (рис. 2). До 40° линии параллельно основанию проведены через 5°, а от 40 до 80° через 1°.

Ниже приведена табл. 1 величин $z = 2h \sin^2 \frac{\varphi}{2}$ для разных значений широт при $h = 150$ мм.

Таблица 1

Таблица величины $z = 2h \sin^2 \frac{\varphi}{2}$ ($2h = 300$ мм)

φ	z (мм)	φ	z (мм)	φ	z (мм)	φ	z (мм)
0°	0,00	45°	43,93	57°	68,30	69°	96,25
10	2,28	46	45,80	58	70,51	70	98,70
15	5,11	47	47,70	59	72,74	71	101,17
20	9,05	48	49,63	60	75,00	72	103,65
25	14,06	49	51,59	61	77,28	73	106,14
30	20,10	50	53,58	62	79,58	74	108,65
35	27,13	51	55,60	63	81,90	75	111,18
40	35,09	52	57,65	64	84,24	76	113,71
41	36,80	53	59,73	65	86,61	77	116,26
42	38,53	54	61,83	66	88,99	78	118,81
43	40,30	55	63,96	67	91,39	79	121,38
44	42,10	56	66,12	68	93,81	80	123,95

Очевидно, что числа табл. 1 можно уменьшать или увеличивать в любое число раз. Понятно также, что отстояние z для любой параллели не зависит от того, какую длину принять за милю расстояний.

Для внутренних морей масштаб долгот надо распространять по широте только лишь на некоторое число параллелей, сообразно данному театру. Нет надобности строить такой масштаб чисто графическим путем, как сказано выше, а можно поступать, как ниже показано на примере.

Допустим, мы желаем построить масштаб долгот для Балтийского моря в пределах широт от 54 до 61° через 1°, предполагая, что построение сомнеровых линий делают на бланках в журнале для астрономических вычислений, иными словами, что миля расстояний графически изображается двумя делениями малого квадрата, а в среднем величина мили равна 7,75 мм. Прежде всего из табл. 1 делаем выписку (табл. 2) для тех широт, для которых желаем построить долготный масштаб, вычитаем из каждого числа величину 61,83 и получаем числа столбца III, представляющие собой отстояния в миллиметрах последующих параллелей от основной для $\varphi = 54°$. Полученные числа увеличиваем в любое число раз, например в 4, и проводим ряд параллельных линий в указанных расстояниях 8,5 мм, 17,2 мм и т. д. до 61,8 мм от начальной, которую принимаем за параллель 54° (рис. 3). Эти линии представляют соответственные параллели указанных широт.

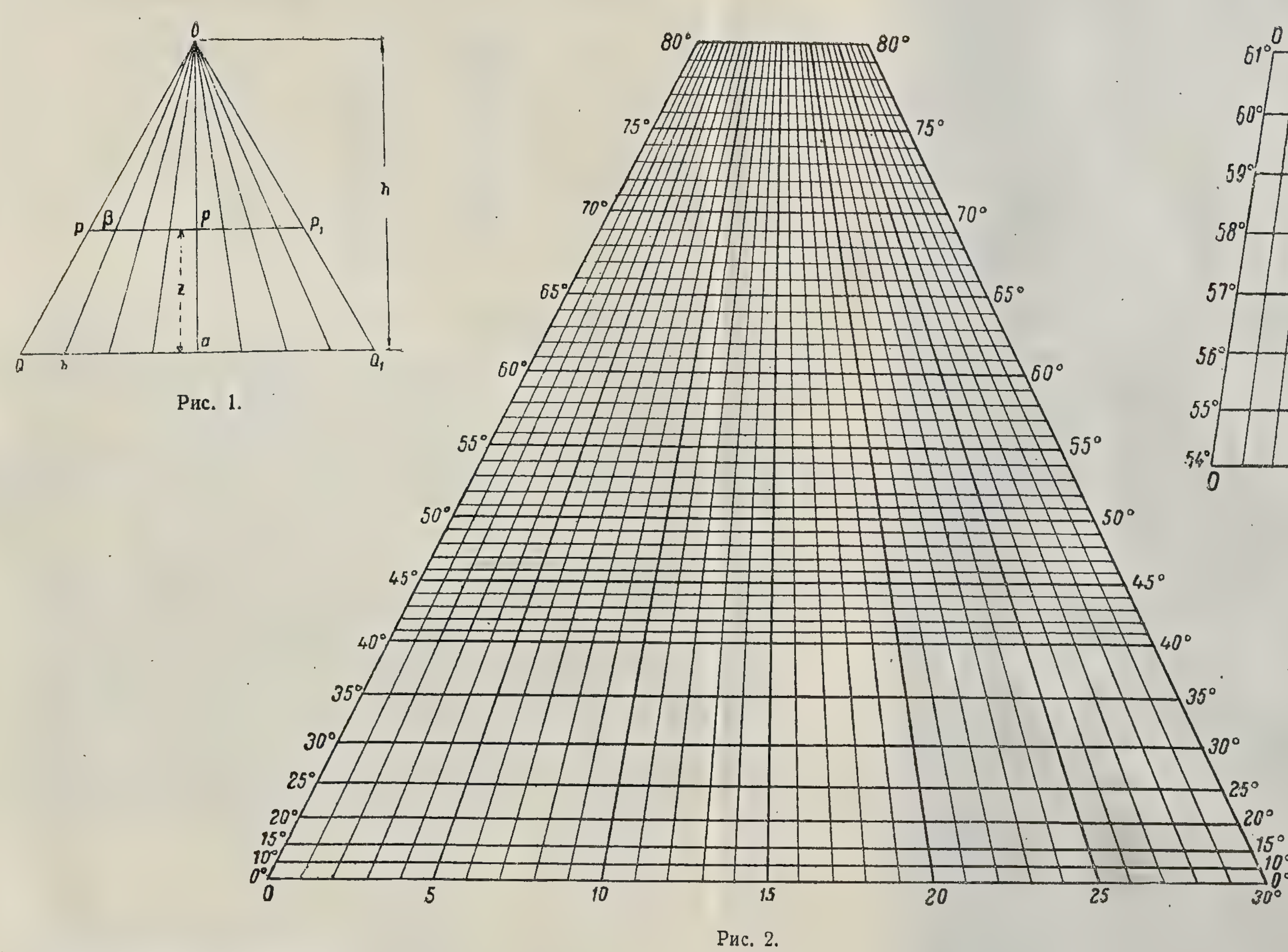


Рис. 1.

Рис. 2.

0 5 10 15 20
61° 60° 59° 58° 57° 56° 55° 54°
0 5 10 15 20

Рис. 3.

К статье Н. Н. Матусевич

„Долготный масштаб"

Таблица 2

I	II	III	IV	
54°	61,83	0,00	0,00 мм	
55	63,96	2,13	8,52	8,52
56	66,12	4,29	17,16	8,64
57	68,30	6,47	25,88	8,72
58	70,51	8,68	34,72	8,84
59	72,74	10,91	43,64	8,92
60	75,00	13,17	52,68	9,04
61	77,28	15,45	61,80	9,12

Так как cos 54° = 0,588, а cos 61° = 0,485, то длины минуты этих параллелей будут соответственно:

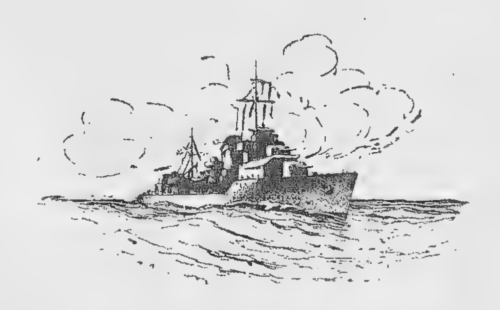
на широте 54° $p_1 = 0{,}588 \times 7{,}75 = 4{,}557$ мм

" " 61° $p_2 = 0{,}485 \times 7{,}75 = 3{,}759$ "

Отложив по 10 отрезков указанной длины в обе стороны от средней вертикальной линии по нижней и верхней параллелям (54 и 61°), соединяем соответственные деления прямыми и получим долготный масштаб для указанных широт при длине мили расстояний, равной 7,75 мм, т. е. двум малым квадратам.

Понятно, что такой масштаб удобнее построить указанным путем не в журнале вычислений, а на белом листе бумаги. Всего удобнее, конечно, выгравировать масштаб на целлулоидной пластинке и, не применяя циркуля, просто накладывать масштаб на отрезок отшествия так, чтобы средняя широта пришлась как раз на измеряемом отрезке. Проводить более часто параллели для дробных значений широт нет прямой необходимости, так как расположить на-глаз до десятой доли градуса масштаб не представляет никакого труда.

Поступая указанным путем, каждый штурман сам может для нужных широт построить такой масштаб, который, как видно, упростит определение координат обсервованного места.



СБОРНИК „АДМИРАЛ НАХИМОВ"*

Выпущенный Военно-морским издательством НКВМФ сборник документов и материалов «Адмирал Нахимов» является составной частью серии намеченных к изданию документальных публикаций, посвященных жизни и деятельности выдающихся русских флотоводцев. Сборник этот готовился к печати работниками Главного архивного управления НКВД СССР и Института истории Академии наук СССР под редакцией капитана 1 ранга Н. В. Новикова и кандидата исторических наук П. Г. Софинова.

В рецензируемом сборнике представлены документы, освещающие важнейшие этапы жизненного и боевого пути Нахимова: годы учения; первые годы военно-морской службы; деятельность на Черноморском флоте до начала Крымской войны; руководство военными действиями русского флота в Крымской войне; оборона Севастополя.

Сборник не только характеризует славный путь выдающегося русского флотоводца. Помещенные в нем документы и воспоминания живых участников событий, связанных с именем адмирала, показывают одновременно непреоборимую силу патриотизма русских людей — матросов, солдат, офицеров, воспитанных такими флотоводцами, как Лазарев, Нахимов, Корнилов.

Сборник открывается хроникой жизни и деятельности П. С. Нахимова. Уже при ознакомлении с этой хроникой бросается в глаза тот факт, что после окончания Морского кадетского корпуса (1818 г.) вся деятельность Нахимова вплоть до незабываемых дней Севастопольской обороны (1854 г.) протекала на кораблях. Нахимов неизменно занимал различные строевые должности, всегда был неразрывно связан с морем, с флотом, которые он беззаветно любил и которым посвятил свою жизнь.

Известно, какое благотворное влияние оказал на формирование Нахимова его учитель адмирал М. П. Лазарев. Лазарев был создателем передовой по тому времени школы воспитания и обучения русских военных моряков. Особенностью этой школы являлось то, что, вопреки господствовавшим тогда палочной дисциплине и муштре, Лазарев прививал морякам любовь к службе, воспитывал чувство воинского долга и чести и на этой основе добивался и высокой дисциплины и образцовой боевой подготовки личного состава. Под командой М. П. Лазарева молодой Нахимов плавал на фрегате «Крейсер», совершив продолжавшееся более трех лет кругосветное плавание, затем под командой того же Лазарева служил на линейном корабле «Азов» и на этом корабле получил первое боевое крещение — в Наваринском сражении.

В сборнике опубликованы весьма интересные документы, отражающие этот период жизни Нахимова. Здесь приводятся, например, выдержки из рапорта М. П. Лазарева начальнику морского штаба

* Документы и материалы для истории русского флота. Адмирал Нахимов, Военмориздат, 1945. 250 стр. Цена 12 р. 20 к.

о подвиге мичмана П. С. Нахимова, который самоотверженно бросился спасать упавшего в море матроса. «Сию готовность г. Нахимова при спасении человека жертвовать собою, — пишет Лазарев, — я долгом почел представить на благорассмотрение господ членов государственной Адмиралтейств-коллегии и льщу себя надеждою, что таковой подвиг не найдется недостойным внимания правосудного моего начальства» (стр. 27).

Впервые опубликовано извлеченное из Центрального архива древних актов письмо П. С. Нахимова своему другу М. Ф. Рейнеке, написанное вскоре после Наваринского сражения и дающее подробное описание этого боя.

В сражении при Наварине Нахимов «находился при управлении парусов и командовал орудиями на баке», как гласит приложенный к рапорту командующего эскадрой контр-адмирала Гейдена список отличившихся в сражении и представляемых к награде, «действовал с отличною храбростью и был причиной двухкратного потушения пожара» на корабле (стр. 40).

После Наваринского сражения по ходатайству Лазарева Нахимов был назначен командиром захваченного у турок корвета «Наварин». С этого времени до сентября 1845 г. он командовал различными кораблями: корветом «Наварин», фрегатом «Паллада», линейным кораблем «Силистрия». Подобранные в сборнике материалы характеризуют Нахимова как прекрасного командира-моряка, в котором воля, решительность и храбрость сочетались с уменьем воспитывать и обучать людей. Каким бы кораблем ни назначали командовать Нахимова, его корабль выделялся прекрасной боевой выучкой офицеров и матросов, образцовой дисциплиной и необычайной дружбой всей команды.

В сборнике приведены выписки из шканечного журнала корабля «Память Азова» и из флагманского журнала, который велся на корабле «Император Александр I», дающие представление о смелом и инициативном поступке Нахимова, командовавшего фрегатом «Паллада» во время плавания в составе эскадры под флагом вице-адмирала Беллинсгаузена. В бурную погоду при плохой видимости он определил, что курс эскадры неверен и она идет на камни. Нахимов решился взять на себя ответственность за судьбу всей эскадры. Он поднял сигнал: «Флот идет к опасности» и, не ожидая ответа адмирала, изменил курс своего корабля. Другие корабли последовали его примеру, чем избежали опасности попасть на камни.

Мы находим в сборнике очень интересную ведомость «о состоянии судов, действии и успехе в практических занятиях 2-й Черноморской практической эскадры во время плавания в лето 1842 года». Этот документ свидетельствует об исключительно высокой морской выучке Черноморского флота времени Лазарева. В ведомости указано время, затрачивавшееся на производство различных маневров с парусами на разных кораблях — постановка и уборка парусов, перемена рангоута, взятие рифов и т. д. Например, постановка всех прямых парусов и обрасопка рей в бейдевинд занимала на линейных кораблях от $5^1/_4$ до $8^3/_4$ минуты, постановка «вдруг» парусов от $3^1/_4$ до 4 минут, а уборка их от $1^1/_4$ до 2 минут. Из этой же ведомости видно, что линейный корабль «Силистрия», которым командовал в это время Нахимов, выделялся лучшими показателями среди других кораблей эскадры (стр. 54—57).

По документам, опубликованным в сборнике, можно проследить развитие флотоводческого искусства Нахимова. Большую ценность

имеют приказы и инструкции, составленные Нахимовым в период командования им соединениями флота и эскадрой.

Нахимов показал себя еще до Синопского сражения как выдающийся по организаторским способностям адмирал, с высоким мастерством осуществлявший операции большого масштаба.

Весьма интересны и поучительны, например, рапорты, приказы и инструкции Нахимова как командующего эскадрой во время перевозки морем войск из Севастополя на Кавказ (осень 1853 г.). О сложности этой операции можно судить по следующим данным: в ней участвовало 34 корабля (в числе их были не только парусные боевые суда, но также пароходы и транспорты), на которых было перевезено свыше 16 000 солдат и офицеров, 827 лошадей, большое количество артиллерии, различного снаряжения и имущества. Сложная задача, стоявшая перед флотом, была выполнена в весьма короткий по тому времени срок. 13 сентября Черноморский флот получил приказ о перевозке дивизии, и уже через 4 дня он вышел с войсками в море. 19 сентября на Сухумский рейд стали подходить пароходы и транспорты, с которых немедленно началась выгрузка, а 24 сентября вся операция была закончена. Руководивший операцией Корнилов в донесении Меншикову об успешном завершении перевозки войск на Кавказ особенно отмечал распорядительность «вице-адмирала Нахимова и подчиненных ему командиров парусных и пароходных судов» (стр. 85).

Заслуживают большого внимания приведенные в сборнике документы, посвященные военным действиям русского флота под командованием П. С. Нахимова в начале Крымской войны и уничтожению турецкого флота в Синопском сражении.

Читая приказы и рапорты Нахимова, относящиеся к этому периоду его боевой деятельности, мы видим Нахимова как последователя и продолжателя наступательной тактики адмирала Ушакова.

Нахимов действовал стремительно и внезапно, добивался того, чтобы инициатива в бою принадлежала его флоту. Он тщательно следил за противником, непрерывно держал Черное море под неослабным наблюдением. Нахимов упорно искал врага, в бою всегда старался навязать ему свою волю, вел сражение решительно и добивался уничтожения противника.

В сборнике приводятся приказы, рисующие взгляды Нахимова на проведение боевого столкновения с противником.

Во время действий против контрабандных судов гребные суда корвета «Пилад» и брига «Паламед» не могли из-за упорного сопротивления контрабандистов выполнить поставленную задачу. Рассмотрев донесение командиров судов об этом, Нахимов в приказе пишет, что «было упущено главное»: гребные суда не бросились на абордаж для захвата противника, т. е. не пошли на решительный шаг. «Конечно, — писал Нахимов, — потеря офицеров и людей могла быть значительнее, но честь и слава остались бы неукоризненны» (стр. 67).

Нахимовская воля к победе и решительность его действий особенно ярко видны из приказов в связи с началом военных действий против Турции в 1853 г. Он писал в приказе № 67: «...считаю нужным предуведомить командиров судов вверенного мне отряда, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело...» (стр. 95).

В бою Нахимов добивался быстрого и полного уничтожения противника. В приказе от 10 ноября он указывал командирам кораблей, что «при встрече с турецкими военными кораблями» последние «должны быть немедленно уничтожены» (стр. 94).

Нахимов считал наиболее эффективным бой на близкой дистанции. Он правильно оценил и в Синопском сражении успешно впервые использовал бомбические пушки, изобретенные французским генералом Пексаном в 1822 г. Пушки эти при больших зарядах стреляли разрывными бомбами и являлись страшным оружием для деревянных парусных кораблей, особенно на близком расстоянии.

Зная, что в Синопе стоят неприятельские корабли, Нахимов направился туда. 8 ноября эскадра Нахимова выдержала жестокий шторм, в результате которого два корабля и фрегат получили столь серьезные повреждения, что их пришлось отправить в Севастополь для ремонта. Нахимов с остальными судами остался перед Синопом, наблюдая противника и ожидая прихода подкрепления. 16 ноября для усиления эскадры Нахимова пришли три корабля. 18 ноября русский флот напал на турецкую эскадру и полностью разгромил ее.

Приказ Нахимова, отданный перед боем по эскадре, дышит уверенностью в личном составе. Из него видно, какое большое значение придавалось Нахимовым инициативе и взаимопомощи командиров в бою. Четко ставя задачи каждому кораблю и предусматривая возможное поведение флота противника, приказ заканчивается словами: «Все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг... Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота» (стр. 106).

Надо отдать должное составителям сборника, которые выявлением ряда новых документов о Синопском бое обогатили историю этой блистательной победы русского флота. Читатель найдет в сборнике такие документы, как впервые публикуемая выписка из шханечного журнала корабля «Три Святителя», ведшегося на корабле 18—19 ноября 1853 г. и дающая яркую картину Синопского боя. Тут же приведено письмо Нахимова его двоюродному брату А. М. Нахимову, описывающее, что делали и как чувствовали себя Нахимов и его моряки в месяцы между Синопом и высадкой союзников в Крыму. Какой душевной чистотой и скромностью веет от этого письма Нахимова: «Ты пишешь, что вся Россия приветствует меня с Синопской победой, я же должен сознаться, что бодрым состоянием духа наших команд, прекрасной материальной частью флота Россия обязана покойному благодетелю Черноморского флота адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. Мне же остается благодарить всевышнего, что он даровал мне плоды неусыпной заботливости и постоянных трудов бывшего нашего начальника и друга. Право, всякий на моем месте сделал бы то же, что я» (стр. 132). Таков был Нахимов, всегда старавшийся выдвинуть на первое место заслуги других, искренне недоумевая, почему его самого считают героем.

Богатый материал представлен в разделе сборника «П. С. Нахимов — организатор и вдохновитель обороны Севастополя». Составители сборника включили сюда не только официальные документы — приказы,

донесения, но и письма и воспоминания о Нахимове участников обороны Севастополя. Все это достаточно полно показывает не только выдающуюся роль Нахимова в обороне, но и рисует его облик как любимого вождя матросов, солдат и офицеров, как подлинного русского национального героя.

После того, как союзные войска осадили Севастополь, а их морские силы установили полное господство на Черном море, русскому Черноморскому флоту ничего не оставалось делать, как потопить часть кораблей на рейде, преградив вход флоту противника в Севастопольскую бухту, а команды и корабельную артиллерию, снятые с потопленных судов, свезти на берег для сухопутной обороны.

14 сентября 1854 г. Нахимов издал приказ о затоплении кораблей и использовании команд на суше для защиты Севастополя. «Неприятель, — говорится в этом приказе, — подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры, а оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах, командах, что каждый из них будет драться, как герой» (стр. 134).

Нахимов трезво оценивал соотношение сил на море и на суше и все силы прилагал к тому, чтобы усилить оборону Севастополя, упорно стараясь преодолеть бездеятельность Меншикова. В сборнике приводятся доклады Нахимова Меншикову, в которых он настаивает на дополнительных мерах по усилению обороны Севастополя, стараясь дать понять Меншикову, какое огромное стратегическое значение имеет Севастополь. «Громадные усилия союзников, — говорится в докладной записке от 3 февраля 1855 г., — употребленные против Севастополя, бесспорно могли быть удерживаемы до сих пор только при содействии средств, разрушивших Черноморский флот; первый период бомбардирования кончается; средства наши наполовину уже истощились. Тяжкий удар, нанесенный флоту, не тайна для наших неприятелей; мы находимся в таком положении, что не можем быть страшны на море по крайней мере в продолжение нескольких лет; приложение винтового двигателя окончательно решает вопрос о нашем настоящем ничтожестве на море Черном; итак, нам остается одно будущее, которое может существовать только с Севастополем; враги наши знают цену этому пункту и употребляют все усилия, чтобы завладеть им» (стр. 143).

Изучая документы, опубликованные в сборнике, военно-морской историк, офицер флота поймет, почему Нахимов пользовался таким высоким авторитетом среди матросов и офицеров, чем он завоевал любовь своих подчиненных, их готовность итти за ним «в огонь и в воду».

Адмирал Нахимов хорошо знал и понимал душу русского матроса. «В Нахимове могучая, породистая симпатия к русскому человеку всякого сословия, — говорится в выдержке из рассказа В. Зарудного, — не порабощалась честолюбием; светлый ум его не прельщался блеском мишурного образования, и горячее сочувствие к своему народу сопровождало всю жизнь его и службу» (стр. 222).

Нахимов был человеком кристальной честности и выше всего считал как для себя, так и для других долг беззаветного служения родине и флоту. Он горячо любил море, корабль и прививал эту любовь подчиненным. В Нахимове все уважали его военный талант, командирскую волю, решительность, храбрость. Он был требователен

по службе, но эта требовательность сочеталась с сердечной добротой и чуткостью.

Нахимов высоко ценил природные качества русского матроса — ум, сметливость, храбрость. Он требовал от офицера уважения человеческого достоинства матроса, считая, что только при таком отношении матросы привяжутся к своим начальникам.

Нахимов умел зажечь матросов чувствами национальной гордости и морской чести. «Матросы! — писал Нахимов в приказе в связи с производством его в адмиралы. — Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь... Убедите врагов... что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков» (стр. 158).

Документы, опубликованные в сборнике, говорят о том, как заботился Нахимов о матросах и офицерах. Мимо него не проходила буквально ни одна мелочь их быта. Примечательна в этом отношении записная книжка адмирала, писанная его собственной рукой. Здесь мы видим пометки о хлебе к чаю, о проверке казначейства, о претензиях матросов, об очистке колодцев, о проверке аптек, о том, чтобы «кресты давать и тем, которые и прежде представлены», и т. д. и т. п. Из записей в книжке видно, что Нахимов даже в суровые дни обороны Севастополя беспокоился о том, чтобы матросы и солдаты имели чистое белье.

В сборнике помещен большой материал о ранении и смерти Нахимова, о том, какие чувства вызвала смерть любимого адмирала среди участников Севастополя, о том, с какой скорбью встретили это горькое известие русские люди вдали от Севастополя.

Последний раздел сборника — «Современники о П. С. Нахимове». Здесь представлены письма, рассказы и воспоминания людей, хорошо знавших Нахимова. Эти материалы служат ценным дополнением к документам.

В сборнике помещены портрет адмирала П. С. Нахимова, а также ценные иллюстрации: чертеж линейного корабля «Императрица Мария», на котором держал флаг П. С. Нахимов, с указанием повреждений, полученных кораблем в Синопском сражении, снимки с некоторых документов и другие.

Советские военные моряки с большим интересом встретят сборник документов о Нахимове. В нем впервые собраны материалы, дающие возможность лучше понять одного из самых популярных и любимых русских флотоводцев — адмирала П. С. Нахимова. Прав академик Е. В. Тарле, который в предисловии к сборнику пишет: «Тут мы видим именно ежедневную служебную, бытовую обстановку, в которой жил и действовал Нахимов, среду, в которой он вращался, читаем приказы, которые он получал сверху, приказы, которые отдавал он сам, знакомимся с его записной книжкой, и перед нами постепенно возникает эта изумительная, такая невидная, подспудная по своему внешнему характеру и такая поразительная по своим конечным результатам деятельность одного из сыновей русского народа, которым русский народ справедливо гордится» (стр. 8).

П. Ф. МОРОЗОВ
Капитан 1 ранга

Amphibious Warfare and Combined Operations, by Admiral of the Fleet the Lord Keyes. Cambridge—New-York, 1943, 101 p. Адмирал флота лорд Кийс, Амфибийная война и комбинированные операции. Кембридж—Нью-Йорк, 1943, 101 стр.

Автор рецензируемой книги лорд Кийс — видный адмирал английского военно-морского флота. В первую мировую войну он был инициатором, организатором и руководителем Зеебрюггской операции, а впоследствии — командующим Дуврским патрулем. Уже тогда Кийс приобрел известность как энергичный офицер, приверженец активных наступательных действий. В начальный период второй мировой войны Кийс выступил с резкой критикой руководителей высших военно-политических органов Англии, проявлявших нерешительность и медлительность в ведении войны. Тогдашний премьер-министр Англии Чемберлен назначил Кийса советником и особым офицером для связи при бельгийском короле Леопольде. С приходом к власти премьер-министра Черчилля Кийс получил задание организовать войска особого назначения для проведения так называемых «комбинированных операций».

Книга адмирала флота Кийса содержит обзоры крупных десантных операций, проведенных в разное время английским флотом. В первых четырех главах рассматриваются десантная операция на реке Св. Лаврентия по занятию Квебека в 1759 г., операция английских сухопутных и морских сил во время боксерского восстания в 1900 г., Дарданельская операция 1915 г. и Зеебрюггская операция 1918 г. Описание этих операций в общем не выходит за рамки общеизвестных фактов, достаточно полно освещенных в нашей военно-морской литературе.

Наибольший интерес представляет последняя глава книги, озаглавленная «Комбинированные операции в текущую войну».

Адмирал Кийс показывает сложность и громоздкость организации военного и политического руководства Англии, приведшие к ряду провалов и неудач в начальный период второй мировой войны. При этом автор указывает, что подобные дефекты организации с достаточной яркостью были выявлены еще во время первой мировой войны. Казалось бы, имелось достаточно времени, чтобы использовать опыт войны 1914—1918 гг. Однако при чтении книги Кийса, где уделяется очень много внимания вопросам организации командования английскими вооруженными силами и планирования операций, становится очевидным, что уроки прошлой войны англичанами не были учтены. С присущей ему резкостью Кийс рисует весьма неприглядную картину бесконечных заседаний и совещаний различных комиссий, сковывавших инициативу непосредственных исполнителей и пытавшихся подменить подлинное военное руководство канцелярской перепиской. В 1941 г. состоялось 462 заседания при начальниках штабов, и тем не менее, ни одна операция наступательного характера даже не была обсуждена.

Адмирал Кийс утверждает, что из-за безответственности и нерешительности многочисленных междуведомственных комиссий и комитетов Англия оказалась неподготовленной к эффективной борьбе против агрессии фашистских государств. Военно-морской флот также не был подготовлен к выполнению ответственных задач, которые легли на него с самого начала войны. Морской авиации не существовало, если не считать 260 самолетов устаревшего типа, переданных флоту из состава королевских воздушных сил. Морские операции формально обеспечивались действиями корпуса береговой авиации, который в отношении активных действий зависел от корпусов бомбардировочной и истребительной авиации. Морское командование не могло распоряжаться непосредственно корпусом береговой авиации, и именно из-за этого при прорыве «Scharnhorst» из Бреста в Гельголанд (1942 г.) удары береговой авиации оказались запоздалыми. В организационном отношении береговая, бомбардировочная и истребительная авиация были независимы друг от друга, что отрицательно сказывалось на эффективности и оперативности их использования.

Нерешительность действий англичан в Норвежской операции Кийс также объясняет колебаниями и неопределенностью решений различных междуведомственных комиссий.

Читая о высадке союзных войск в Намсосе и Андельснесе и о роли в этом деле консультативной комиссии в Уайтхолле, невольно вспоминаешь слова Суворова: «Одним топором не рубить вдвоем». Вся немецкая огневая система обороны Тронхейм-фиорда состояла из четырех старых 203-мм орудий и двух торпедных аппаратов, установленных на плоту. Маневренные силы обороны включали всего лишь два эскадренных миноносца. Напряженность момента требовала быстрых и решительных действий. Однако дальше планов и согласований их между ведомствами дело не шло. Имевшиеся возможности оказались упущенными, и высадка в Намсосе и Андельснесе закончилась неудачей,

Адмирал Кийс являлся сторонником энергичных операций с помощью флота по захвату Тронхейма с моря. Разработанный им план операции не был осуществлен адмиралтейством, которое опасалось рисковать кораблями, имея в виду возможное вступление в войну Италии.

Летом 1940 г. адмирал Кийс возглавил вновь создаваемую организацию по проведению комбинированных операций.

Под руководством Кийса были созданы «войска особого назначения», получившие название «коммандос».[1] Эти войска комплектовались добровольцами из всех родов вооруженных сил и проходили специальную подготовку в соответствии с поставленными перед ними задачами разведывательно-диверсионного характера. Особое внимание при этом уделялось обучению приемам ведения ночных боев.

Кийс кратко описывает отдельные эпизоды действий «коммандос» как в отечественных водах, так и в районе Средиземного моря: рейд на Лофотенские острова, участие в форсировании р. Литани в Сирии, рейд на Дьепп и другие. В книге рассказывается об интересном диверсионном рейде небольшой группы бойцов 11-й «коммандос», которой была поставлена задача уничтожить германского командующего генерала Роммеля и его штаб перед началом наступления 8-й английской армии 18 ноября 1941 г. Диверсионная группа была высажена на берег с двух подводных лодок и через четыре дня достигла штаба Роммеля. Штаб был разгромлен, но сам Роммель в эту ночь отсутствовал, что лишило дерзкую операцию того успеха, который она могла бы иметь.

Говоря об операциях в Северной Африке, Кийс осуждает адмиралтейство за недостаточную помощь, оказанную флотом наступавшей армии. Кийс считает, в частности, большим промахом, что была допущена высадка германских подкреплений Роммелю в Тунисе. По его мнению, вся обстановка на море и в воздухе подсказывала необходимость упредить немцев путем захвата Туниса и Бизерты в результате смело проведенных комбинированных операций. Стремление адмиралтейства и его бесчисленных комиссий и подкомиссий избежать ответственности и риска, связанных с выполнением десантных операций, «заморозило» на этом театре значительные силы хорошо подготовленных «коммандос» и морской пехоты вместе с их богатой боевой техникой и десантно-высадочными средствами.

Таким образом, в «системе комиссий» Кийс видит причины многих неудач английских вооруженных сил в первые годы войны.

В заключение Кийс отмечает, что многие из трудностей, с которыми длительное время приходилось встречаться, были устранены. Он указывает, что на четвертом году войны было создано единое командование, хотя, что касается военно-воздушных сил, то все еще сохранилась система двойного подчинения и разделения ответственности, вредно отражающаяся на эффективности проводимых операций. Начало оперативного подчинения военно-воздушных сил сухопутному командованию было положено в 8-й армии в Северной Африке, но для того, чтобы добиться этого взаимодействия, хорошо зарекомендовавшего себя в армии Монгомери, понадобилось, по словам Кийса, несколько лет больших неудач и провалов.

Корпус береговой авиации, на вооружении которого в основном находились самолеты, полученные из США, был подчинен в оперативном отношении морскому командованию (по крайней мере в отечественных водах и в Атлантике). Адмирал Кийс подчеркивает, что даже это мероприятие, целесообразность которого совершенно очевидна, было проведено в жизнь только после 17 месяцев войны.

Значительные изменения произошли и в организации высшего органа «Командования комбинированными операциями». В марте 1942 г. его возглавил главнокомандующий комбинированными операциями (Chief of Combined Operations), которому одновременно было присвоено звание вице-адмирала, генерал-лейтенанта и маршала военно-воздушных сил. Эта организация к тому времени выросла в крупный военный организм, имевший уже значительный боевой опыт, специально организованные центры учебно-боевой подготовки и многочисленный флот десантных судов различных конструкций, отвечавших условиям современной войны на море.

Как известно, «коммандос» сыграли большую роль в последующих десантных операциях союзников при высадке на побережье Северной Африки, на итальянских островах и при вторжении англо-американских войск в Нормандию.

Наши офицеры прочтут книгу адмирала Кийса с интересом. Они найдут в ней заслуживающий внимания материал об организации и боевой деятельности английского военно-морского флота.

А. П. ТРАВИНИЧЕВ
Капитан 1 ранга

---

[1] Название «commandos» заимствовано из времен англо-бурской войны. Так назывались тогда отдельные отряды буров, ведшие партизанскую борьбу после разгрома главных сил буров англичанами.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ „МОРСКОЙ СБОРНИК" в 1945 г.

ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА НА МОРЕ

ИСТОРИЯ

В ИНОСТРАННЫХ ФЛОТАХ

ТЕХНИКА, СУДОРЕМОНТ

КОРАБЛЕВОЖДЕНИЕ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РАЗНОЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ ВОЕННО-МОРСКОЙ ИСТОРИИ

В ИНОСТРАННЫХ ФЛОТАХ

ОТДЕЛ ТЕХНИКИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СССР

ГМ 02410 Подписано к печати 12/I—46 г. $11^1/_2$ печ. листов Зак. 5312

2-я типо-литография УВМИ